

Дарья Вознесенская

18+

Коэффициент

МАГИИ

Дарья Вознесенская

Коэффициент магии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48503987

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-08203-8

Аннотация

Странные события происходят в наше время. Пропадают артефакты и люди, а таинственный Магический Комитет оказывается не так уж и всемогущ. Влада, агент Комитета ночью и преподавательница археологии днем, берется за проверку одного из самых неоднозначных магов Москвы, Максима Арсенского. И оказывается втянута в игру, где смешиваются прошлое, настоящее и будущее, где враги превращаются в друзей, а таинственный механизм уже начинает свою работу. Успеет ли она найти ответы и ключ к происходящему, когда на кону стоит не только её любовь, но и существование целого мира?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	49
Глава 7	61
Глава 8	73
Глава 9	83
Глава 10	93
Глава 11	102
Глава 12	114
Глава 13	127
Глава 14	137
Глава 15	147
Глава 16	158
Глава 17	169
Глава 18	184
Часть вторая	195
Глава 1	195
Глава 2	207
Глава 3	216

Глава 4	227
Глава 5	239
Глава 6	247
Глава 7	255
Глава 8	266
Глава 9	275
Глава 10	285
Глава 11	300
Глава 12	311
Глава 13	320
Глава 14	327
Глава 15	339
Часть третья	349
Глава 1	349
Глава 2	356
Глава 3	364
Глава 4	379
Глава 5	389
Глава 6	399
Глава 7	403
Глава 8	416
Глава 9	427
Эпилог	447
Послесловие от автора	455

Дарья Вознесенская

Коэффициент магии

Часть первая

Глава 1

Я взялась за ручку аудитории номер триста два и замерла в нерешительности...

Ну конечно, бегать по темным переулкам не страшно, а появиться перед первой группой вдруг оказалось пугающим. Черт, Влада, да заходи уже – ты сама теперь преподаватель!

Глубоко вдохнула и рывком открыла дверь. Спокойно прошла на свое место, не прислушиваясь – пока – к раздавшимся шепоткам. Я знала, что они видели: стройную брюнетку в простых слаксах, свободной рубашке и очках. Типичный «чулок», но, на этот раз, весьма симпатичный, молодой и неопытный.

Что ж, пусть хоть немного побудут в неведении по поводу моего характера. И неопытности.

– Меня зовут Владлена Александровна, можно Влада Александровна, обращение на «вы». – обернулась я к аудитории и внимательно осмотрела первокурсников. Довольно

много народу – в моем университете на Историческом факультете направление «Археология» училось поменьше.

– Я буду вести у вас на первом курсе два предмета. «Основы археологии» и «Полевая археология», именно со мной вы поедете на летнюю практику на раскопки. Это ваши основные предметы по данной специальности, наравне с теми историческими дисциплинами, которые вы выбрали. Но и дальше мы с вами не расстанемся. У второго и третьего курса я веду специальности и семинары по «Древним цивилизациям» и «Магическим предметам».

– Так вы маг? – выкрикнул кто-то с третьего ряда.

– Нет, не маг – улыбнулась. – Мы будем изучать, скорее, вещи, исконно считавшиеся особенными. Как вы знаете, магические предметы были у всех цивилизаций – те, что они наделяли магическими свойствами, и пока не до конца разгаданы ни нашими учеными... ни магами. Вот ими мы, в дальнейшем, займемся.

Я еще раз внимательно осмотрела студентов. Ага, есть три слабеньких свечения ауры. Скорее всего, будущие артефакторы или «исследователи древних».

Скажу сразу. Автоматов у меня не будет. Я впервые преподаю, поэтому собираюсь стать строгим, но справедливым учителем – считайте это моими пока не реализованными амбициями – раздались смешки. – И я хочу, чтобы вы полюбили эту науку, так, как люблю её я, поэтому постараюсь дать по максимуму.

– А сколько вам лет? – снова звонкий голос с третьего ряда. Пригляделась – симпатичный парень, окруженный девчонками. Понятно, значит, местный заводила и ловелас.

– Двадцать пять, – ответила спокойно. Знаю, что выгляжу я моложе, даже в очках и строгой одежде. Генетика, ничего не поделаешь.

Ну, и не только.

– Встречаться мы будем практически каждый день, пары не первые, так что «проспал» для меня оправданием не станет, – снова смешки. – Посещаемость отмечать не буду, но время от времени собираюсь проводить опросы и контрольные – без предупреждения; советую всё-таки выполнять задания и учить то, что я задаю. Потому как за невыполненную контрольную или за пропуск я ставлю «неуд». Один «неуд» никак не повлияет на мое отношение к вам на экзамене, два неуда заставит задуматься, три – будет означать минус один балл. Двойка на экзамене – курс не засчитан. Те, кто в силу своей, скажем так, безалаберности окажется со сплошными неудами – неважно, по причине своего отсутствия или знаний – к практике и экзамену допущены не будут. А значит, курс не сдадут. И пересдачи у меня нет. Так что, если вы захотите получить диплом по специальности, вам придется проходить всё заново.

Студенты приуныли.

– А если причина уважительная? – томно протянула девушка с предпоследнего ряда. Странно, обычно такие не учатся

на историческом. Грудь четвертого размера, белокурые локоны, боевая раскраска и декольте. Уверена, она на каблуках и в короткой юбке, даже под стол заглядывать не было необходимости.

– Например какая? Смерть? – спросила я язвительно.

– Ну мало ли. Дела-а... – нахально снова протянула девица.

– Ну если «дела-а», тогда конечно – я мило кивнула, и первый курс снова заулыбался и начал переглядываться – Только «дела-а» придется подтверждать официально... или проверить с помощью «лож-ки».

– Опять эти маги, – прошипела девица и народ зашумел, соглашаясь.

– И не говорите, – я усмехнулась – Никакого от них спасения. Кстати, они настолько наглые, что не только передали мне в пользование "ложку", но и поставили за лето на все аудитории, по заказу ректора, защиту от списывания. Ужас, правда?

Все, добила. Пора было переходить непосредственно к теме лекции. Но меня прервали.

– Так если вы столь ... хм, неопытны... откуда же такая кровожадная система? – а вот этот голос мне показался опасным. Для моего авторитета. Я внимательно посмотрела на говорящего. Хм, и не только для авторитета. С ним точно будут проблемы.

Высокий и мускулистый – вон как возвышаются над сто-

лом плечи; лицо словно высечено из камня. Длинная темная челка, синие глаза. Жесткий, оценивающий взгляд – если у него в семнадцать такой, что дальше то будет? Четко очерченные чувственные губы. Еще раз внимательно присмотрелась – нет, ауры мага нет, магнетизм все-таки природный, человеческий. Странно, что рядом ни одной девочки, только пара парней.

– У меня были великолепные учителя, – ответила я и, наконец, открыла журнал. Сорок один человек. Сорок одно идеальное прикрытие.

Впрочем, к науке я была также равнодушна.

Что ж, приступим. У меня отличная память на лица и имена, так что пора познакомиться поближе с первыми учениками. А потом незаметно просмотрю еще личные дела тех трех магов.

* * *

– Влада Александровна! Можно с вами поговорить?

Первый день выдался напряженным: знакомство с группами, преподавательским составом, расписанием, общими правилами. К тому же, мне пришлось столкнуться с определенным недоверием и неприятием. Я была чужачкой: только переехала в Москву и не училась в этом университете; да еще и оказалась самым молодым преподавателем. И это вызвало настороженное и не всегда любезное внимание.

Сейчас мне просто хотелось уйти домой, но я с улыбкой обернулась:

– Да, Мария?

Посмотрела на подошедшую девушку, одну из магов, которую заметила на первой лекции и воспроизвела в уме её личное дело. Семнадцать лет, золотая медаль, коэффициент "ноль-три" – не развивала. На последней проверке подписала отказ от использования.

За такими отказами, как правило, стояла неприятная история: не обязательно трагичная, но травмирующая. И свою задачу, если уж жизнь меня сталкивала с такими людьми, я видела в определенной им помощи. Пусть это и не имело отношение к моей работе. Ни к одной из двух. Да и было запрещено Кодексом. Но на подобные нарушения смотрели сквозь пальцы. А я просто не могла пройти мимо.

– Вы сказали, – девушка была явно смущена – Ну, на лекции... Что многие ученые утверждают теперь, что с появлением магии наука умерла, но археологии это не касается. Она получила новый виток развития и...

– Стала совершенно другой. И теперь у магов, которые решили заняться этой наукой, имеются огромные перспективы, – я улыbnулась, закончив за неё.

– Вы и правда так думаете?

– Конечно.

– То есть дар, он может...

– Помочь.

– Даже если до этого только мешал?

– Да.

– Я хочу стать хорошим археологом. Очень...

– Если хочешь, то станешь им, независимо от магических способностей.

– То есть вы знаете, что у меня... – глаза Маши расширились.

– Преподавателей предупреждают об этом. Это не противоречит правилам.

– Понятно, – девушка закусила губу, будто останавливая слова, которые хотели сорваться с губ. Вздохнула, поблагодарила и двинулась обратно. Я внимательно посмотрела ей вслед.

Что ж, пусть идет – торопиться не было необходимости.

* * *

– Вла-ада... – протянул Тимур.

Я поморщилась – терпеть не могла, когда мое имя так тянули – и начала раздеваться. Очки – с простыми стеклами – полетели в одну сторону, рубашка – в другую. Черт его знает, зачем я придумала этот образ, но не одеваться же в университет как Индиана Джонс? Пусть об археологии у меня до сих пор были весьма романтические представления.

Вернулась к телефону.

– Говори.

– Есть повод для встречи, – мужчина сделался серьезен. Не видя его, предположила, что он нахмурился и потер подбородок. С Тимуром мы были знакомы совсем недолго, но он сразу мне понравился. Вдумчивый, ироничный, спокойный. Идеальный партнер. Я даже начала задумалась о том, чтобы чуть усложнить наши партнерские отношения.

– Хороший повод?

– Плохой.

Тяжко вздохнула. Что ж, плохой повод был еще важнее.

– Как обычно?

– Ага.

Как обычно означало переулочек в центре города, к которому вели три явных и еще два неявных пути.

– Буду через два часа.

Джинсы, майка, удобные ботинки, темная кожаная куртка, наушники. Как у людей в черном, у меня было несколько таких «костюмов», практически идентичных друг другу. Что поделать, если в них удобно и невозможно привлечь излишнее внимание – так одевалась половина города.

Я вышла из дома и нырнула в метро, в котором было по – вечернему многолюдно. Знаю, многие не любили спускаться под землю и толкаться среди хмурых собратьев, но мне, почему то, нравилось. Я была здесь своя. Одна из многих. И получала при этом ту степень одиночества, какую желала.

Толпа вынесла меня на улицу, где почти стемнело, и я спокойно, прогулочным шагом пошла вдоль улицы. Вот и нуж-

ный поворот. Направо, налево, еще раз налево. Со стороны могло показаться, что у меня нет никакой цели. Хотя, со стороны никто на меня и не смотрел. Иначе я бы почувствовала.

Вот и нужное место. Сквозной переулок, сквер, на котором приютилась единственная лавочка. Я села на нее и, будто задумавшись о чем-то, достала сигарету. Дурная привычка, но меня она точно не погубит; зато позволит в подобных обстоятельствах сделать вид, что я просто решила перекурить.

И ко мне всегда можно было подойти попросить зажигалку.

Тимур опаздывал. Я поняла это спустя две минуты. Спустя еще пять – напряглась. Через десять – занервничала. Я все еще сидела на лавочке, внушая редким прохожим миф о расслабляющем воздействии курения, но сама при этом пыталась нащупать след. Хоть малейший, который мог бы прояснить для меня ситуацию.

Ничего. Совсем глухо.

По логике, это должно было меня успокоить, но по факту взволновало еще сильнее. Потому что мир не может существовать без следов. Без обрывков мыслей, действий, связей. А здесь, как будто...

Я прислушалась к себе.

Стерто? Не может быть... Неужто, кто-то воспользовался «ластиком»? И если это так, то могло означать лишь одно.

Сердце рухнуло вниз, а дыхание прервалось.

Спокойно, Влада, не делай резких движений.

Заставив себя встать медленно, а не вскочить и метнуться в укрытие, я отошла к стене и незаметно осмотрелась. Вроде бы никого. Но и партнера я не слышала. Глубоко вдохнула и снова прошла по окружающему пространству. Все мои органы чувств были обострены до предела: я ловила запахи города, звуки, человеческие эмоции, голоса, вкус воздуха, несущего события. Мне нужно было понять одно...

Вот оно. Всплеск паники, тонкий взвизг, на грани слышимости, и дальше суета.

В квартале отсюда.

Я быстро пошла в ту сторону, понимая, что там увижу.

И действительно, за углом одного из зданий, в тупике, уже стояло несколько человек. Они окружили тело, нервно переговариваясь.

Молодой мужчина, блондин, лежал навзничь возле стены. На его боку расплзлось темное пятно. И как то сразу становилось понятно, что он мертв и сделать ничего невозможно. Сглотнула и вышла вперед:

– Я врач, пропустите, – голос из-за подступивших слез звучал хрипло.

Быстро ощупала Тимура, стараясь не думать о том, что разговаривала с ним пару часов назад. Так, ни бумажника, ни телефона, ни кольца, которое я на нем помню. За телефон я не беспокоилась – мы никогда не сохраняли в них действительно важные номера, а звонки были запрограммированы

таким образом, чтобы исчезать сразу по окончании разговора. Но пропажа остального говорила о том, что дело решили обставить как ограбление.

– Ничего не поделаешь, – объяснила я собравшимся по окончании осмотра. Голос у меня дрожал, но вряд ли это кто-то заметил, – Нужно вызвать полицию.

– Уже вызвали... – принялась объяснять женщина, держащая за руку еще одну, слегка повизгивающую – они, скорее всего, и нашли тело – но я уже не слушала. Спокойно зашла за спины взволнованных людей и быстро двинулась прочь, пока никто меня не запомнил.

Мне нужно было позвонить, но сначала следовало справиться с собственными эмоциями. А также обдумать всё, что я видела, пока картинка не подернулась дымкой времени.

Итак, следов действительно не было, но даже "ластики" не могли стереть намерений. Мужчину убили целенаправленно и строго по заданию.

И вот здесь начиналась самая большая проблема. Да, его могли вы-следить, но зачем? Ни я, ни Тимур не занимались такими делами, за которые стоило убивать. Мы не следили за крупными шишками, не штурмовали сошедших с ума отшельников, не участвовали в вооруженных конфликтах. Фактически, в нашу задачу входил анализ и «раскрутка сюжета», и это никогда никому не мешало...

До сегодняшнего дня.

Глава 2

Темные улицы, освещенные лишь отдельными факелами...

Факелами?! Какие, к черту, факелы?

Тем не менее, я осторожно беру один, выдергиваю из крепления и примеряюсь к очередной черной подворотне. Куда идти мне непонятно: вокруг нет ни одного знакомого здания. И потому – без разницы.

Позади сгущается тьма. Впереди неяркий теплый свет проявляет какую-то мерзость, на которую я даже не хочу смотреть. Но опасности от нее не исходит.

Что я здесь делаю и как сюда попала?

Нужно сосредоточиться. Я пытаюсь потянуть след, уловить хоть что-то в окружающих вибрациях, надеясь на опыт и интуицию, но они пока меня подводят.

Осторожно иду дальше и вдруг слышу шаги. Нехорошие шаги. И почему то сразу становится понятно, что это за мной. Захлестывает волна паники, и я бегу. Бегу, не разбирая дороги – все равно её не знаю. Под ноги постоянно падаются камни, несколько раз я неловко наступаю в ямы, полные ледяной жижи.

Тени и всполохи мечутся по все сужающимся стенами. Мне кажется, впереди, просвет. Я делаю рывок, но кто-то – или что-то – хватает меня сзади за свитер. Время останавли-

вается. Мы с преследователем замираем. Я слышу тяжелое дыхание человека – человека ли? Он выше меня.

И он хочет меня убить.

Медленно, как-будто действие происходит под водой, он заносит руку. Я чувствую это по движению воздуха. И за мгновение до того, как нож вонзается в мой бок, я резко поворачиваюсь, чтобы рассмотреть его лицо...

Со всхлипом вынырываю из кошмара и резко сажусь на кровати.

Сон ускользает сквозь пальцы, но я мысленно повторяю про себя все, что запомнила – это может оказаться важным. Как и то, что лица моего убийцы – или убийцы Тимура – я не увидела.

Что ж, этого сна следовало ожидать, после того, как я сняла отпечаток. Эти сны будут еще мучать довольно долго, все менее похожие на реальность. Мучать до тех пор, пока я не найду ответы.

Именно поэтому я решила проигнорировать требование куратора и главы Комитета не лезть в расследование.

– Мы сами займемся этим, Влада, – голос главы был сух, хотя за этой сухостью я различала нотки беспокойства. – Слишком странная ситуация. Вы работали над совершенно однозначным делом, которое не должно было привести... ни к чему такому.

Не могло. Но привело.

Но если я ничего не буду делать, то сойду с ума.

Я посмотрела на часы на прикроватной тумбочке и вздохнула. Пять часов. Что ж, можно и вставать. В раннем утре заключалась огромная энергия. Тем более, что я, как правило, и так высыпалась за несколько часов.

Утренние упражнения, аккумулирующие силу; душ, укладка; макияж. Я внимательно осмотрела себя в зеркало: темные, почти черные волосы в строгом пучке, что приглушало их яркость. Высокий рост, гибкое тело – я не могла похвастаться женственными формами, зато у меня были стройные ноги, идеально прямая спина и никакого намека на жир. Орехового цвета глаза – мамино наследство – и светлая кожа. Хорошо хоть не сгорала – на раскопках, которые я обожала, это мешало бы.

Мне нравилась моя внешность, но и в качестве студентки, и в качестве преподавателя я не выставляла её напоказ, а наоборот, делала более обыденной, что ли. Правда, даже себе не могла ответить на вопрос, делала ли я это из самозащиты или требований безопасности Комитета.

Налила себе кофе, включила телевизор, чтобы развеять тишину, и подошла к окну. Иногда меня накрывало чувство одиночества, и я даже подумывала, не завести ли кошку или любовника, но потом отказывалась от этой мысли – ни о той, ни о другом заботиться у меня не было бы времени. Вот если бы они были в состоянии занять себя сами...

Город уже просыпался. Я снимала квартиру недалеко от университета, в старой пятиэтажке без лифта и мне очень

нравился этот район – и бурлящий проспект прямо под боком, и парк, через который надо было идти к метро. Не знаю, каково это будет зимой, но сейчас только радовало. Сентябрь был изумительным – теплым, ясным, безветренным и пока еще не началась предзимняя мгла, даже утром можно было насладиться солнышком.

Телевизор бубнил, настроенный на центральный канал. Я практически не прислушивалась, пока слово не взял какой-то жизнерадостный идиот:

– Буквально несколько дней назад у нас был день знаний и вот уже новый праздник – Всемирный День Магии! Магия, как говорят, стала именно тем рычагом, что перевернула наш мир, и мы поздравляем сегодня всех магов и тех, кто имеет к ним отношение...

Дальше я уже не слушала.

Поздравляем?

Никто, до сих пор, так и не смог дать однозначного ответа, была в том событии радость, проклятие или насмешка неведомых нам стихий.

Я передернула плечами и вздохнула, погружившись в себя.

* * *

То, что сейчас называют «днем Магии», началось обычной сентябрьской ночью тридцать лет назад. Редкое по красоте зрелище – метеоритный дождь – могли наблюдать во

всех полушариях. По факту, самый грандиозный «звездопад» в истории, который не обошелся без последствий. Если бы я прочитала к тому моменту «День Триффидов», я бы остереглась смотреть на небо. Но я не прочитала; я еще даже не родилась.

Нет, никто не ослеп в последующие дни, зато у нескольких процентов населения Земли обнаружили способности.

Магические способности.

Несколько процентов в масштабах более пяти миллиардов жителей – это порядка двухсот миллионов человек. И эти двести миллионов – в разных концах света. Разного пола и возраста, социального положения и дохода. Разных характеров, судеб и отношения к окружающим. Разных рас, разной веры и степени психической устойчивости. И все они оказались наделены самыми разными умениями – кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Совершенно неизвестными и непредсказуемыми умениями.

Может быть, если бы всё развивалось постепенно, те маги, кто был более адаптивен или занимал достаточно высокое положение, сумели бы взять ситуацию под контроль и отгородиться от остального мира, чтобы скрыть, хотя бы на время, произошедшее. Но резко появившаяся магия у такого количества людей – от вещих снов до умения влиять на действия окружающих, от передачи импульсов предметам на расстоянии до целительских практик, наподобие хилерских, от почти незаметной эмпатии до смертельно опасных, как

для магов, так и для их близких, выбросов – сделали это невозможным. Никто не мог управлять обретенным, никто не понимал в тот момент, что это вообще такое. И начался ад. Фактически, всеобщая война. Паника, борьба магов и людей, геноцид, инквизиция, террор, самоубийства, разлучения семей. В этой войне не было правых или виноватых: магами ведь стали не только благородные и светлые душой люди; а не-маги были слишком озабочены вопросом выживания вида, которому они почувствовали угрозу, чтобы действовать обдуманно.

Экстренные собрания ООН, вооруженные конфликты между странами и внутри них, попытки договоров, объединенные усилия цивилизованных государств, первые шаги по созданию магического Совета – и всё это на фоне тотального массового страха, уничтожения тех, кто подозревался в «опасных связях»; на фоне экспериментов с магией, которой надо было учиться и обучать остальных. Потребовалось пять лет, чтобы хоть сколько нибудь нормализовать обстановку. И еще десять, чтобы более менее регламентировать проживание, обучение и работу изрядно уменьшившегося количества «людей X». И разобраться в принципе в действии нового, очень странного общественного и природного механизма.

Дальше маги делали все, чтобы укрепить свои позиции. Создали курсы, методики преподавания, лаборатории, сообщество и нормы поведения; определили две отдельные, до-

вольно свободные, области для проживания – в Африке и Южной Америке. Во всех странах появились инклюзивные сады, школы и университеты. Во всех крупных университетах – магические кафедры. Студенты заканчивали, кроме обычной специальности, еще несколько магических спецкурсов, а затем учились целый год непосредственно магии. Конечно, если не подписывали отказ. Каждого ребенка теперь проверяли в роддоме на наличие особой ауры; на всякий случай даже тех, кто родился у обычных родителей – хотя "всяких случаев" на протяжении этих лет не было ни разу.

Выяснилось, что новые маги рождаются только тогда, когда один из родителей – маг. Способности можно было передать по наследству, но это получалось далеко не всегда. И чтобы хоть как-то сохранить процентное соотношение двух видов – а стало принято считать магов неким подвидом человека разумного – неизменным, магам настоятельно рекомендовали сочетаться браком с себе подобными. Никто не заставлял, но... сообщество давило. Впрочем, как потом оказалось, природа или высшие силы, обеспечившие на Земле все эти возможности – или наказание – позаботились и об этом: магов тянуло друг к другу больше, чем к обычным людям.

Магические способности помогали становиться у руля больших предприятий, вырастать до сильных политиков, ученых. Маги видели глубже и дальше, чем самые талант-

ливые люди; жили дольше; спали меньше. И потому могли достигать большего. Постепенно обстановка выравнивалась; более того, уже говорили, что магия поспособствовала развитию человечества. Магов уважали и просили о помощи – пусть это и не всегда афишировали – на государственном уровне.

Но на обывательском, зачастую, ненавидели и считали уродами.

Довольно долго маги пропагандировали политику открытости: пытались примирить обычных людей, в том числе, своих же родственников, с новой действительностью, помогая и просвещая. Они лечили, искали пропавших, защищали, развлекали изо всех сил. Но большинство воспринимало это, как слабость, а подобное восприятие, в сочетании с завистью и страхом перед непонятым явлением, давало предсказуемый результат. И десять лет назад, после событий, последовавших за «жестоким годом», магическое сообщество все-таки приняло решение стать более закрытым и регламентированным.

Да, в крупных больницах была должность дежурного мага – такие же должности были во всех государственных учреждениях, среди ученых сообществ. Практически в каждой фирме можно было встретить людей с коэффициентом до единицы. Маги жили среди людей, редко скрывали свою сущность, вели обычный образ жизни, но держались обособленно, раз на них продолжали лить яд и неприязнь. А, по-

рой, и наоборот – лесть и неуместное поклонение. Что было не менее неприятно.

Все маги могли узнать друг друга по особому свечению – они видели сияние ауры. И в мире было немного артефактов, способных скрыть эту ауру.

Один из них, в виде цепочки с кулоном, висел у меня на шее с того момента, как я переступила стены университета. Другого университета, будучи еще первокурсницей.

И тому были причины.

Глава 3

Громкая музыка сшибла меня с ног, но я решительно двинулась вперед, на ходу поправляя открытое платье и ловя заинтересованные взгляды.

Ну нет, мальчики, это я сегодня охотник. Вот, и наживку надела.

Уже несколько ночей сводящие с ума кошмары не давали мне спать и только усиливали бесновавшееся внутри пламя. Я анализировала, просматривала сводки, прислушивалась к остаточным следам, но так пока и не нашла зацепки, которая позволила бы мне выйти на тех, кто убил Тимура. Или хотя бы понять, за что его убили. Тем более, что по официальным каналам действовать не получилось бы.

И к четвергу я чувствовала себя откровенно на взводе.

Магия искала выход. Снести пару домов, к сожалению, не могла – да и никто не мог, насколько знала. Взрослые маги по-другому получали разрядку. Особенно, когда подбились к критическому порогу в двадцать семь лет, и сама внутренняя суть настойчиво требовала найти пару.

Я поморщилась. Природа предусмотрела все. Раз внутри некоторых людей появилась энергия, должны были и появиться разные способы выпускать эту энергию наружу. Абсолютно рефлекторные. Нет, животными мы не были, но сильные маги, зачастую, вынуждены были идти на поводу

своих инстинктов. Не слишком часто: я и делала это всего пару раз – проще и приятнее было иметь постоянных партнеров. Но Митч обосновался в Риме, мне же, похоже, необходимо было сбросить пар прямо сейчас.

Вот только подходящих вариантов не наблюдалось.

Со вздохом уселась за барную стойку, думая, что прийти сюда могло быть и плохой идеей, и заказала напиток.

– Разрешите вас угостить?

Я повернулась.

Ух. Великолепный экземпляр.

Высокий. Темноволосый, лет тридцати, а может, тридцати пяти. Му-скулы ходят под рубашкой с закатанными рукавами, хотя мощным или крупным он не выглядел – скорее стремительным, быстрым и опасным. Цепкие, внимательные синие глаза, потемневшие, когда он рассмотрел меня и мое немаленькое декольте. Жесткая челюсть, прямой нос, чувственные губы. Хищник, который знает, чего он хочет и знает, как это получить. Лицо, правда, показалось странно знакомым, но мы точно раньше не встречались.

Я сглотнула, чувствуя, как все внутри сжалось от определенной жажды, и облизнула губы.

А он ехидно усмехнулся. Усмешка мне не понравилась, но привередничать не стала. Среди этого сборища мажоров и престарелых па-пиков он смотрелся единственно вменяемым вариантом. Я собралась уже ответить согласием, но по привычке быстро посмотрела на его ауру.

Черт.

Маг. С мощнейшей силой. Это странно – я знаю всех сильных магов, живущих в Москве. Не лично, нет, но перечитала досье на каждого. И его там не было.

Значит, приезжий.

Но не это имеет значения – при первом же поцелуе он точно сможет понять, что я маг, а мне это было ни к чему. Так что следовало перестать пускать на него слюни.

Еще раз осмотрела его, уже нарочито равнодушно, и уверенно про-изнесла:

– Нет.

Краем глаза заметила, что он дернулся и на лице появилось удивление, но я уже повернулась назад к барной стойке и, контролируя каждое движение, взяв бокал с виски, сделала большой глоток. Придется, видимо, уходить ни с чем – вряд ли я решусь на повторную вылазку. Что ж, пару суток я еще смогу себя сдерживать, а в субботу просто полечу в Рим. Митч вроде пока ни с кем не встречается и будет рад мне.

Незнакомец оставался рядом. Более того, он встал ближе. При этом ничего не говорил, но я всем нутром ощущала его вспыхнувшее желание пополам со злостью. Опасное сочетание. А что, если у него тоже давно никого не было и ему... необходимо? И если он нацелился на меня... Сорвется ведь.

Как – то надо выруливать. Медленно и аккуратно, стараясь его не задеть, я слезла со стула, готовая, если что, бежать. Отказа он, похоже, не приемлет – вон как навис. Если обра-

тить внимание на другого пар-ня – пришибет того.

Разве что...

Мне пришла в голову идея. Я быстро осмотрелась – отлично, в па-ре метров от нас пробиралась к стойке красивая, довольно пьяная, и не слишком малолетняя блондинка. Я резко вытянула руку, подтащила её к себе, обняла и шепнула на ухо несколько слов, включающих механизм подчинения.

– Сонечка, ну наконец то! Заждалась тебя, – практически проорала я, чтобы всем было слышно.

Глаза её чуть больше остекленели; я демонстративно провела рукой по спине девушки, поцеловала ярко накрашенные губы и снова повернулась к замершему магу.

– Не в обиду. Я просто предпочитаю не мужчин.

Подмигнула ему и пошла в сторону, прихватив блондинку прицепом. Главное, дойти до выхода, а там можно и сбежать.

* * *

За окном шел дождь – необычная погода для осеннего Рима. Мы с Митчелом лежали в кровати и курили.

Никуда не хотелось. Может кому – то и показалось бы глупым прилетать в столицу столиц, чтобы валяться в постели после бурного секса и смотреть сериалы, но не мне.

Идеальные выходные. То что нужно было после совершенно безумной недели. Я давно не чувствовала себя такой спокойной.

– Тебе надо найти себе парня или приезжать почаще, – вяло сказал Митч. – Я кое-как справился с твоей энергией.

– Бу, – мне было лениво даже объясняться. – А то я и без тебя не знаю. И, между прочим, я еще не готова оставить тебя в покое.

Парень деланно застонал и вдруг повернулся ко мне:

– Влада... Что у вас там происходит?

– А что у нас происходит?

– Да брось. Мы в одном департаменте, пусть и в разных городах, но слухи, сама знаешь... Наши обеспокоены ситуацией в Москве.

– Может ты мне объяснишь, чем именно обеспокоены? Мне запретили лезть в это дело, при том, что погиб именно мой партнер.

Карие глаза смотрели на меня внимательно. Похоже, ему было что сказать, но друг явно колебался. Я не давила – глупо давить на мага, который специализировался на сокрытии данных. Хочет просто поговорить – пожалуйста.

– И как ты... Не лезешь?

– Изучила всё, что было доступно. Мы вели две фирмы – совершенно обычные – искали там следы магических преступлений, но ни-чего не обнаружили. Вот вообще ничего. Более того, там и преступления то... Так, принижение коэффициента, неуплата взноса... И вдруг Тимур сообщает мне, что наткнулся на что-то серьезное. Но как он мог наткнуться на что-то, если занимался тем же, чем и я?

– Взял новое дело?

– Не поставив меня в известность? В двойках это невозможно. Конечно, мы с ним были знакомы всего ничего, я могу ошибаться или...

– Или дело было не в том, чем вы занимались, – Митч вздохнул и сел на кровати. Я полюбовалась на его широкую спину и длинные светлые волосы, собранные в хвост. – Китайская или индийская?

– Шутишь? Китайская, конечно. Так в чем же могло быть дело?

– Кайла высказала предположение, что проблема могла быть в том, чем вы займетесь потом.

Я сглотнула. Есть сразу расхотелось:

– То есть Тимура убили превентивно?

– Похоже, что да. Ты же знаешь Кайлу, она редко ошибается.

– Но это означает...

– Что против Комитета играют маги. Или тот, кто имеет возможность этих магов нанять и определить потенциально опасных.

– Это... хреново.

– Еще как.

Мы оба замолчали.

Магическое сообщество держалось, в основном, на том, что все были вместе. Ну, почти все. Преступников хватало и среди магов, такого рода преступления отслеживали специ-

альные органы. Но уже много лет маги не выступали против своих же. И Комитет следил за этим довольно пристально.

Получается, пошла новая волна?

Это было не просто плохо. Это была катастрофа. Мир так и не оправился от появления «особых» и разлад внутри сообщества вполне мог уничтожить пока хрупкое равновесие. Возможно, на то и был расчет? И за всем этим стояли... люди?

Я скривилась. Я считала себя человеком. Но когда возникали такие ситуации, как эта, приходилось признать – мы слишком разные. И не только потому, что большая часть населения Земли относилась к магам неоднозначно. Но и потому, что маги сами проводили незримую и зримую границу. Наша внутренняя суть была слишком подчинена особым законам, чтобы игнорировать это.

Митчел потянулся и достал все-таки телефон, чтобы заказать наши любимые блюда.

Я вздохнула. В этом он прав – жизнь продолжалась и надо было поесть, чтобы восстановить силы.

Вот поэтому мы с ним так долго и продержались вместе. Оба были весьма практичны и сдержанны; обоим устраивали редкие встречи ради разрядки. К тому же, нас связывала общая работа и довольно разнообразное прошлое, за время которого мы успели подружиться. Так что неудивительно, что именно с Митчем я заключила соглашение – встречаться, пока кто-то из нас не найдет себе постоянную пару.

Почему то при этом мысли перекинулись на того мужчину из бара.

Да, мне удалось ускользнуть. Но взгляд его потемневших глаз – неверующий, раздосадованный и какой-то решительный – преследовал меня даже во сне. Меня спас лишь опыт: как только я вышла из клуба, сразу спряталась за углом, а не пошла прямо, ловить машину или еще что. Хорошо, что блондинку я прихватила с собой – если бы он нашел её на пороге зала, мог разозлиться за обман. Он и так разозлился, даже не стал возвращаться назад, а решительно двинулся к своей машине. Номер которой я на всякий случай запомнила, но проверять пока не стала.

Я боялась. Не его, но... Узнаеть его ближе. Ситуации. Странностей, которые начали происходить.

Его злости.

Почему его чувства так меня напрягали, я не знала. Но девушку вернула в клуб только тогда, когда убедилась, что он уехал. И тут же сама отправилась домой, постаравшись выкинуть из головы странную встречу.

И меня весьма смущало, что выкинуть её из головы, даже после Митча, не получалось.

Глава 4

– Магия... – я обвела взглядом аудиторию, в которой собрался, практически, весь поток второго курса. – Сейчас мы знаем доподлинно, что она существует. Но людям в древности не было нужды в доказательствах. Они искренне верили, что можно воздействовать сверхъестественным путем на людей, животных, явления природы, а также на воображаемых духов и богов. Хотя, столь ли воображаемых? – я улыбнулась, чувствуя себя немного лучше. Бессонная и выматывающая ночь, которую я провела в темных переулках, не прошла даром. Но любимый предмет хоть немного поднял настроение. – Мы говорили на прошлой неделе, что магия, как верование, появилась на заре существования человечества. Кто повторит основные тезисы первой лекции?

Я согласно кивнула забавному очкарику, старательно тянущему ру-ку на первом ряду.

– Время появления магии можно отнести к периоду верхнего палеолита. Имеются данные, что магические обряды и верования существовали уже у неандертальцев, живших пятьдесят тысяч лет назад. Речь идет об охотничьей магии – первобытные люди сохраняли черепа и кости животных и надеялись, что это даст им возможность вернуться к жизни, – отбарабанил будущий археолог.

Одобрительно улыбнулась и спросила у еще одного жела-

ющего блеснуть своими знаниями:

– О каком виде магии идет речь?

– Контагиозной, которая предполагает, что связь между предмета-ми сохраняется по истечении времени. Даже когда магия не была признана...официально, наука соглашалась с тем, что закон контактности связи существует.

Студенты на задних рядах с трудом подавили зевки.

Ну-ну, посмотрим, как вы справитесь с дальнейшими занятиями, не уяснив основы. «Магические предметы» был совершенно новым и адаптированным циклом лекций на основе «Артефакторики», которую проходили маги. И, похоже, для кого-то все-таки представлял особый интерес. Я заметила несколько первокурсников, совсем не зевающих, в том числе Никиту – того самого чуть нагловатого студента, что заставил меня насторожиться на первой же лекции.

Зачем это им? На следующий год у них будет точно такой же предмет.

Надеюсь, они не пропускают какой-нибудь другой урок – у меня и так не особо складываются отношения с преподавателями.

– Что ж, теперь, когда магия признана официально, – продолжила я лекцию, – археологическая наука решила пересмотреть многие данные, к которым относились находки и архитектурные постройки «непонятного назначения». Именно потому в составе каждой комиссии и экспедиции теперь есть маг. Мы с вами будем рассматривать и понятные

теперь предметы, и те, чье назначение все еще под вопросом.

Я включила первый слайд, на котором появился металлический правильный многогранник с двенадцатью равными пятиугольными сторонами. В центре каждой стороны было круглое отверстие, ведущее в полую сердцевину.

– Римский додекаэдр... К началу нашего века было обнаружено более ста подобных предметов – и все они относились к первому-четвертому веку нашей эры. Никто не знал, каково их предназначение. Более того, ни в одном письменном источнике они не упоминаются, хотя, судя по количеству, были распространены. Гипотез множество: это и подсвечники, и игральные кости, геодезические приборы, приспособления для определения оптимального срока посева озимых зерновых культур, инструменты для калибровки водяных труб, элементы армейского штандарта, украшения, игрушки... Но, пожалуй, только когда в две тысячи третьем году экспериментальная астрофизика предположила, что наша Вселенная может иметь форму четырехмерного множественного додекаэдра, маги обратили на него внимание.

Я снова щелкнула слайдом и повернулась к аудитории, выдерживая паузу.

– И что они... узнали? – спросил кто-то, явно замороженный от-крывшейся перспективой.

Что наши предки пытались создать модель, с помощью которой планировали подчинить пространство.

Спать хотелось уже невыносимо. Проблема была даже не в бессоннице, а в количестве потраченных сил.

Накануне ночью мне пришла в голову идея – все «хорошие» идеи приходят ночью – и я отправилась в тот самый переулок, где мы должны были встретиться с Тимуром. Да, прошло довольно много времени, но я надеялась уловить теперь уже не следы, но его намерения. Напарник должен был появиться здесь с определенной целью рассказать мне что-то. Наверняка он шел и думал об этом, и если касался каких-то предметов...

«Ластиком» это стереть не сумели бы.

Спустя несколько часов и усилий на грани возможного мне показа-лось, что я что-то уловила.

Отголосок некоего бунта временных линий, незнакомого мне свойства.

Именно об этом я и размышляла, торопясь домой. Узоры, нарисованные магическим воображением, были абсолютно невозможны. Время представляло собой струны, умело дергая за которые, можно было увидеть и совсем чуть-чуть повлиять на прошлое, настоящее и будущее – никаких заморозок или возможностей вернуться назад, как любили показывать в фантастических фильмах. Все было проще и прозаичнее.

Но то, что я увидела, походило именно на завитки. Спирали.

И это было более чем странно. Возможно ли такое, что

наш против-ник научился играть со временем и потому вышел на Тимура, узнав, что тот станет представлять проблему в дальнейшем? А Тимур вышел на него – или них – именно потому, что распознал эти игры? И он планировал рассказать именно это?

Я вздохнула.

Слишком много вопросов. И, похоже, с частью из них придется обращаться в Комитет, несмотря на все их запреты. Просто потому, что они должны были узнать то, что я почувствовала.

Мои мысли прервал юношеский возглас:

– Влада Александровна!

Меня нагнал Никита.

– Могу я задать вам несколько вопросов?

Я вздохнула.

– Конечно. Только я уже ухожу – поговорим по дороге?

– Отлично.

Не знаю, что было отличного.

Но Никита выспрашивал такие подробности о магических предметах, что я, против воли, увлеклась разговором. Похоже, парень грезил возможностью получения магии с помощью артефактов для обычных людей. Не просто использование их, как приборов, но именно вживание способностей в тех, кто ими не обладал. В спорах я и не заметила, как мы дошли до ворот университета.

– О, вот и отец.

В первый момент я не обратила внимание на это замечание, но тут зрение, наконец, прояснилось, и я увидела высокого брюнета, опирающегося на дорогую машину. Стремительную, как и он сам.

Твою ж... Тот незнакомец из клуба. Теперь понятно, почему мне его лицо показалось смутно знакомым. Так, если Никите семнадцать, то этому около сорока. Выглядит моложе – но это нормально для магов. Значит, отец Никиты – сильный маг? А у сына нет магических способностей?

Или...

Или есть такой же артефакт, как у меня.

Жесть.

Грозит ли мне это чем-нибудь? Я в долю секунды проанализировала ситуацию – вроде нет. Даже если он меня узнает, что ж, подумаешь, у преподавателя его сына есть тайные предпочтения. Не в век инквизиции живем, стыдится и бояться нечего.

– Папа, это Влада Александровна. Я тебе рассказывал...

– Влада, – хриплый и чувственный голос. Всего несколько слов, а меня будто током пробило. Почему он так действует на меня? Вроде не должен – я вполне в состоянии контролировать себя по несколько месяцев, – Сын про вас говорил, но я... представлял вас несколько иной. – интересно, что мог говорить Никита, видевший меня два раза в жизни? – И мне кажется, мы как-будто встречались... Не припомните?

Мужчина посмотрел насмешливо, а я разозлилась.

– Не припомню.

Тот усмехнулся и протянул мне руку:

– Максим Григорьевич... очень приятно.

Блин, нельзя давать ему руки. Мало ли, вдруг у него осязание есть магическое – редкая черта, но рисковать не следует. Я неопределенно кивнула и ухватила покрепче сумку, будто именно в необходимости тащить тяжелые книги и крылась моя невежливость:

– И мне очень приятно... Что у вас такой увлеченный сын. Но мне пора... удачи.

Развернулась и пошла в сторону метро. Попросту смылась, так и чувствуя, что спину мне сверлят две пары глаз. Одна – с недоумением, а вторая с уже знакомым раздражением.

Глава 5

– Мне передали все, что ты обнаружила, – голос главы Комитета был холоден и сух, и я понимала почему. Но скрывать информацию про спирали времени я не имела права. – Безусловно, это представляет интерес, вот только метод... Влада, разве тебе не было запрещено лезть в это дело? Или ты собралась игнорировать требования вышестоящих?

– Не собралась, – я вздохнула – Просто...

– Не важно, просто или сложно. Если агенты перестанут подчиняться кураторам, то Комитет развалится сам и раньше, чем его развалят внешние враги, – зло и раздраженно отчитал меня мужчина, – Тебе недвусмысленно дали понять, что этим займутся специальные люди, а ты...

– Не могла сидеть сложа руки! – я тоже разозлилась.

– Это слишком опасно, пойми...

– Да вообще всё слишком опасно, но когда это нам мешало? Разве не к этому нас готовили? Я агент, один из немногих в Москве, у кого в принципе есть собственный дар, а не только магия, и убили моего напарника – отстранять меня было глупо и недальновидно, так что уж удивляться, что меня это все не устроило!

– Ты считаешь меня глупым и недальновидным?

– Я этого не говорила...

– Зато показала всем своим поведением. Ты всегда была

слишком своевольна! Для агентов это неприемлемо.

– Так не надо было принимать меня на работу! – я уже дошла до точки, – У меня были и другие варианты! Может, стоит ими воспользоваться?

– Влада...

– Что, Влада? Вот только честно – если бы с кем-то другим про-изошло подобное, ему запретили бы вмешиваться?

– Дело в том, что...

– Запретили?!

– Нет.

– Тогда может оставим мои...личные обстоятельства? И если уж с меня требуют, как с любого агента – так пусть и относятся, как и ко всем.

Повисла длинная пауза.

– Хорошо, – наконец, глава вздохнул и снова сделался холоден – Можешь и дальше действовать... в этом направлении. Но, во-первых, не забывай про протоколы – о твоих перемещениях и подозрениях всегда должен знать связной. А, во-вторых... Обещай мне быть осторожной.

– Обещаю, – я тоже вздохнула и положила трубку, невидяще уставившись в окно.

Мне не нравилось происходящее в последние дни.

Какие-то крохи, слова, фразы, остаточные следы – вроде ничего необычного, но если добавить к этому странное убийство Тимура и то, что я почувствовала...

Что-то назревало.

Что-то нехорошее.

А я была слепа и беспомощна, как новорожденный котенок. К тому же чертовы гормоны мешали, как никогда.

Я выругалась.

Похоже, постоянный партнер мне все-таки понадобится. Иначе мои вспышки раздражения и странного, неконтролируемого желания – правда, по отношению к конкретному человеку, но это просто совпадение, я уверена – могут помешать работе. Которая всегда стояла для меня на первом месте.

Я сжала кулаки. Ничего, справлюсь. Как и всегда справлялась до этого.

* * *

– Влада Александровна?

По телефону этот мужской голос я слышала впервые, но хриплость, которая пробирала меня до кончиков пальцев, я не перепутала бы ни с чем.

Был день, и я в одиночестве отдыхала после пар в кафе, неподалеку от университета. Просто сидела над чашкой кофе, ни о чем не думая. И тут незнакомый абонент.

Звонки на «преподавательский» номер я принимала всегда, потому даже не заподозрила, какой подвох меня ждет, когда брала трубку.

Черт. И на расстоянии он на меня действует. Что за магия?

Я засмеялась про себя. Мне ли задавать такой вопрос?

Кстати, это интересная версия, может магия и есть?

– Влада?

Ох, кажется мое молчание затянулось.

– Кто вы и как узнали мой номер? – выдала, наконец, вполне спокойно. Ответы я знала на оба вопроса, но ему об этом знать не обязательно.

– Максим... Отец Никиты, – мужчина хмыкнул, будто догадался о моем обмане.

– Ах да, я же даю студентам свой телефон для учебных потребностей, Максим Григорьевич.

Слово «студенты» и его отчество я выделила, что не прошло незамеченным. Мой собеседник снова хмыкнул.

– У меня есть к вам деловое предложение, Влада Александровна, – теперь и он выделил мое отчество. И мне понравилось, как оно звучало, когда его произнес Максим.

А-александр-ровна.

Я потрясла головой. Что за глупости лезут в голову?

– Боюсь, что не совсем вас понимаю. Какие у меня могут быть дела с родителями учеников?

– Может, встретимся за чашкой кофе и поговорим об этом?

– Знаете, кофе я уже выпила, – я покосилась на свою почти полную чашку, – А разговариваю я обычно о том, о чем хоть немного имею представление.

– То есть, вы в третий раз мне отказываете? – несмотря

на общую сдержанность, в голосе Максима прорвалось раздражение.

В третий? Значит, моя хитрость с руками не прошла мимо его внимания.

Что ж он такой настойчивый – то?

Если я буду слишком сопротивляться, это вызовет подозрение, тем более, что он действительно может звонить по делу.

– Послушайте, – сказала я примиряюще – Я бы не хотела обсуждать какие-либо случаи из прошлого. Что касается вашего предложения... Думаю, мы оба достаточно занятые люди, чтобы предварительно договориться по телефону и понять, стоит ли нам встречаться в принципе.

– Встречаться нам стоит, – снова смешок, не раздраженный, а настолько многозначительный, что я вздрогнула, – Мне нужна ваша помощь – как специалиста. Конечно, не безвозмездно.

Я забарабанила пальцами по столу.

Как специалиста он меня может знать только со слов своего сына.

И он маг. Почему-то неучтенный в списках – а вот этот момент я и не подумала отследить, ведь, раз сын учится здесь, он также постоянно проживает в Москве. И я должна была знать о нем. А по сути знала лишь то, что успела увидеть.

Богатый. Магически одаренный. И очень наглый.

Похоже, отказать ему я не имею права. Не потому, что меня заинтересовало его предложение – хотя для археолога также может быть работа. Но потому, что выглядело все это достаточно нестандартно, за пределами вероятностных линий. А значит, это был мой прямой профиль, как сотрудника Комитета.

– Что ж, вы весьма убедительны. Завтра у меня пары заканчиваются рано, и я могу подъехать куда-нибудь скажем так... В полдень.

– Может, я заберу вас из университета?

Я с ним в одной машине?

Представила это и сглотнула.

– Не стоит, Максим Григорьевич, – ответила по-возможности мягко, – Я предпочитаю увидеться на нейтральной территории.

* * *

Максим отключил телефон, условившись, наконец, о встрече с ершистой преподавательницей, и сложил руки на подбородок.

Что-то здесь было не то

Он хмыкнул. Да все здесь было не то! Начиная от его реакции. И с момента, когда он впервые увидел незнакомку, сидящую за баром.

Откровенное платье, темные распущенные волосы, кото-

рые тут же захотелось намотать на кулак, особый, нездешний лоск и сдержанная сексуальность: именно так, не нарочитая вульгарность и открытость, а огонь, сидящий внутри и грозящий вырваться и испепелить все вокруг. Он сразу почувствовал такое желание, которое вообще за собой никогда не замечал.

Ни разу в жизни.

Может, маг? С особыми способностями?

Проверка показала, что к магам девушка не имела никакого отношения.

Она повернулась и посмотрела на него. И все стало совсем плохо. Это было похоже на удар в солнечное сплетение. Когда, сначала, от неожиданности, дыхание спирает, а потом долго не можешь прийти в себя и ловишь ртом воздух, пытаясь понять, что это вообще было.

В её взгляде оказалось так много всего. Интерес, изумление, открытость, тайна, желание, обещание, свет. Всё, что было в этой чертовой Вселенной сосредоточилось в глазах, цвет которых он распознал даже в темном баре.

Темный прозрачный янтарь.

Самородок, который легко загорается и горит потом самостоятельно.

Он как замороженный смотрел на эти глаза, на чуть вспыхнувшие щеки, на маленький язычок, прошедшийся по пухлым губам. Пока не понял, что ему предлагают. И, понятное дело, взбесился. От того, что она вот так вот смотрит – за-

интересованно, испытываяюще, с вызовом. А больше от того, что могла бы так смотреть на любого другого мужчину.

Что пришла сюда не просто так.

Максим редко отказывался от того, что ему преподносили на блюдечке. Он понимал, что такое доступность и шагнул вперед, произнося положенную фразу и даже не пытаясь скрыть пренебрежение.

А она, неожиданно, отказала. Спокойно и уверенно. Закрылась, отвернулась и уставилась на свой бокал.

Это было сродни второму удару.

Ему не отказывали. Никогда. И, уж, тем более, не при таких обстоятельствах.

Он навис над девчонкой, пытаясь понять, действительно ли ему не послышалось или она просто набивает себе цену? Пытаясь побороть совершенно иррациональное желание перекинуть её тонкое, гибкое тело через плечо и утащить к себе, чтобы наказать за ту бурю эмоций, которую она вызвала. Накинуться на эту тонкую щею, прокусить нижнюю губу.

Но вместо этого незнакомка сама накинута на какую-то молоденькую блондиночку.

Максим упустил её от неожиданности, поверив и не поверив одновременно. Он выскочил на улицу следом, но девчонок уже не было.

И как то вечер сразу поблек.

Он даже не стал задерживаться в клубе; позвонил своей любовнице и отправился к ней, надеясь забыться под умелы-

ми ласками. Вычеркнуть из головы странную встречу, которая, по логике, вообще не должна была взволновать взрослого опытного мужчину.

Но она взволновала.

Покрыла тонкой пленкой недовольства все его дальнейшие действия. Как-будто в его жизни вдруг что-то появилось, а потом это у него забрали. И этого стало не хватать.

Наверное, отказ – первый отказ в его жизни – и инстинкт охотника, помноженный на его собственный дар, выразился в таких странных реакциях. Он так полагал.

Но девушку из клуба забыть не смог.

И когда увидел её, выходящую из университета, чуть ли не под ручку с Никитой, поймал себя на мысли, что готов подраться с собственным сыном.

Теперь он знал, кто она. Пусть и ведет себя как пугливая лань. Пусть предпочитает женщин – в чем он сомневался. Пусть отбрыкивается всеми конечностями – он вышел на охоту и не отступит, пока не распробует, что ему преподнесла судьба.

Новый груз подвернулся очень вовремя. И теперь у него появился вполне реальный повод познакомиться с Владой поближе.

Вла-ада-а...

Максим потянулся в кресле и удовлетворенно улыбнулся.

Лети, лети птичка. Он уже приготовил силки.

Глава 6

– Археология... она не про смерть, а про жизнь, – я обвела взглядом аудиторию, радуясь внимательным, заинтересованным взглядам. – В месте, где люди никогда не жили, почти невозможно что-либо найти. Здесь могут попасться лишь предметы, утерянные случайными «прохожими» – и эти находки крайне редки. Но когда возникает поселение, картина меняется. Первые же поселенцы строят жилище. Если оно деревянное, то при строительстве остаются щепки, хворост, солома, глина, которые вдавливают в землю. Из этого дома потом выметается мусор, рядом бросают кости или разбитую посуду. Ремонтируют стены. Иногда дом сгорает – а это уголь и пепел. Или же жилище вовсе разбирают, чтобы построить новое, более добротное. Идут годы, десятилетия. Столетия. Грязь и пыль, новые мостовые, утерянные и забытые вещи, дождь и снег, люди, войны, а главное, время скрывают все эти наслоения. Уровень земли на поселении повышается с каждым годом, незаметно для человеческого глаза. Он растет около замков, существовавших века, и около недолговечных хижин. Ничто не может само по себе уйти в землю – ни маленькая вещь, ни брошенное бревно, ни храм... Так образуются культурные слои – исторически сложившиеся системы напластований. Вот этой жизнью, этими культурными слоями и занимается археология, поле-

вая, в том числе. Изучает слои и их взаимодействия; рассматривает деятельность в ретроспективе.

– Но ведь это не точно? – раздался голос с задних рядов. – Особенно, когда нет письменных свидетельств?

– Считаете, письменные свидетельства залог точности? Представьте тогда, что придется изучать нашим потомкам, ориентируясь на тот же Интернет. Мы ведь и сами не знаем, что происходит – хотя, пожалуй-ста, есть и письменные источники, и видео. Культурный слой в этом смысле гораздо более объективен. Особенно сейчас, когда появились...

– Маги? – опять меня перебили, но я не протестовала. Лекции в формате своеобразного диалога нравились мне даже больше.

– Вообще-то, я хотела сказать "современные приборы". Но маги тоже пойдут, тем более, что их как современный прибор и рассматривают.

Пара смешков. И робкий голос Маши, которая еще в начале недели пересела на первый ряд:

– И что же могут маги?

– Зависит от дара. Но, даже если его нет, сама магия помогает – на уровне интуиции – нащупать нужное направление для, условно говоря, лопаты. Где, что искать, куда смотреть и, главное, что в этом видеть – это может подсказать любой маг, если разбирается в предмете.

– А дар?

– Например, хорошие артефакторы могут не только сде-

лать новую вещь, но и, практически без исследований и приборов, определить, для чего предназначался тот или иной предмет – даже если он не был магическим. Те, кого принято называть «нюхачами» считают прошлое с материи, и как раз незаменимы в случаях, когда письменные источники противоречат друг другу. Аналитики...

Я улыбалась, рассказывая про это, и сама погружалась в прошлое...

* * *

...Яркое солнце пронзает, кажется, каждую пылинку.

Я сижу в тени навеса и, высунув язык, выполняю ответственное задание.

Маленькие пальчики действуют довольно неловко, но мне все таки удастся справиться и очистить с помощью кисточки и маленькой лопатки небольшой камушек.

– Владка, – зовет мама и я поднимаю голову. Она стоит неподалеку, в запыленной шляпе, и отряхивает руки. – Пойдем обедать уже.

Я с сожалением смотрю на камушек:

– Сейчас, мам!

И снова смахиваю почти невидимые песчинки с каменного кусочка неправильной формы. А потом беру его в ладошку и зажмуриваюсь, пытаюсь представить, как меня учили, откуда он выпал.

И почти сразу перед глазами возникает большой каменный дом, в котором, как тени, перемещаются люди.

Это настолько удивительно, странно, страшно и неожиданно, что я в испуге отбрасываю источник волшебства и открываю глаза.

Передо мной, на корточках, сидит мама и восторженно улыбается.

– Увидела?

Я осторожно киваю. А она поднимает камень, поглаживая его, как величайшую драгоценность...

* * *

После лекции я зашла ненадолго на кафедру, а потом в туалет – привести себя в порядок. Критически осмотрела пучок, свободную одежду, которую я давно уже воспринимаю как определенную защиту. Накрасила губы и тут же стерла с них помаду.

Это глупо, но я нервничала перед встречей с Максимом.

Понимала, что он ничего мне не может сделать, но... Слишком много странностей происходило в последнее время. И это его приглашение в странности тоже попадало. Будь оно хоть по делу, хоть – я вздрогнула – по другому поводу.

Нервно облизнула губы, поправила очки и быстро пошла в сторону выхода из университета.

Две остановки на метро, неспешная прогулка и вот я уже

внимательно смотрю на деловой центр, где компания «Ар-сАрх» занимает целый этаж.

Да уж, нейтральная территория. Но я сознательно предложила встретиться именно в его офисе. И сознательно не стала ничего читать ни про него, ни про его компанию.

Мне нужны был следы. Эмоции. Запахи, чувства, вкусы. Не загрязненные никакими «письменными источниками». Я все посмотрю потом – и в открытом, и в закрытом доступе – но сначала только чистое восприятие.

И первое, что мне пришло в голову, когда я вышла на предпоследнем этаже, было то, что название фирмы не зря созвучно древнегреческому имени Аристарх.

«Повелеваю, властвую».

Жесткая, стремительная энергетика человека – или людей – которые во всем предпочитают быть первыми.

Резкие линии, темные цвета. Быстро и негромко говорящие сотрудники.

Хм, похоже, здесь в танчики на рабочем месте никто не играет.

Общий холл призван символизировать радушие, но не для меня. Все в нем кричало, что чужакам тут не место. Я чуть поморщилась, но улыбнулась в ответ на довольно искреннюю улыбку девушке на ресепшн. Та держалась деловито и свободно; впрочем, как и остальные. Целеустремленные, знающие, что от них нужно; держат все под контролем и...

А вот и интересное. Это их держат под контролем. Довольно мягко и незаметно.

И я точно знала, кто. Более того, была уверена – любая магическая проверка выявит, что контроль не выходит за рамки допустимого Конвенцией.

Мне показали на широкий коридор, ведущий в глубину офиса, и я пошла в том направлении. Но что-то подтолкнуло свернуть направо и снова направо. Я уткнулась в тупик с белоснежной дверью, на которой была конструкция, напоминающая считыватель отпечатков пальцев.

Секретная лаборатория? В фильмах они именно за такими дверями.

Чуть смущенно улыбнулась – надо было не забывать про камеры – и вернулась в основной коридор, попав, теперь уже по назначению, в приемную генерального директора.

Секретарь – женщина за пятьдесят, мгновенно просканировавшая меня взглядом и выдавшая в ответ на мое приветствие профессиональную улыбку.

– Владлена Александровна?

– Да.

– Вас ожидают. Проходите пожалуйста.

Я сделала шаг в сторону двери и вдруг остановилась.

Нервозность достигла своего апогея. Внезапно я поняла, что за этой дверью – другая жизнь. Один шаг – и все изменится. Что это «всё» я не осознала, но испугалась.

Не в моих правилах бояться неизвестного, но вот сейчас,

прямо в это мгновение, я готова была сбежать – прочь из этого офиса и из этого города, наплевав на все договоренности и причины, по которым я здесь оказалась.

Я шумно вдохнула, пытаясь принять верное решение, но прежде чем я его приняла, дверь резко открылась и оттуда стремительно вышел мужчина; и тут же взял меня за локоть, отчего меня тряхнуло, как от электрического разряда.

Черт.

И тут же мгновение успокоения. Нет у него никакого осязания, арте-факт прикрывает меня полностью. Хотя бы по этому поводу нервничать больше не надо. Зато нашелся другой.

Меня чуть ли не затащили в кабинет: со стороны это, наверное, вы-глядело как вежливость, но я хорошо чувствовала эмоции мужчины. Так ведут себя дикие звери, захватывающие добычу, которую давно преследовали. Предвкушение и азарт.

И капля страха.

Что сбегу и не получится удержать?

Я тряхнула головой, прогоняя идиотские мысли, и уселась в предложенное кресло. Генеральный директор «АрсАрха» сел напротив. Нас разделял лишь журнальный столик, на который тут же водрузили две чашки кофе и молочник.

– Вла-ада... – начал мужчина, когда секретарь вышла.

– Александровна, – я отреагировала быстрее, чем успела даже подумать.

– К чему эти формальности? – ироничная усмешка скривила чувственные губы и я с усилием отвела взгляд. Взяла чашку кофе, чтобы собраться с мыслями, и сделала медленные глоток. Только после этого снова подняла голову и спокойно посмотрела на него.

– К тому, что это формальная встреча?

– Так мы можем... – Максим подался вперед и чуть ли не перегнулся через стол, сощутив свои невероятные синие глаза.

– Не стоит, – я мягко улыбнулась – Максим Григорьевич, обстоятельства нашего знакомства достаточно нестандартные, но я бы не хотела, чтобы они повлияли на ваше отношение. Вы пригласили меня как специалиста и давайте в этом ключе и продолжил разговор.

Усмешка. И согласный кивок. Я выдохнула про себя.

Мужчина расслабленно откинулся в кресле:

– Моя компания занимается архитектурой и строительством, – начал он без всяких предисловий – Искусством. Реставрацией. Так, по мелочам... Территориально мы располагались в Санкт-Петербурге – мы, это я и головной офис. Но филиал в Москве все разрастался, я проводил здесь все больше времени... В общем, месяц назад я закончил ремонт в этом офисе и решил переехать, тем более, что Никита захотел учиться в вашем университете.

– Интересный выбор для мальчика, у которого отец владеет таким крупным бизнесом.

Максим внимательно посмотрел на меня:

– Он всегда был достаточно самостоятельным ребенком.

И сам себе на уме...

Какая-то вспышка боли и неудовольствия, промелькнувшая за его словами, весьма чувствительно меня царапнула.

Черт, почему же я так остро его ощущаю?

Значит, отец не слишком доволен выбором сына. Но мешать не стал. И что-то там было еще.

– А ваша жена? Была не против переезда? – сама не знаю, как это вырвалось у меня. Кольца Максим не носил, но кто его носит в наше время?

Лицо мужчины застыло:

– Моя жена умерла, когда Никите было пять. Я сам его воспитывал...

– И довольно неплохо, – я позволила себе улыбку – Соболезную вашей утрате.

– Это было давно, – голос его сделался жестким и я поняла, что давность никак не повлияла на ту боль, что он испытывает. И почувствовала совершенно неуместную ревность. Которая чуть ли не перекрыла след крови, внезапно закрутившийся вокруг Максима.

Я едва не выронила чашку.

Этот след означал насилие. Мечь. Убийство.

Насильственная смерть? Или что-то здесь другое?

А может... Он сам убил её?

Похолодела, но постаралась взять себя в руки. Надо вер-

нуться к теме нашего разговора, иначе я влипну в эту паутину так, что в реальность не выбраться.

– Так что за помощь вам понадобилась?

Максим моргнул, будто только осознал, что пауза затянулась и нехотя начал отвечать:

– Так получилось, что за эти годы в моей компании образовалось целое подразделение, занимающееся старинными вещами. По разным причинам – что-то мы находили на местах строек, финансировали, бывало, раскопки; музеи, опять же. Некоторые вещи к нам попадали от искусствоведов, с которыми мы сотрудничаем. Мне самому это было интересно, по определенным причинам. Так что я стал целенаправленно изучать коллекции, искать различные коллекционные предметы. Открыл в Риме небольшую антикварную лавочку...

Рим? Я подобралась.

– Мы не всегда сотрудничаем с государством в этом вопросе...

– Вы действуете нелегально? – я подняла одну бровь, чем вызвала смешок.

– Не совсем. Никаких краж или сокрытия кладов, если вы это имеете в виду. Но некоторые вещи, попадающие к нам частным путем, мы не афишируем. Изучаем самостоятельно. Зачастую, они потом действительно попадают в музеи...

– Когда вы понимаете, что интереса для вас они не представляют?

– Что-то вроде того.

– А интереса для магического сообщества? – я, наконец, задала тот вопрос, что меня действительно волновал. Мне был важен не ответ – но его реакция. И она меня удивила.

Полное равнодушие.

– Вы знаете, что я маг?

– Догадывалась, – независимо пожала плечами. – Ваша деятельность, успешность, определенная харизма говорят сами за себя.

– Харизма? – он вдруг резко встал и подошел ко мне, расположившись за спинкой кресла. А потом наклонился и прошептал на ухо, чуть ли не касаясь мочки губами, отчего позвоночнику прошла жаркая волна, – Так вы считаете меня... харизматичным?

Я преувеличенно спокойно поставила чашку на столик и ответила ничего не выражающим голосом:

– Как и многих других мужчин.

– Хотя предпочитаете женщин?

– Мне кажется, или мы сменили тему?

Смешок, жаркое дыхание, опалившее мою шею, но Максим, наконец, распрямился. Он сдвинулся так, чтобы подать мне руку и помочь встать из довольно глубокого кресла.

– Пойдемте. Покажу вам кое-что.

Угу. «Пойдем со мной, девочка», – сказал людоед.

Мы вышли из кабинета и двинулись по уже знакомому коридору.

– Я маг. Сильный маг. Это не секрет, не смотрите на меня

так удивленно. Не буду врать, это мне помогает и в работе, и в жизни.

– А Никита? – рискнула спросить я. – В его личном деле об этом ничего не было.

– Моя жена не обладала способностями, и сын тоже, – горечь была слышна даже в голосе, не то что в эмоциях. Почему его это так расстраивает? Но комментировать я не стала. Как и то, что мы подошли именно к той двери, на которую я уже смотрела сегодня.

Максим приложил ладонь к сканеру и поймал мой насмешливый взгляд, но лишь пожал плечами:

– Я хорошо охраняю свои тайны.

Да уж.

Внутри был похожий коридор – разве что светлее – куда выходили двери, закрытые кодовыми замками. В одну из них мы и вошли.

Современная лаборатория без окон. Микроскопы, лупы, различные приборы, назначение которых я знала даже слиш-ком хорошо.

И большой ящик на одном из столов, который без лишних слов и открыл мужчина.

А мои глаза изумленно расширились, когда я увидела, что там лежит.

Глава 7

– Лунницы? Да еще и настолько хорошо сохранившиеся? – вопрос был, конечно, риторический, а я в восхищении смотрела на медные полумесяцы, лежащие на устойчивой бархатистой поверхности. – Откуда они у вас?

Эти амулеты – украшения, так любимые древними славянами, были довольно распространены; в музеях их можно было найти великое множество. Они имели больше даже не обереговой, но сакральной, магический подтекст.

Женское начало. Единение с потоком жизни. Знак новых свершений.

Руки у меня дрогнули в желании взять хоть один в руки и считать их след, но я побоялась это сделать. Видения, порой, не отпускали меня долго – и нужно было остаться одной, чтобы Максим ни о чем не догадался.

– Мы не так давно занялись реставрацией одной из церквей, – начал объяснять мужчина, – И там, в кладке фундамента нашли спрятанные лунницы. Похоже, прятали их в период второй мировой войны – кто и зачем не слишком понятно. Строители обнаружили небольшой ящичек, рассыпавшийся в труху, когда они его достали и внутри – семь полумесяцев.

– Находка, конечно, интересная, но не такая уж и редкая. Что имен-но вы хотите от меня?

– Посмотрите на них и скажите сами.

Я всмотрелась в узоры, проговаривая вслух, что видела:

– Называть вам конкретный век так сходу я рисковать не буду; на всех символы старого и нового месяца и вот эти линии, видите? Означают дни, по четырнадцать на каждой стороне. Многие из подобных оберегов представляли собой лунный календарь, это уже доказано. Похоже, ваша находка из их числа. Так, а вот это интересно... Посередине – символ Мары.

– Богини смерти?

– Не совсем. Она, скорее, богиня меры. Отмеряет, сколько кому предначертано. По справедливости.

– Но разве не к ней относят явления ночи, зимы, холода, кошмаров, зла?

Я посмотрела на Максима с уважением и кивнула:

– Так и есть. Но вы это оцениваете негативно, а древние славяне... Мара была выше понятий добра и зла. Она не просто богиня, но один из универсальных принципов мироздания; единство жизни и смерти. Такое «обязательное» зло.

– Как женщина?

Я изумленно вскинула брови.

– У вас оригинальное отношение к моему полу.

Но глаза Максима смеялись:

– Не у меня. У древних славян.

Я хмыкнула и снова кивнула, все еще не решаясь прикоснуться к украшениям. Наконец, перевернула один из них, а

потом и все осталь-ные, стараясь не считать пока ничего лишнего.

– Вы нахмурились...

Какой наблюдательный.

– Довольно странно. Здесь тоже четырнадцать борозд – половина месяца; но в середине разные символы. Вот так сходу я могу определить солнце и луну, остальные же... Пока не могу понять. Почему-то мне кажется важным, что амулетов именно семь и на каждом из них свой знак.

– Так вы беретесь за расследование?

Это прозвучало так знакомо, что я вздрогнула. Но потом поняла, что он, скорее, имеет в виду исследование. Не более того.

– Я так понимаю... Здесь? В этой лаборатории?

– Да. Или вы меня боитесь? – Максим пристально посмотрел мне в глаза и я порадовалась, что надела очки. Но потом мужчина вдруг подался вперед и накрыл ладонью мою руку, отчего я вздрогнула и едва подавила желание отшатнуться.

Дура.

Подобная реакция его позабавила:

– Все-таки боитесь. Сменить ориентацию?

Дважды дура.

Это он шутит так?

Я набрала в легкие побольше воздуха, чтобы разразиться какой-нибудь остроумной тирадой, как дверь внезапно открылась и в комнату зашел Никита.

На мгновение все трое застыли.

– Влада Александровна?

Парень нахмурился и уставился на наши руки. Я осторожно высвободила пальцы и чуть отошла от стола, кивнув своему ученику:

– Добрый день, Никита.

– Что вы здесь делаете? – спросил он напряженно.

Тут уже нахмурился Максим:

– Не думаю, что стоит задавать вопросы таким тоном.

Я попыталась разрулить ситуацию и мягко улыбнулась одновременно обоим и никому:

– Максим Григорьевич пригласил меня посмотреть на довольно интересную находку. Ты не хочешь взглянуть? Мы как раз будем скоро проходить славянскую мифологию...

Но договорить мне не дали.

Никита скривился и, буркнув что-то вроде «ну да, ну да», выскочил за дверь.

* * *

Высокая черноволосая женщина с искристо-белой кожей в серой накидке стояла на холме. Её пальцы были грязны; под ногтями забились земля.

Она перетирала эту землю, раз за разом вглядываясь в комки, па-давшие ей на ладони.

Губы женщины беззвучно шевелились; она то хмурилась,

то улыбалась. Потом бросала землю и зачерпывала новую. Смеркалось.

А женщина все стояла на холме и смешивала судьбы с грязью...

Я проснулась и полежала еще немного, воспроизводя в голове тот сюжет, что я увидела.

След? Отпечаток прошлого? Или же просто мой мозг так переработал полученную за вчерашний день информацию?

Теоретически, лунницы могли принадлежать такой вестунье; впрочем, как и любой другой девушке. И если я хочу об этом узнать...

Вдохнула, поднялась и прошлепала босыми ногами в душ, где тут же включила сильный напор.

Напор... Максим был невероятно напорист. Самоуверен. Решителен. Видимо, он был из тех, кто не приемлет отказа. Кому легче сказать один раз «да», чем объяснить, почему «нет».

Я пыталась понять, с чего он в меня так вцепился? Я, конечно, была привлекательна, но вокруг таких, как Максим, всегда вились еще более привлекательные варианты.

Археолог? С его связями это не проблема.

А вот если он знает обо мне что-то, что ему знать не следовало...

Черт. Вопросов в этой истории всё больше, чем ответов. А ведь у меня еще и собственное расследование, которое гораздо важнее.

Не говоря уж о работе.

Я вышла из душа. Из зеркала на меня смотрела распаренная юная девушка со сверкающими глазами и искусанными губами.

Надо брать себя в руки. Я ведь привыкла общаться с хищниками; пусть мне мешают сейчас мои странные реакции, но навыки и мозги ни-куда не делись. Как и интуиция. А она вопила, что Максим не так прост, как кажется.

Может, связаться с куратором?

Но что если я брошу тень на обычного мага, пусть и сильного?

Нет, сначала соберу побольше информации, а потом, если понадобится, обращусь в Комитет. В конце концов, пока его предложение выглядит абсолютно нормально, даже обыденно. Меня не раз привлекали в качестве консультанта, даже не зная, что я обладаю магией. Ведь несмотря на возраст, я провела на раскопках и в стенах археологических лабораторий времени больше, чем некоторые седовласые профессора.

Вздыхнула и села за компьютер.

На часах было шесть утра и я могла себе позволить пару часов на поиск информации в Интернете. В наше время совсем не надо было обладать особыми способностями, чтобы узнать побольше о человеке или компании. Надо лишь уметь фильтровать и анализировать обилие не всегда правдивых данных.

Спустя некоторое время я откинулась на спинку кресла и

прикрыла глаза.

Максим Григорьевич Арсенский. Тридцать восемь лет. Родился в маленьком сибирском городке, родители там и живут. Владелец крупной компании «АрсАрх» и пары предприятий поменьше. Богат, довольно известен в узких кругах как меценат и любитель старинных вещей. Не слишком часто появляется на публике и не любит говорить о себе или компании – я нашла всего несколько интервью и те касались конкретных проектов. То, что он маг – не скрывает, но и не афиширует, во всяком случае нигде я не увидела заголовков «Великий маг взялся за реставрацию музея». Пожалуй, последние упоминания на эту тему я нашла в связи с «магическими отрядами лагеря Артек» еще периода Советского Союза и его имя было в списке выпускников первой Московской магической кафедры при МГУ.

О семье было сказано совсем мало. Упоминание о несчастном случае и Никите, "оставшемся сиротой". Но никаких подробностей.

В Комитете он не состоял. В нашей собственной сети в открытом доступе было немного информации. Живет в Санкт-Петербурге, точнее жил – смена места жительства была зарегистрирована всего несколько дней назад. У нас не было своего «паспортного стола», и Комитет не следил особо за перемещениями магов, особенно «условно лояльных», потому их данные обновлялись по ходу дела, даже при коэффициенте магии четыре-пять. Компания несколько раз стандарт-

но проверялась на наличие нарушений и ничего выявлено не было.

Я вздохнула.

Знак «условно лояльный» означал, что Максим никогда не был замечен в действиях, направленных против магического сообщества; его дар и магия не считались опасными; он никогда не привлекался к работе в Комитете, но потенциально мог бы стать его участником.

Не опасная магия?

Усиленные пять чувств; скорость реакции в два раза выше, чем у обычных людей. Потенциальный выброс при защите и нападении на уровне три – высшем. Контроль сознания. И самое главное – он Чтец.

Ну-ну, и это считается теперь у нас не опасным?

Хотя не мне судить о действиях Комитета. Порой то, с чем они сталкивались, было настолько страшным, что способности Максима действительно могли ничуть не обеспокоить.

Я встала, прошла на кухню и взялась за готовку, продолжая размышлять.

Интересно, почему мужчина не пошел работать в Комитет, хотя у него была явная предрасположенность? Вряд ли он не знал о его существовании; и его психотип, да и общая картина жизни предполагали, что он с ним сталкивался и должен был заинтересоваться.

Тем не менее, не заинтересовался.

Одиночка?

Или что-то иное, гораздо более опасное, что мы упустили? Комитет не мог знать или контролировать всех магов, особенно тех, кто не был замечен в противозаконных действиях – будь то нарушения законов страны или сообщества – или неохотно шел на контакт.

И ведь если подумать, я тоже не узнала о нем за эти дни ничего, что должно было бы насторожить. Даже то, что он мог контролировать – и контролировал – своих сотрудников; даже наличие «секретной» лаборатории и интерес к древним амулетам. Даже его непонятное излишне пристальное внимание ко мне. Все это не выбивалось за вероятностные линии.

Тем не менее, я насторожилась.

Что же меня так зацепило? Что ж, у меня был ответ.

Слишком явная близость антикварной лавочки от штаба Комитета.

Слишком бурная реакция Никиты на довольно таки простой жест Максима.

Слишком «своевременное» появление мужчины в тот момент, когда у меня убивают напарника, а над сообществом начинают сгущаться тучи.

И слишком отчетливый знак насилия, который я увидела, когда спросила про жену.

– Собираетесь работать с моим отцом?

Я развернулась к Никите и внимательно на него посмотрела. Мальчик – хотя какой там мальчик, молодой мужчина – был сильно напряжен и стоял, сжав кулаки.

– На твоего отца, – поправила и улыбнулась – Ты хоть посмотрел эту находку? Удивительная вещь.

– И это все, что вас интересует?

Я нахмурилась. Эти Арсенские как то слишком много на себя берут. Оба.

– Никита, а тебе не кажется, что ты несколько перегибаешь палку?

– Простите, – буркнул он и резко отвернулся, а решила использовать его непонятную злость для собственных целей.

– Просветишь меня, что именно тебе не нравится? Что это буду я, что работать или что у твоего отца?

– Всё.

Я хмыкнула и попробовала подобраться с другой стороны:

– Может ты сам хотел заняться анализом?

– Нет.

– Тебе кажется что я недостаточно квалифицирована?

– Да нет же!

– Тогда зачем ты пытаешься втянуть меня в свой конфликт с отцом?

Он озадаченно на меня посмотрел, а потом махнул рукой и пошел прочь.

Я вздохнула.

Что там между ними происходит? Соперничество? Если Никита по характеру хоть сколько-нибудь походил на Максима, это вполне могло быть. Вот только на каком основании? Я старше студента на восемь лет, да и в принципе ни разу не давала повода предположить, что в меня можно... Назовем это влюбляться.

Уж если у кого и есть шансы...

Я сглотнула, вспоминая неожиданные прикосновения и жаркий шепот.

Там не шансы. Там кое-кто едва сдерживается, чтобы не поддастся собственным желаниям. И этот кое-кто далеко не Максим.

Зазвонил телефон и я чуть нервно усмехнулась, глядя на экран. Легко на помине. И у меня, кажется, появился повод попросить оставить меня в покое.

– Вы подумали над моим предложением? – начал старший Арсенский без предисловия.

Мне хотелось ляпнуть «над каким из них?», но я подавила неуместный порыв.

– Подумала. Я согласна. Вот только, Максим Григорьевич, у меня просьба... Понимаете, как выяснилось, ваш сын весьма напряженно относится ко всей этой ситуации...

– И что, вы хотите попросить меня держаться от вас по-

дальше? – голос его сделался насмешливым.

Ну-ну, рассчитываешь меня переиграть?

Я подпустила в свой немало удивления:

– Ну что вы... Причем здесь вы? – кажется кое-кто захлебнулся насмешкой, – Просто хотела попросить вас, раз уж мне все равно нужен будет помощник, чтобы им стал Никита. Он достаточно умен и заинтересован в предмете, да и вам спокойнее – не придется больше привлекать никого постороннего.

Долгая пауза и чуть раздраженное:

– Это... Хорошо.

И положил трубку.

А я почувствовала себя последней сволочью, которая прикрывается невинной жертвой, чтобы самой ею не стать.

Глава 8

– Посмотри. Понимаешь, что это?

Мы склонились над одним из оберегов, который Никита долго и тщательно очищал от всех лишних наслоений. Но знак, похожий на перевернутую букву А, был ему не знаком.

– Бычья голова. Символ бога Велеса.

– То есть, здесь изображены боги?

– Можно было бы это предположить, но... – я задумалась, вспоминая свои ощущения. Каждый раз, когда я прикасалась к лунницам, я видела ночь. – Велес для славян был, скажем так, аналогом греческого бога Гермеса. А того, в свою очередь, соотносили с планетой Меркурий. И если предположить, что эти лунницы – набор из семи оберегов, то...

– Семь планет?

– Да. Жителям Древней Руси были известны всего семь планет, которые можно было увидеть невооруженным глазом – Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Видишь, Солнце и Луну тоже относили к планетам. А Земля не считалась планетой – небо казалось нашим предкам твердыней, отделяющей наш мир от небесной воды, по которой плавают звезды.

– Почему плавают?

– Они же постоянно меняли свое положение; вот им и пытались по-добрать верное обозначение. «Переходницы»,

«планиты, рекше плавающие».

– А само слово...

– Тоже от греков досталось. Еще в летописи одиннадцатого века говорится «единь от семи планить».

– И что это значит?

Я пожала плечами. Вполне возможно, мы имели дело просто с символическими украшениями, но... Я всегда любила сказки. И хотелось верить, что мы нашли нечто большее.

– Давай так. Собери мне к следующей неделе всю информацию, которая может относиться к семи видимым планетам и астрономическим представлениям древних славян. Я как раз закончу анализ и более менее точно смогу назвать век, когда эти лунницы были сделаны – а они явно вышли из-под руки одного мастера. И продолжим наши исследования. Хорошо? Уже поздно, на сегодня мы точно закончили.

Никита кивнул, хотел было что-то сказать, но потупился и вышел из кабинета.

Я же привела все в порядок и тоже спустилась вниз. И даже не удивилась, когда увидела Максима, стоящего возле входа в здание.

– Влада... Александровна.

Чё-ерт.

Мне удавалось избегать его общества несколько дней, и за эти дни я почти убедила себя, что все мои реакции надуманы.

Какая дрожь? Какое волнение? Вы о чем?

А теперь, стоило мне просто его увидеть, стоявшего возле своей машины; услышать хриплый голос, произносивший каждое слово со значением и такой убежденностью, что становилось понятно – скажет пойти за ним, значит надо идти; почувствовать даже на таком расстоянии – а куда же я дену свое обоняние! – его чуть горьковатый, мужской запах – я поняла что я не просто взволнована.

Мое самообладание разорвано на клочки.

И я как нищенка лохмотьями вынуждена сейчас прикрываться его остатками.

– Максим Григорьевич...

Голос прозвучал неожиданно мягко, а мужчина вдруг шумно вздохнул и сжал кулаки.

Неужели я действую на него так же? Где-то в глубине души вспыхнуло чисто женское удовлетворение, и я в который раз обозвала себя дурой.

Влада, успокойся! Он – неизвестная величина, а неизвестным величинам нельзя знать, что ты маг. Слишком уж длинная цепочка за тобой тянется...

– Добрый вечер, – я, наконец, взяла себя в руки.

– Поздний вечер, – он, кажется, тоже. Во всяком случае напряженность из позы ушла, – Знаете, мне несколько неудобно. Вы тратите столько времени на этот проект, наверняка устаете и...

– Вы платите за это вполне адекватную компенсацию, – я позволила себе улыбнуться. – Но вы правы, я устала. Поэтому-

му хотела бы как можно скорее попасть домой.

– Только после ужина.

– Я вполне в состоянии поужинать дома и...

– Да хватит мне уже отказывать! – рявкнул Максим так громко, что я подпрыгнула и уставилась на него с изумлением.

Кажется, Арсенский был удивлен не меньше меня. Он шумно выдохнул, почему то посмотрел на свою правую руку, сжал её в кулак и сглотнул. А потом поднял свои потемневшие глаза:

– Простите. Я... Черт. Я просто хочу с вами поговорить. Посидеть в ресторане. Это что, преступление? Почему вы так реагируете? Я бы еще понял, если бы у вас был муж.

– А если жена?

– Да не лесбиянка вы! – сказал он с такой уверенностью, которую и чувствовал, что я поморщилась. Чтец же. Может пропустить что-то от неожиданности, но потом, если задастся целью узнать правду.

Ладно, поиграли и хватит.

– Простите меня за мой обман? – я наклонила голову и лукаво подмигнула, надеясь хоть немного снять напряжение, которое начало передаваться и мне. Маги друг для друга были своего рода сообщающимися сосудами – особенно хорошо знакомые. И если внутри него назревал взрыв...

– Так вы его признаете?

– Ну как я могу вам перечить, – улыбнулась еще более

открыто.

– Влада, – голос прозвучал совершенно беспомощно. Я мельком прислушалась к его эмоциям – растерянность и досада. – Как вы это делаете? Я думаю что понял, раскусил вас, и тут снова – неожиданный ход, и я в дураках.

– Опыт? – я пожала плечами. – Максим, а вам не приходило в го-лову, что я просто не хочу.

– Не хотите? – Арсенский шагнул вперед и навис надо мной, так, что мне пришлось поднять голову. Интересно, какой у него рост? При своих ста семидесяти пяти я почувствовала себя малышкой. Или это так подавляюще действовал его дар?

– И что именно вы не хотите, Влада? – вспышка желания в его эмоциях не стала для меня неожиданностью, но я постаралась отгородиться. Ну почему я так хорошо его чувствую?!

Вздыхнула и чуть отступила:

– Проблем? Заморочек? Непонимания? Вы излишне настойчивы, и эта настойчивость меня пугает. Что вдруг понадобилось известной персоне, богатому владельцу заводов и пароходов да еще и магу от простого преподавателя?

И ведь почти не соврала.

Максим лишь хмыкнул, а потом сделал что-то совсем странное. Протянул руку и заправил выбившуюся прядь за ухо. Мне пришлось стиснуть зубы, чтобы не задышать шумно от такого простого, но сексуального действия. Хотя на моем лице прочитать нельзя было ничего.

– А вам не приходило в голову, что вы мне просто понравились? – его голос снизился до полусшепота.

– А вам не приходило в голову, что это не обоюдно? – я не осталась в долгу.

Но его это не остановило.

– Значит, я вам не нравлюсь? Совершенно безразличен?

– Ну да.

Черт. Даже для меня это прозвучало вопросительно.

– Так докажите. Сходите со мной поужинать – как с коллегой. Просто знакомым. Вы же ходите ужинать со своими знакомыми?

Угу. Особенно с теми, кого подозреваю во всех грехах.

Я прикусила губу и тут же осознала свою ошибку. Глаза мужчины вспыхнули.

Ох.

И ведь если я сейчас буду настаивать на своем, это будет подозрительно.

Или я вру самой себе? И мне хочется – очень хочется – поужинать с ним? И не только... В любом случае, отбрыкиваться от этого приглашения дальше не стоит. Он уже завелся и может не сдержаться. Как тогда, в клубе. А если не сдержится он, у меня самой может сорвать крышу.

Этого точно нельзя было допустить.

– Хорошо. Поехали, – я кивнула и быстро обошла машину, чтобы сесть с пассажирской стороны.

Меня опередили – Максим открыл мне дверь и осторожно

усадила, будто я была драгоценностью.

Он так продолжил себя вести и дальше. Весьма неожиданно.

Ухаживал. Усаживал. Помогал с выбором – в этом довольно таки популярном и дорогом ресторане я не была. Развлекал: он мог быть на удивление приятным собеседником, когда не пытался давить. Со слегка саркастическим юмором и весьма обширными знаниями. Я расслабилась и поддержала новую игру. И даже согласилась, что глупо в подобной ситуации выкать друг другу.

Я обратила внимание, что многие женщины смотрели в его сторону. Молодой, уверенный в себе, привлекательный, богатый. Лакомый кусочек. В своей простой одежде – я с утра не переодевалась – без косметики и в очках я смотрелась рядом с ним несколько неуместно.

Кажется, впервые я была озабочена внешним впечатлением, которое произвожу; мне вдруг захотелось чтобы это внешнее "прикрытие" было не таким... скромным. А ведь сама выбрала подобный стиль. Зато будет чем его потом удивить.

Поймав себя на этой мысли, я задохнулась.

Стоп, Влада. Куда ты лезешь? Вся эта ситуация...

Неправильная, невозможная, ненужная тебе сейчас.

Извинилась перед Максимом и вышла в туалет, чтобы отдышаться.

Думай, думай логически. Убери свои вспыхнувшие, непо-

нятные эмоции. Как бы ты поступила, если бы это был не Максим, а любой другой человек? Если бы появился маг, чье поведение выходит за вероятностные линии и, в то же время, он сам слишком близко подобрался к тебе?

Я посмотрела на себя в зеркало, будто спрашивая ответ у отражения.

На самом деле, я знала ответ еще до того, как начала задавать эти вопросы.

Мне нужно было отказаться от работы консультанта в «АрсАрх». Передать всю информацию по Арсенскому в Комитет. И сосредоточиться, наконец, на том, что действительно важно.

Я вернулась за стол, допила свое вино и попросила отвезти меня домой. Благо, мы уже поели.

Если Максим и заметил мое изменившееся настроение, то комментировать не стал. Сделал вид, что вечер столь же прекрасен, как и был; довез до подъезда и только тогда повернулся ко мне.

– Влада... Я...

Мой телефон тренькнул.

Этот звуковой сигнал я знала. Срочное сообщение из Комитета.

Отличный повод для самой себя, чтобы сбежать и перенести все дальнейшие объяснения в область телефонного разговора. Встретаться с ним я больше не собиралась.

Улыбнулась мужчине и глубоко вздохнула:

– Мне пора. Я действительно устала. И спасибо за ужин – ты прав, от этого на самом деле не было смысла отказываться.

Продолжение фразы «потому что ты просто знакомый» повисло между нами.

Максим скривился, но у меня не было намерения продолжать наш очередной спор. Выскочила из машины – мужчина даже не успел выйти и открыть мне дверь – махнула рукой и скрылась в подъезде, стараясь не замечать решительного выражения, которое появилось на его лице.

Только оказавшись дома, я достала телефон и посмотрела зашифрованное сообщение.

Твою ж...

«Предварительная мобилизация»?!

Её не осуществляли ни разу – только готовились и описывали действия агентов в случае объявления. Ну что-то типа ОБЖ в школах.

И если Комитет решился...

Значит, все гораздо хуже, чем я думала, и наша собственная война началась снова.

Глубоко вдохнула и внимательно прочла сообщение лично для меня. Как московскому магу-аналитику мне предстояла срочная проверка нескольких людей, которые могли бы оказаться полезными Комитету. Точнее, не людей, а сильных магов.

Дурное предчувствие овладело мной. И когда я открыла

список, состоящий всего из четырех фамилий, телефон едва не выпал из рук, а я нервно расхохоталась.

Ну конечно. По другому и быть не могло.

Первым в списке стоял Арсенский.

Глава 9

– Влада, нет.

Голос главы Комитета звучал устало.

Я стиснула телефонную трубку и глубоко вздохнула. Нет, я должна попытаться еще раз!

– Я уже натворила дел с этим Арсенским, – начала объяснять снова, – шарахалась от него как ненормальная, скрыла – между прочим, как и полагается! – что я маг; а теперь каким-то образом должна буду стать ему ближе и показать свой дар...

– Не дар, а магию. Небольшое количество. Большую часть все равно следует прикрывать.

– Да понимаю я! Просто у него ко мне неоднозначное отношение и...

Черт.

Ну как объяснить?

Что я с ума схожу в его присутствии? Что стоит мне забыться и ослабить контроль – я чувствую его эмоции, как свои? Что я ощущаю запах насилия, который его сопровождает – и боюсь этого насилия? Не потому, что боюсь за себя, а потому, что ужасно не хочу узнать причину.

Просто я понимала, что какой бы ни был результат моей проверки для Арсенского, для меня он будет единственным.

Падением на самое дно.

– Ты сама говорила, что такая же, как и все... Пришло время это показать. Хотели мы того или нет, но ты сейчас лучший из аналитиков, находящийся в Москве. И все перечисленные в списке персоны важны нам, как никто. А это значит...

– Что я единственная, кто сможет дать стопроцентную гарантию, – закончила уныло.

Похоже, выбора действительно не было.

Да я и не предполагала его, пусть и пыталась соскочить с колеи. Но это, скорее, было следствием нестабильности состояния, нежели пред-положением, что такое возможно.

Я пришла в Комитет именно ради такой работы.

Понять. Найти. Уничтожить.

Или оправдать.

И то, что мне это вдруг стало сложно – мои проблемы. Хорошо хоть не успела наговорить Максиму глупостей. Плохо, что не раз рассуждала о магических сущностях с позиции «не-мага». Это может насторожить.

Что ж, мне придется всего лишь проработать легенду более тща-тельно...

Ради безопасности – своей и расследуемых дел – маги, работавшие агентами, всегда скрывали свои способности. Обязательное условие, проверенное многочисленными весьма неприятными случаями. Черт, да это элементарно делало наши проверки более успешными!

Мы скрывались и от простых людей, и от правительствен-

ных структур, и от собственного сообщества. Пожалуй, дотошный исследователь мог обнаружить несостыковки, но в нашем мире многие до сих пор бы-ли озадачены вопросом выживания видов, чтобы обращать на это внимание.

К тому же, агентов, как правило, распределяли после нескольких лет работы в другие города.

Но все менялось, когда речь шла о проверке, подобной той, что заказал сейчас Комитет. В ней требовался иногда обмен энергиями, проникновение, лежащее в области магического взаимодействия, и потому скрыть, что я маг, было бы невозможно.

Я вздохнула:

– А Тимур?

– Присматривайся параллельно или займешься позже, как закончишь с магами. Вполне возможно, смерть Тимура тоже имеет отношение к происходящему, но...

– Но есть приоритеты.

Что ж, у меня действительно не было выбора. Как и у всех нас.

– Поделишься, почему вдруг это все началось?

– Чуть позже. Не хочу волновать тебя понапрасну. Мы и сами по-ка не уверены, но решили перестраховаться.

– Хорошо.

Почему же такое чувство, что плохо?

Совсем-совсем плохо?

– Влада... – тяжкий вздох и следом признание, – Вообще

я ужасно соскучился. Пока тебе лучше оставаться в Москве, но знай, как только будет возможность...

– Я знаю... – позволила себе улыбнуться, – Я приеду. И я тоже ужасно соскучилась, пап.

* * *

Дар эмпатии проявлялся по-разному.

Для меня это было сродни воздействию на все органы чувств. Я чувствовала эмоции других людей и магов через цвет, запах, мягкость или жесткость поверхности.

Радость, счастье окатывали меня солнечным теплом, обнимали желтым светом. Удовольствие, удивление, интерес были зелеными и голубыми; шумели листвой молодых деревьев и небольшими волнами накатывались на песчаный берег. Грусть была дождем – серым, с тонким запахом озона. Гнев и ярость – пламенем. Страх чем-то липким, гулким, от чего закладывало уши и во рту появлялось навязчивое гадкое ощущение.

Но самым сильным чувством была ненависть. Она смывала черным вонючим потоком все хорошее, что было в душе человека; она слепила глаза и разливалась горечью по венам. Выворачивала нутро наизнанку и смолой оседала на каждой мысли, отравляя тело и душу.

И узнав однажды, что такое настоящая ненависть, исходящая от другого человека, я больше никогда не хотела её

почувствовать.

Хотя шла к этому повтору семимильными шагами.

Я вздохнула и с трудом вернулась к действительности.

– Чем отличаются веды, язычество древних славян и религия? – начала я лекцию, собрав небольшую промежуточную контрольную, – Можно ли на сто процентов уверенно утверждать, что славяне были носителями ведической, или даже правильно говорить «ведийской» культуры? На самом деле на этот счет нет однозначных мнений. Но мы с вами остановимся на одном конкретном аспекте, сквозном и для арийцев, и для славян; и он будет нас интересовать именно в связи с магическими предметами и ритуалами. Я говорю про заговоры и напитки, вызывающие галлюцинации.

Раздались смешки.

Я тоже позволила себе улыбку:

– Мне следовало сказать «напитки, помогающие увидеть суть вещей»? – подмигнула, – Можно и так. Индоевропейской традиции, как, впрочем, и многим другим, был свойственен шаманизм. Шаманские культы предполагали введение в транс – и именно в этом транс можно было творить всякие «чудеса», вроде хождения по углям. Ну и становились доступны различные озарения. Их можно было подстегнуть: мед, молоко и мухомор давали удивительные результаты. Подобные результаты довольно случайно были получены и с помощью ЛСД: фантастические видения, полное погружение в галлюцинацию – со вкусом, цветом, запахом.

Этим некоторое время пользовались творческие люди, и их даже не останавливали тяжелейшие последствия употребления... С помощью тех же психоделиков после второй мировой войны пытались лечить различные формы психических расстройств, вроде шизофрении. Безуспешно. Но зато набралось достаточное количество свидетельств, говорящих о том, что люди, используя вспомогательные вещества или собственные ресурсы организма, способны ощутить кратковременное изменение сознания, перейти на некий уровень ощущений, понимания связей, которые пронизывают наш мир. В дальнейшем это весьма по-могло магам разобраться с различными магическими практиками; по сути магия, в некотором роде, в состоянии выступить тем же психоделиком, но только с ожидаемым и правдивым результатом. И без всякого вреда для организма.

– Повезло этим магам, – протянул кто-то завистливо, но я лишь пожала плечами.

– Не забывайте, что подобные состояния маги используют для работы – получить от них удовольствие гораздо сложнее. Но продолжим. В славянской культуре шаман – это знахарь, колдун, ведунья. Они в какой-то мере проникали в информационное поле планеты и людей и пытались воздействовать на него через стихии; воздействовать инстинктивно, с помощью интуитивных ритуалов и заговоров. Мы находим множество свидетельств весьма успешных языческих практик такого рода: да, безусловно, это не аксиома, что они бы-

ли действующими магами, но сейчас, когда маги исследуют некоторые места и предметы, которые можно отнести к подобным практикам; когда реконструируют события и обряды, они могут с уверенностью утверждать – у наших предков неплохо получалось.

– То есть... – осторожный голос с первой парты – Магия на самом деле была всегда?

– Могу ли я быть уверена на сто процентов? – я вздохнула, – Пожалуй, нет. Только на девяносто девять. Но я сторонник той теории, что кем бы свыше ни была послана на Землю магия, какие бы силы ни осуществили это изменение... Вряд ли что-то бы получилось, если бы у человечества не было к этому предрасположенности. И у археологии сейчас появилась весьма интересная задача – изучить подобные предпосылки. Рассмотреть культурные слои с этой точки зрения. А еще, несмотря на то, что у нас, к сожалению, немного письменных источников рассказывающих о славянском язычестве, зато осталось кое-что даже более важное.

Я сознательно сделала паузу и дождалась заинтересованных восклицаний.

Думаю, вы уже проходили веды и знаете, что четвертая по счету и самая поздняя из вед, Атхарва-Веда, по сути, является ведой заклинаний. Именно заговорам и заклинаниям, особым словесным формам, с помощью которых наши предки колдовали, лечили, меняли судьбы и наделяли магией предметы, и предавалось огромное значение. И нам по-

везло в том смысле, что никто не сохранил в практически неискаженном виде этот архаичный индоевропейский пласт так, как русский народ. Вот об этом подробно мы поговорим на семинаре. Мне нужно, чтобы каждый из вас изучил действующие заговоры; заклинания, которые вкладывали в амулеты и обереги. Чтобы вы рассмотрели и напитки, вспомогательные вещества, что помогали колдунам обрести "знания". Нашли названия оберегов, которые из простого куска камня или метал-ла превращались в магические предметы благодаря особым словам и обрядам. Мы составим вместе максимально полный список – и в дальнейшем я планирую посвятить его изучению достаточно времени.

* * *

– Влада Александровна, – днем на кафедре меня нашел Никита. – Я подготовил информацию, о которой вы мне говорили.

– Узнал что-то интересное? – пусть я была весьма далека мыслями от лунниц и своей дополнительной работы, но это была именно та точка, от которой мне придется отталкиваться в расследовании, потому игнорировать её я не могла.

Может стоило в свете сложившихся обстоятельств отказаться от общения с младшим Арсенским, но я чувствовала – три линии судьбы уже сошлись; и сейчас я не смогу перекрыть ни одну из них.

Пусть потом кое-кто и подумает, что я подлая тварь, использовавшая мальчишку.

– Ну, не знаю, насколько это интересно... Но я просмотрел все знакомые источники на эту тему и подумал, что обереги и изображенные планеты могут быть связаны со Звездным Законом.

– Хм... – я посмотрела на студента. – Неплохо.

– «Звёздный Закон – это Правь, коей подчинена Явь – мир явленный – и Навь – мир духовный, посмертный. Само звёздное небо – суть Правь, Правило. Расположение звёзд, движение планет и светил подчинено единому для всей Вселенной закону. Познав Правь, научившись предсказывать небесные явления, научишься предсказывать и явления земной жизни, ибо Прави подчинены и небо, и земля». – зачитал Никита и с ожиданием уставился на меня.

– Думаешь, мы имеем дело с мощным инструментом для предсказаний?

– А если для влияния на...происходящее? – парень был возбужден, и я невольно увлеклась вслед за ним. Мы обсудили основные моменты и договорились встретиться послезавтра в лаборатории, чтобы изучить лунницы с этой точки зрения.

Я проводила взглядом ушедшего парня. Раз мы продолжим работу, мне придется сказать о своих способностях и Никите, правда, взяв с не-го обещание молчать в университете.

Но сначала надо поговорить с его отцом.

Глава 10

Я мысленно проговорила еще раз все «тезисы» и решительно зашла в кабинет. Точнее, для себя решительно, но для окружающих я выглядела довольно таки неуверенно. Еще и растрепанна была сверх меры, будто нервничала и теребила косу.

Максим уже ждал. Мы условились о встрече заранее, но он явно не рассчитывал, что я буду, против обычного, вести себя настолько робко.

Попробовала даже заикаться, но решила, что с этим уже перебор. Поэтому вздернула подбородок:

– Мне надо сказать тебе важную вещь!

Брови мужчины поползли вверх. Угу, с таким видом обычно любовницы объявляют о своей беременности – наверное, подсознание из сериалов эту сцену и подчерпнуло – но уж никак не консультанты о своей принадлежности к магам.

– Маг?! – он был искренне изумлен.

Я кивнула головой и посмотрела на него со смесью надежды и вины:

– Слабый маг, – с преувеличенной осторожностью сняла с запястья браслет, который приоткрыл часть моей ауры. Перенастроенный артефакт на шее скрывал все остальное, – Понимаешь, если я хочу и дальше продолжать исследование

лунниц, мне не обойтись без магического воздействия... Я долго думала, стоит ли об этом говорить – ведь я отказалась от применения; и в университете об этом ничего не знают, но... Твои находки меня настолько заинтересовали, что было бы глупо не воспользоваться тем, что мне было дано. Наверное, – закончила я совсем тихо.

Максим встал и подошел ко мне.

– Значит, прикрывающий браслет... Ты поэтому вела себя так странно?

– Ну да, – с преувеличенным энтузиазмом я подхватила новую тему, – Мне и хотелось и не хотелось работать консультантом, я сомневалась и...

– Я не про это, – он подошел еще ближе, а я сглотнула. Было бы глупо надеяться, что мужчина не воспользуется ситуацией, чтобы выяснить кое-какие моменты досконально. – Ты поэтому шархнула от меня там, в клубе? Да и потом...

Я пожала плечами и не стала отвечать. Впрочем, похоже, ответов и не требовалось. Он все додумал сам. Довольная, чуть ли не счастливая улыбка озарила лицо Арсенского, и я как зачарованная уставилась на его губы. Что ж, пусть выводы и несколько неудачны для меня, но чисто по-женски мне было приятно, что он так реагирует.

Ох, Влада, ты и вправду растекаешься киселем в его присутствии.

Пока мне удавалось не врать. Почти. Так, представлять слегка в другом свете существующие факты. Агенты, как

правило, старались не использовать ложь зазря; и если была возможность отвечать приближено к действительности, мы так и делали. Глупо строить излишне сложную легенду, в которой можно запутаться и самому.

– Почему ты это скрываешь? – хриплый голос Максима прозвучал совсем близко, практически, мне на ухо. Он так склонил голову, что по-верни я чуть подбородок, просто уткнусь в его губы. Кажется, он предположил, что раз я раскрылась, для него это означает зеленый цвет.

– Я слишком часто видела в детстве, к каким ужасам приводит магия, – и это была правда. Другой вопрос, что меня это не отвратило, – Да и отношение окружающих – я имею в виду просто людей – оставляло желать лучшего. И в какой-то момент я поняла, что магия в мою жизнь приносит слишком много боли и неприятностей. Не хочу подробностей, но... Представители сообщества даже удовлетворили мою просьбу на применение защитного браслета. К тому же, эти инстинкты... Это отвратительно! – дальше я говорила уже с вызовом. – Прикрываясь потребностью укротить огонь, маги могли просто кидать-ся друг на друга! Я предпочитаю принимать таблетки для успокоения, – я преувеличенно вздохнула и чуть ли не всхлипнула.

Надо же показать, насколько я травмирована некой прошлой ситуацией.

К чести Арсенского, он не стал это комментировать, хотя по тихому вздоху и обдавшему меня ощущению жара мое

неприятие вряд ли его остановит. Но, может хоть замедлит?

Мне нужно было успеть выполнить задание, не поддавшись его обаянию и своим инстинктам.

Возможно, когда я буду полностью уверена в том, что он чист...

Ну о чем ты думаешь?! Лучше уж прими успокоительные таблетки. Они, конечно, влияли на реакции, потому не были рекомендованы агентам, но в данной ситуации вполне могли стать выходом.

– Значит, в шестнадцать ты подписала контракт.

– Да.

Контракт то я подписала, но вовсе не на скрывание.

– Я вряд ли смогу изменить твоё отношение, но...

– Уже смог. – я снова перебила Максима, отступила на приличное расстояние, энергично кивнула и широко улыбнулась, делая по возможности максимально невинное и радостное лицо, как бывает у людей, которые сняли с себя тяжкий груз – Теперь я возьмусь за работу с удвоенной силой. У меня лишь просьба. Я знаю, это против правил, но не мог бы ты пока не сообщать обо мне в сообщество? Вдруг мой энтузиазм продлится недолго и... Не хочется пройти миллион процедур, чтобы понять, что я все-таки не готова.

– Только если ты будешь использовать магию под моим контролем, – быстро ответил мужчина.

Я прикусила губу. Что ж, неглупо. И даже разрешено. Правда, в отношении детей, но вряд ли Комитет придерется

к таким нарушениям. Хихикнула про себя – ага, пусть попробуют.

– Конечно.

– Тогда пройдем в...

– Не сегодня, – чуть улыбнулась и отступила к двери, – У меня много университетской работы. А завтра после обеда я буду в лаборатории.

Я быстро вышла из офисного здания и двинулась в сторону дома. У меня и в самом деле было много работы – ведь если по Максиму я уже собрала информацию, то к встрече с остальными «подопечными» следовало начать готовиться сейчас, по меньшей мере, изучить все, что есть в источниках.

Так что я вполне ожидаемо провозилась за компьютером до одиннадцати вечера и только потом улеглась.

А вот что стало полной неожиданностью, так это звонок посреди ночи.

* * *

– Убит не магически, но магом, – я медленно обошла тело, зябко кутаясь в свою куртку и стараясь не смотреть ни на рану в груди, ни на незнакомое лицо довольно взрослого мужчины. – Я так понимаю, он не маг?

– Нет. Но работал на контору, которая поставляет оборудование для магов.

– Откуда вы узнали так быстро?

– Они и всполошились первыми, точнее, заказчик. Два часа назад убитый должен был привезти заказ клиенту, но не появился.

– И заказ был достаточно интересным, чтобы всполошиться?

– Это еще предстоит узнать. Но я был вынужден вызвать тебя... – куратор смотрел неуверенно. – Заказ везли в подразделение «Арс-Арха» и должны были передать в Рим.

Я окаменела.

– Мы нашли посыльного первыми и приехали, пока никто не про-знал – ни его работодатели, ни полиция, ни ответственные с предприятия Арсенского. Зная над чем ты работаешь...

– Нужно быть идиотом, чтобы не проверить след, – я кивнула. – Но меня здесь не должны заметить.

Куратор кивнул.

– Сколько у меня есть времени?

– Полчаса хватит?

– Думаю, да.

– Тогда действуй.

Глубоко вдохнула и прикоснулась к ране в перчатках, стараясь ни на миллиметр не задеть и не сдвинуть убитого.

Собственно, моему дару было все равно – человек или предмет, два часа назад или две сотни лет. Но мне все равно не было. И я с трудом могла абстрагироваться от того факта, что это тело совсем недавно было не телом, а чуть лысова-

тым мужчиной, который дышал, работал, мечтал о чем то...

Я отогнала от себя непрощенные мысли и сосредоточилась, провали-ваясь в звуки, вкусы, запахи действительности, окружавшей того на момент смерти.

Особенностью магии, подобной моей, было то, что я могла зафиксировать в основном момент, когда исследуемое находилось на пике – эмоций, чувств, страхов; если это был кусочек здания или украшение, то в них я видела, как правило, самые яркие переживания хозяев.

Для умерших насильственной смертью не было ничего более пикового, чем момент убийства.

И потому аналитиков, видевших следы и судьбы, старались в подобных случаях приглашать обязательно. Пусть мы, порой, и не могли описать лица убийц – люди, зачастую, настолько были погружены в тот момент в свое состояние, что просто не различали деталей.

Я встала, аккуратно стянула перчатки и чуть поежилась – по ночам было уже холодно, да и мое состояние после всех переживаний оставляло желать лучшего.

– Он же ехал на машине?

– Её нашли в квартале отсюда. Внутри ничего не было...

– Как далеко тот офис, в который нужно было привезти заказ?

– Минутах в пятнадцати езды. Ты что-то увидела?

– Да. Он отдал две небольшие коробки добровольно. Так, будто просто передал его заказчику.

– А потом...

– А потом очень удивился, что этот человек ударил его ножом.

Я стиснула зубы и часто задышала, борясь с подступившей тошнотой.

– Лицо...

Покачала отрицательно головой.

– Есть ощущение, что в этом замешан «АрсАрх»? – настаивал мужчина.

– После всего того, что вы мне поведали? Да тут все пропитано этим ощущением! И это мне категорически не нравится.

– Поделишься? – тихо спросил куратор. Мы отошли в сторону, пока эксперты зачищали следы нашего присутствия. Полиция – обычная полиция – уже ехала.

– Слишком много совпадений, не находите? Я вижу всего несколько причин. Первая – пусть будет совпадение. Второе. Это убийство уже причина для проверки, которую владелец компании не только не пройдет, но и рискует напороться на арест. А третье...

– Как всегда, худшее?

– Кто его знает, что для нашего будущего хорошо, а что нет, – по ночам, особенно на пустой желудок – применение дара всегда забирало силы и вечно вызывало чувство голода – меня тянуло на философию. – Но, в какой-то мере, это будет полный провал. Есть вариант, что нас сталкивают спе-

циально, а значит, нашелся кто-то, кто точно знает над чем я работаю, и решил подставить таким образом мой объект или меня. Или нас обоих...

– Но это возможно! Только если...

– Этот человек также работает в Комитете, – закончила я мрачно за куратора.

Глава 11

Я закрыла глаза и сжала лунницы пальцами, стараясь почувствовать некие особенности с помощью магии.

Точнее, сделала вид, что стараюсь что-то почувствовать. Во-первых, я уже изучила их – и ничего кроме ночи и странных всполохов так и не заметила. Разве что резкий крен, будто тот, кто держал их в руках, вдруг упал. Так вполне могло и быть – анализатор уже должен был подтвердить или опровергнуть вьёвшиеся капли крови, я только не успела просмотреть распечатки. Во-вторых, согласно легенде, никаким особым даром я не обладала, зато могла десятикратно усилить интуицию, как любой маг, и из различных «предложенных» исследованиями, историческими справками и современными приборами вариантов выбрать действительно верный. Не специалисту – не археологу – с этим было бы гораздо сложнее, а вот я, даже при «слабой» магии, могла бы более менее четко определиться, имея такой богатый материал.

И я уже выбрала версию, с которой нам предстояло работать дальше.

Это представление мне было нужно для другого. Тем более, что Максим сам вызвался «присматривать» за мной, и все складывалось как нельзя лучше. Было немного противно – от самой себя – но имела ли я право на эти эмоции? Вряд

ли. Я ведь знала, на что шла, поступая на эту работу. А то, что я вдруг начну испытывать влечение к подозреваемому...

Никто и не говорил, что будет легко.

Сейчас у меня была конкретная цель. Проверка самого мага. Маги могли чувствовать исходящее магическое воздействие – в виде неких полупрозрачных токов, усиления сияния ауры, даже потрескивания воздуха. Но при должной сноровке, при моем коэффициенте, я могла сосредоточиться вовсе не на берегах, а на Арсенском. Причем тот ничего не должен был понять.

От меня это требовало огромного напряжения, но вряд ли подобная возможность представится в таком идеальном варианте снова. Несмотря на всё внимание, с которым мужчина вглядывался в мои действия, он был расслаблен и открыт для изучения. Как открытая, наконец, книга в тяжелом кожаном переплете с коваными уголками. Страницы следовало переворачивать очень осторожно и вглядываться в то, что было спрятано между ними.

Поэтому я решила.

Сперва меня чуть не сшиб свежий и пахнущий морским бризом по-рыв интереса, восхищения, настороженного желания и удивления. Ко мне?

Не думай, Влада! Тем более это были чувства, которые можно было распознать эмпатически. Дар для этого использовать не обязательно. Надо проникнуть глубже.

Я глубоко вдохнула и...

Темный тоннель с закрытыми дверями.

Сглотнула. Как правило, если не было реального физического отображения произошедшему в прошлом, мозг мне подсовывал наиболее понятные для меня картины, которые выуживал из воспоминаний и ощущений проверяемого. Это не было настроением или сознательно выстроенным Максимом образом, это было именно мое видение его сущности и тех событий, что могли привести к нему такому, какой он есть.

Я осторожно толкнула первую дверь, но та не поддавалась. Еще одну – все то же самое. Что ж, вытаскивать грязное белье в мою задачу не входило. Мне нужна была суть. Грубо говоря, понять, на какой стороне силы он находится. Нет, это понимание не было бы гарантией, что все действительно в порядке, и на Максима можно было рассчитывать, но для дальнейшего полного анализа это было необходимо.

Я быстро пошла по коридору туда, где чуть брезжил свет. Зашла и улыбнулась. Что-то среднее между серверной и макетной мастерской. Очень точно отображает его интересы. Кладовая его воспоминаний, которую я могу сейчас быстро осмотреть.

С любопытством глянула на разные дома – наверное те, что он когда-то проектировал; прошлась по включенным компьютерам – информация, но ничего криминального.

И тут же застыла, привлеченная необычной сценой.

Я нахмурилась, останавливаясь возле небольшой площад-

ки.

Крохотные фигурки из пластика были расставлены в определенной сцене, который показалась мне достаточно необычной. Посередине крест, на который была привязана женщина, сгоравшая в пламени. Суть инквизиция, но вот фигурки вокруг были современные. И весьма похожие на магов – так, как их воспринимали обыватели – молчаливые люди в облегающих костюмах, с непонятными предметами и жезлами.

Сглотнула.

Что за хрень? Разве мог он увидеть подобное в прошлом. Быть участником таких событий? Что за реальность скрывается за этим образом?

Рядом с площадкой был лабиринт; огромный, очень запутанный и с достаточно высокими стенами, чтобы случайные путники, забредшие туда, не могли выбраться.

Они и не могли.

Я нависла и присмотрелась внимательнее.

Несколько человек "бродило" без права на выход. Еще трое лежали и вокруг них расплылись красные пятна. Даже в таком статичном, игрушечном состоянии зрелище было неприятным.

И среди всей этой безысходности выделялась одна фигурка. Высокий по сравнению с остальными мужчина с темными волосами и ножом в руках, замерший в напряженной позе.

Уже понимая, кого я увижу, осторожно протянула руку и

взяла куколку в руки.

И тут же меня накрыло волной почти физической боли, отчего я вылетела в реальность и чуть не упала со стула, теряя сознание.

– Влада! – громкий крик привел меня в чувство.

Я шарахнулась от Максима, но потом пришла в себя и посмотрела на свои руки.

Нет, в них ничего не было, даже лунница выпала.

Перевела взгляд на часы – я всегда засекала время в таких случаях. Четыре минуты. Практически, мой предел. Если бы меня не выкинуло, могла бы и пострадать. А может, это мой организм так и поступил?

– Влада, – мягче сказал Арсенский и заглянул мне в лицо. – Ты в порядке? У тебя кровь из носа.

Я провела чуть дрожащими пальцами по лицу и отвернулась, пытаясь взять себя в руки. Потом неопределенно кивнула, жадно попила воды и приняла платок.

– Да, все нормально, – хриплый голос, казалось, принадлежал не мне. – Просто с непривычки...

– Больше не будешь заниматься этой хренью, – сердито произнес мужчина, и я с удивлением посмотрела на него. Злитесь? Почему? – Ни одно исследование не стоит... вот этого.

– Да все нормально, – я осторожно улыбнулась – Зато я поняла, с чем мы будем работать.

– Да плевать на...

– Максим, – я накрыла, неожиданно для самой себя, рукой его руку, будто успокаивая, – Все действительно хорошо. Я взрослый человек и сама приняла это решение. Готов послушать итог моих размышлений и магического исследования?

Он шумно вздохнул, посмотрел на наши руки, поднял голову с каким-то беспомощным выражением и кивнул.

Я приготовилась было говорить, как дверь в лабораторию открылась, и зашел Никита.

Зашел и замер, будто врезался в стеклянную стену.

– Привет, Никит, ты как раз вовремя, – я улыбнулась парню.

– Я вижу, – ответил тот резко и скрестил руки на груди, – Что, работаете? – а вот это прозвучало почти издевательски.

Пальца Максима дернулись под моими, будто в желании наказать.

Черт. Ну куда в этот клубок вплетать еще соперничество?

Я сделала вид, что не заметила напряжения, повисшего в комнате.

– Работаем, – кивнула, улыбнулась и отошла к одному из приборов, где начала изучать распечатки, – И я готова представить первые результаты. Итак, у нас есть лунницы, по числу небесных тел, что были известны нашим предкам; и дата их создания – тринадцатый век. Сложно сказать, сколько у них было хозяев, но, судя по тому, насколько хорошо они сохранились, их было не так уж и много. Более того, по моим предположениям хозяин – точнее, хозяйка – вообще

была одна. И после её смерти эти обереги спрятали очень тщательно. Конечно, не в ту церковь, в которой её нашли. И вот у нас первая ниточка, за которую можно потянуть – найти того, кто мог перепрятать то, что считал семейной или религиозной ценностью. Для кого они представляли определенный смысл. К сожалению, про первую хозяйку мы вряд ли сможем узнать, уж слишком давно это было. Разве только то, что она была убита; причем, скорее всего, в момент ритуала. Анализатор это смог подтвердить по наличию частиц крови. Что это была за женщина, и какой ритуал она проводила, я пока не могу предположить – мне нужно поискать аналоги. Тем не менее, это тоже ниточка, которой я в состоянии заняться. Ну и третье. Нам следует разобраться, для чего все-таки были изготовлены обереги. Это поможет ответить и на предыдущие вопросы. Допустим, они действительно имеют отношение к Звездному закону. Первый звездный закон гласил, что мир был рождён, а значит, у него был Родитель, Род. И его свойства таковы, что, даже отрицая его бытие, признают существование под другими именами: Природа, Вселенная, Абсолют, Бесконечность, Первопричина и так далее. Признают и его лики – Жизнь, Смерть, Любовь, Добро, Зло. Второй – закон Велеса – это закон Развития, закон смены Яви и Нави. Смены родителей и детей. Так, Род воплотился в Свароге, Сварог – в Перуне, Перун – в Дажьбоге, Дажьбог – в Коляде. Предания о смене поколений богов, о явлении Богом новых ликов – суть повесть о разви-

тии Вселенной. И третий закон, закон противостояния: Явь и Навь противостоят и противоборствуют, что и приводит к равновесию и гармонии.

– Похоже на законы Ньютона, – улыбнулся успокоившийся Максим, прерывая молчание.

– Похоже, – я кивнула, – но нас пока должно интересовать другое. Связь законов и семи тел, если она вообще существует.

– По положению звезд очень часто давали толкование будущим со-бытиям. Может, из этой области?

– Тогда зачем лунницы? Можно было просто посмотреть на небо.

– А затем, что с помощью оберегов – дальше я могу использовать любое слово «думали», «верили», «считали» – можно было изменить эти самые будущие события.

Я кивнула. Тоже пришла к такому выводу, но мне хотелось найти этому подтверждение и у стороннего пользователя. Хотя какой же он сторонний...

Я посмотрела на Никиту, который все еще стоял в той же позе:

– А ты как считаешь?

– А что, мое мнение следует учитывать? Я же не маг... – зло ответил тот.

– Никита! – гаркнул Максим так, что я подпрыгнула.

– При чем здесь это? – спросила удивленно.

– Вы маг, отец маг – и ведь только потому с такой легко-

стью разобрались во всех этих хитросплетениях и...

– Нет, – я покачала головой – А потому, что я всю сознательную жизнь занимаюсь археологией и культурным наследием. И то, что я рискнула сейчас применить магию...

– Так и не надо было! Или все это ради него?! – почти закричал юноша, и мы все застыли.

Да что происходит?!

– Никита, выйди, – процедил Максим, но тот лишь насутился.

– А что? Не хочешь слышать правду? У тебя всегда больше возможностей, у тебя всегда все получается, тебе всегда все достается – даже она! А я что? Человек... – последнее слово было сказано с таким отвращением, что не смотря на то, что я полностью закрылась, меня окатило волной горечи.

Младший Арсенский выскочил за дверь, и только тогда я отмерла и беспомощно обернулась к Максиму.

Тот стоял, невидяще глядя на дверь.

– Он с детства вбил себе в голову, что быть магом лучше, – сказал, наконец, мужчина, – Хотя я никогда... Его мать была обычным чело-веком, и ведь это не мешало нам быть счастливыми. И то, что у Никиты не обнаружилось способностей... Я даже не думал, что это может стать проблемой. Но стало.

– Так вот почему он с такой неприязнью воспринял новость о том, что я маг... И откуда его желание найти или создать артефакты, способные наделить магией...

– Ну да... Последний год совсем не могу найти общий язык с ним, а тут еще ты...

– Я?

Ну отлично. Давай еще меня обвиним в чем-нибудь.

– Ты. – Максим смотрел теперь на меня и эмоции, полыхающие в его взгляде, мне не слишком нравились, – Слишком лакомый кусочек.

Кем-кем, а лакомым кусочком я себя не считала. Я отвернулась и начала собирать свои вещи. Вряд ли сегодня после всех этих испытаний и разговоров я буду в состоянии работать. Тем более, что мне было над чем подумать.

– И Никиту не смущает, что я его на треть жизни старше и вообще его преподаватель?

– Видимо, нет.

– Это не нормально!

– Возможно. Но я, пожалуй впервые за долгое время, его понимаю.

Я развернулась в возмущении и обнаружила Максима рядом с собой. На совершенно неприличном расстоянии.

– Послушай...

– Тш-ш... – он прижал свой палец к моим губам, – Я все знаю, что ты скажешь. Что мы почти не знакомы, что все запутано, что ты считаешь это магическими инстинктами и никогда не пойдешь у них на поводу...

Я вздохнула и опустила голову. Ну да, согласно легенде, я бы это и сказала.

Хотя, по факту, причина была в том, что агентам просто нельзя было терять голову. Особенно в подобной запутанной ситуации.

Когда потерять можно было не только голову, но и жизнь.

– Хочешь, наплюем на лунницы? Они стали поводом, чтобы подо-браться к тебе поближе, но если они мешают...

– Нет.

– Нет?

– Предать свою профессию? Нет.

– Послушай, Влада, – в эмоциях и словах Арсенского проскользнуло раздражение, – При чем здесь профессия? Я не собираюсь юлить или оправдываться. Мне почти сорок и поверь, я знаю, что я хочу от этой жизни. И знаю, что меня привлекает. И ты мне нравишься. И я вижу, что мои слова и действия находят в тебе отклик. Поэтому рано или поздно, но ты ответишь на мои ухаживания.

– А ты ухаживаешь за мной? – намеренно или нет, но в моих словах появилась насмешка.

– А ты позволяешь мне это? Сколько предложений об ужине ты уже отвергла?

– Не считала, – буркнула я.

– Угу, хорошо хоть слышала. Я же понимаю, что точно также ты откажешься от цветов, театра, прогулки – да чего угодно, если это будет исходить от меня. Вот мне и остается дожимать тебя на работе.

Это прозвучало почему-то ужасно смешно.

И, несмотря на всю странность ситуации, я хихикнула.

– Хорошо, Максим, я подумаю о твоих ухаживаниях.

Ну а что еще я могла сказать?

– Подумай. И чтобы тебе легче было думать...

Он крепко взял меня за подбородок, поднял мое лицо и властно, плотно прижался к моему рту. Я непроизвольно охнула и приоткрыла губы, чем мужчина тут же воспользовался, скользнув языком внутрь.

Это было похоже на удар током.

Меня реально потрянуло, и я чуть не упала, но Арсенский придержал меня за плечи и оторвался сам, сделав для надежности шаг назад. На его лице застыло совершенно ошеломленное выражение.

Не надолго.

Вот уже он смотрит спокойно, и даже довольно.

– До завтра, Влада.

И выходит из лаборатории.

Глава 12

Магия – это не что-то конкретное.

Нет никаких файерболов. Нет людей, которые управляют исключительно водой или только и умеют, что швыряться молниями.

Как любой человек состоит из бесконечных слоев, наложенных на генетические предрасположенности, особенности воспитания, последствия проживания в определенной среде, так и маги были похожи, скорее, на энергетический коктейль, в котором смешалось огромное количество ингредиентов, нежели на некий законченный список навыков и умений.

Маги, порой, даже сами до конца не знали, чем обладали и что умели. И всю жизнь изучали свои способности – если им это, конечно, было интересно.

Как показывала статистика, интересно оказывалось восьмидесяти пяти процентам. Остальные же отказывались от использования и подписывали в шестнадцать лет соответствующие ограничивающие бумаги.

И да, магию при желании можно было, фактически, «запечатать».

Сообществу по прошествии десятилетий изучения столь важного для всех предмета удалось научиться определять основные дары, особенности, количество магической энер-

гии «в крови». Хотя черт его знает, где она там находилась – сотни, тысячи лабораторных исследований не смогли выявить хоть какие-то магические атомы или частицы, и все что мы видели было лишь её проявлением.

Мы до сих пор двигались на ощупь, в полной темноте, пытаясь выявить закономерности и варианты; присваивая новые названия неожиданно вылезшим возможностям; изучая собственные и чужие реакции.

И удивлялись, практически, каждый день.

Магическое сообщество даже умело определять потенциальный выброс при защите и нападении – при наличии смертельной опасности маг мог произвести что-то вроде энергетического взрыва, способного вполне реально уничтожить противника или выстроить такой щит, что не страшен был даже обрушившийся дом.

Как правило этот выброс определяли от нуля до трех, где три – высший уровень. История была знакома и с уровнем четыре, правда, это были разовые случаи...

Я скривилась и потянулась, оторвавшись от своих записей.

Не любила об этом вспоминать. Точнее, не могла спокойно.

И снова склонилась над бумагами с описанием «объекта». Хотя думать о Максиме как об объекте было немного странно. Но перечитывая отстраненно раз за разом все новые сведения, я заполняла пустующие ячейки сознания – природа

моих аналитических способностей такова, что в какой-то момент, когда количество информации достигнет определенного уровня, я смогу выдать однозначный вердикт.

Потому меня и считали одним из самых сильных аналитиков.

И целенаправленно развивали мои способности с детства.

Так. Контроль сознания с его стороны я уже видела. Ко мне – и спасибо ему – применять не пытался. Вообще он не слишком часто пользовался магией, во всяком случае, такое у меня сложилось впечатление. Той магией, что была осознанной. Врожденные умения, вроде скорости реакции или улучшенного слуха, зрения маги как правило и не пытались приглушить.

А смысл?

А вот к тому, что он «чтец» оказалось сложнее подобрать. Я ни разу не видела, кроме сегодняшнего дня, что он применяет свой дар. Хорошо это или плохо?

Чтецы не видели прошлого. Они «считывали» людей и материальные предметы в их настоящей структуре. Один из таких специалистов рассказывал мне, что это похоже на цифровой компьютерный код, благодаря которому можно было весьма неплохо понять намерения человека, определить, врет тот или нет; можно было увидеть внутреннюю поломку – хоть у живого существа, хоть у механизма. С чувствами и эмоциями чтецам было сложнее, но и отголосков мыслей хватало, чтобы решить, так уж хорош тот, кто стоит перед

тобой. Конечно, если маг умел расшифровывать увиденный код.

Среди чтецов было много врачей и следователей, да и тех, кто занимался допросами. И бизнесменами они становились более чем успешными, потому как осознавали подоплеку и подводные камни любой сделки.

Что касается личной жизни...

Я вздохнула.

Сегодня у меня промелькнуло ощущение, что меня попытались про-читать во время поцелуя – специально или нет, я не поняла. Вряд ли Максим сумел бы заметить что-то действительно серьезное – все-таки я умела выстраивать весьма надежные блоки – но почему у него было такое удивленное лицо?

Ну вот, вспомнила о поцелуи, и губы уже горят...

А ведь мне следовало бы думать совсем не об этом, а о той картине, что открылась в его подсознании.

По размышлении, я пришла к выводу, что женщина на картине была его женой. Но вот что всё это означало? Что её убили маги? Или что он опосредованно винит магию в её смерти?

И что означал лабиринт и его восприятие себя, как следователя с ножом? Воспоминания или некие гипертрофированные образы, которых никогда не было в действительности? И не следовало забывать об убийстве курьера, о странных совпадениях...

Похоже, самой мне не разобраться.

Я села за компьютер и начала набирать запрос в Комитет.

Ведь несмотря на страшные картины, я не чувствовала в нем тьмы. Гнили.

И боялась, что мне просто не хотелось в это верить.

* * *

– Мы нашли её.

– Её? – я отвернулась от компьютера. В лаборатории я провела несколько часов одна – Никита так и не появился, а звонить ему я не видела смысла. Как бы это цинично ни звучало, в качестве буфера он себя не оправдал – Максиму на это оказалось плевать. Впрочем, что еще, действительно, ожидать от взрослого мужчины который знает что он хочет. Что касается мальчишки... Да, он был подросток, да его постигло что-то вроде несчастной любви, но я не чувствовала себя виноватой или обязанной как-то исправлять ситуацию. Это был не мой подросток, и я не сделала ничего, что привело бы к такому результату.

И пусть определенную жалость и симпатию я к нему испытывала – как к яркому, умному мальчику, который скоро превратится в харизматичного, умного мужчину – но работать в одиночестве меня более чем устраивало.

В относительном одиночестве, конечно.

Арсенский стремительно – каждое его движение было од-

новременно резким и плавным, как у хищника, и я в который раз залюбовалась – зашел в комнату, развернул стул, уселся на него верхом и с каким-то удовольствием принялся меня разглядывать.

Я подавила в себе желание поправить прическу.

– Её, – продолжил после паузы Арсенский. – Ту, что спрятала коробку с лунницами. Ну, мы предполагаем, что нашли...

– Погоди, ведь только вчера об этом говорили...

– А разве ты так и не поняла, что я умный? – глаза мужчины заискрились от сдерживаемого смеха. Я аж вздрогнула: таким простым, веселым и понятным я еще его не видела. – Об этой ниточке я подумал еще раньше, как только мы получили груз и сразу попросил расспросить местных. Нашлась женщина, которая рассказала про свою бабку «повернутую на всей этой эзотерической фигне». Попросту колдунью из деревеньки, что стоит рядом с церковью.

– Реально колдунью?

– Ну, по словам соседей, она что-то вечно бормотала, варила в котлах вонючие зелья и отгоняла всех от дома, пока не умерла – кстати, в возрасте девяносто пяти лет. После этого та женщина, внучка – у них отношения не особо сложились – вступила в наследство и нашла «всякий хлам», как она выразилась, который её бабка прятала.

– А при чем здесь лунницы?

– По её воспоминаниям взрослые шептались, что у бабки

было нечто действительно ценное и она, желая это спрятать от немцев, однажды ночью вынесла из дома – куда и что не сказала. Тогда не до того было: война, потом попытки выжить в послевоенные годы. Отец Марины Васильевны, с которой мой соотрудники разговаривали, погиб во время войны, мама умерла позже, когда она уже уехала в город. Ну а бабка до конца жила в том доме.

– А то что она назвала хламом...

– Мы выкупили, – Максим снова улыбнулся, а я вздохнула про себя – лучше бы он это делал поменьше, – И все интересное передадут тебе в ближайшее время.

Кивнула и снова углубилась в изучение бумаг, стараясь не обращать внимания на сидевшего рядом мужчину.

И скорее почувствовала, чем заметила, что он переместился – настолько резко это было – и оказался прямо за мной.

– Влада, – дыхание пощекотало открытую шею, и по моему телу прошла волна дрожи. Черт. Почему не помогают таблетки? – Хочу пригласить тебя в пятницу на одно мероприятие. Ты же не откажешь?

Я сглотнула.

Мне НЕ следовало отказываться. Чем больше времени я буду проводить рядом с ним, тем быстрее выполню задание. Но каждая наша встреча настолько перетряхивала мои эмоции, что даже возможность этих волнений пугала до чертиков.

Тем не менее, я кивнула и ответила чуть дрогнувшим голосом:

– Хорошо, я... согласна.

Максим ничего не ответил, только вышел, слегка задев перед этим мою руку кончиками пальцев – и это не было случайным – а я закончила с записями и решила прогуляться по «АрсАрху» по вполне невинному поводу. Сотрудников «лабораторий», которые работали с различным антиквариатом и артефактами, я хотела расспросить о приборах и как ими пользоваться; с остальными же просто хотела познакомиться, якобы устав от одиночества в запертой комнате.

Но по сути что мне действительно интересовало, так это любые следы противоправных действий.

* * *

В пятницу звонок куратора застал меня на пороге.

Я нахмурилась – Максим уже подъехал – но не ответить не могла.

– Влада, у нас есть информация, – начал Артур Тобольский. Прослушивания мы не боялись – линии между членами комитета были защищены лучше, чем правительственные. В том числе оо магического воздействия.

– По какому именно вопросу?

Я застыла напротив зеркального шкафа в прихожей, обуреваемая дурными предчувствиями.

В зеркале отражалась высокая, стройная и по – своему очень красивая девушка в сером платье в пол. «Мероприятие» на которое меня пригласил Максим было шикарным приемом в честь европейской инвестиционной компании, пришедшей на российский рынок, и в пригла-тельных значилось «вечерние наряды».

Сначала меня это напрягло, а потом вдруг захотелось этой сказки – роскошного платья, прически, удивления в глазах Максима. Ведь кроме того случая в баре, он видел меня лишь в свободных штанах и рубашках. И пусть с учетом обстоятельств это не было самым разумным решением, но девочки, будь они хоть сколько суровыми агентами и сильными магами, оставались девочками.

– По всем. Трех дней нам хватило – я поставил на это лучших специалистов.

– Говорите, – я вздохнула. Вряд ли мне понравится то, что я услышу.

– Во-первых, мы подняли старые дела и... жена Арсенского действительно была убита. Магами.

Сглотнула.

– Почему я видела огонь?

– Спонтанный выброс энергии. Говорят, что это была случайность и никто не планировал убийства конкретного человека – и следствие не нашло фактов подтверждающих умышленное причинения вреда. Тех магов отпустили, хотя многие не верили в их непричастность.

– Почему?

– Если помнишь, тогда еще были часты... назовем так, разборки между различными магическими группами, сторонниками разных теорий или порядка действий – сообщество окончательно оформилось не более чем семь лет назад. Так вот, Арсенский принадлежал в тот момент одной группе, а те маги были из другой. После этого случая он отказался от взаимодействия с кем-либо вообще. В сообществе, конечно, зарегистрировался, когда на это вышел соответствующий закон на общемировом уровне, но не более того.

– Черт. Тогда вообще возникает вопрос, на что рассчитывает Комитет в случае с подтверждением его положительного статуса?

– Нам сейчас не до рассуждений. Получится – и хорошо. Нет... что ж, значит нет.

– Понятно. И что было дальше? Почему то мне кажется что история не закончилась.

– Те маги... В общем, мы же не отслеживали их и только сейчас за-интересовались, но теперь, когда стали разыскивать их...

Кажется, я догадывалась что последует за этим.

– Сколько?

– Почти все. Из четырех сегодня жив только один – во всяком случае я думаю, что жив, но не факт. Сведений о том, кто он сейчас и где он, не существует. Что странно.

Я сглотнула.

– И как они... умерли? Убиты?

– По разному. Один утонул спустя несколько лет, другой попал под машину. Третий погиб в горах. Никто не видел причин даже заводить дело.

– А сейчас?

– Влада... сейчас тоже не будем. Даже если это Арсенский... мы ничего не узнаем и не докажем.

– Кроме того, что поймем – убийца он или нет. Вам кажется это не важным? – как я себя ни сдерживала, не смогла унять прорвавшееся раздражение и злость. Но на кого я злилась – большой вопрос.

– А сама как ответишь на этот вопрос? Важно ли это для нынешнего дела?

Я прислушалась к себе:

– Не важно. Для дела – не важно. Мы все убивали. Но как возможность, как подсказка...

И не только как подсказка.

Я понимала, что это важно для меня. Причем я не могла ответить что именно мне было важным – то, что он с оружием в руках мстил за свое или то, что он мог годами хладнокровно кого-то преследовать?

– Подумай, Влада. И еще и над вот этим... – продолжил куратор, а я сосредоточилась на его словах. – Тимур, мертвый курьер и пропавшие приборы...

Ох. Мне совсем не понравилась эта связка.

– Патологоанатом – а нам удалось незаметно добиться то-

го, чтобы тела попали к одному человеку с высоким коэффициентом магии – утверждает, что их убил один человек.

– Твою ж...

– Да. И этот человек мастерски владеет ножом и... был выше обоих убитых.

– Что-то еще?

– Да. Ластик...это не артефакт.

– Дар?

– Именно. В нашей базе московских магов его нет ни одного, кто уверенно владеет этой способностью. Значит, либо это скрывают, либо кто-то приехал специально ради... убийств.

– Но чем они важны?

– Мы не знаем. Зато нашли в компьютере Тимура зашифрованную запись относительно дела, которое он начал раскручивать. И...оно связано с «АрсАрхом». И грузами, которые те переправляют в Рим.

– Опять?!!!

– Да, я понимаю... Три совершенно разных дела – даже четыре, с учетом твоего задания, – плюс твоя случайная работа на Арсенского и такая мощная связь, которая не имеет ни причин, ни видимой выгоды, но однозначно не может быть просто так. Я считаю, ты должна приехать в отделение и просмотреть сама все материалы и... Влада, я понимаю, что проверка и так идет на грани, но поторопись. Мы должны понимать, что происходит с этим Арсенским.

«Поторопись».

Я нервно усмехнулась и потерла лоб.

Было много способов – от допроса с применением магии до взлома компьютера и проникновения в сейфы, но я до сих пор надеялась, что удастся обойтись без этого.

Похоже, зря.

Прошла всего неделя с момента, как я получила задание, но мне действительно необходимо ускориться.

Вздохнула, поправила прядь – свои длинные волосы сегодня я зачесала на бок и заколола с одной стороны, оставив половину волной лежать на одном плече – и постаралась произнести как можно уверенней, выходя из квартиры:

– Завтра буду в Комитете. И остальное... я всё сделаю.

Глава 13

Максим закурил и устало прикрыл глаза.

Нервы последнее время были что высоковольтные провода – не тронь, убьет. Нет, никакой внутренней истерики; просто сильное напряжение, прорывавшееся в чуть нервозных движениях пальцев и том, как он сжимал зажигалку.

А приходилось оставаться пай-мальчиком и держать себя в узде.

Всюду он видел чужие глаза, и, не будучи параноиком, понимал – неспроста.

Что опять им нужно? Он или его компания?

И почему?

Как то внезапно сообщество проявило интерес к его деятельности – у него были свои люди в разных местах и ему быстро доложили, что оно разнюхивает про грузы в Рим. Вроде даже сам Комитет подключился.

Он терпеть не мог, когда лезли в его дела. Мужчина пользовался магией – и не собирался от нее отказываться – но он не ставил свои способности во главу угла. А значит, рассчитывал на отсутствие пристального внимания со стороны магов. И тем более не собирался позволять кому-то, кто возомнил себя вершителями судеб, управлять своей жизнью.

Так какого хрена его снова заметили?

Тогда, когда он уже так близок к цели?

Еще и Никита со своим идиотским поведением. Много лет назад Максим пообещал себе – да и ему – что никогда не будет применять способности в отношении сына, чтобы внушить ему какие-либо мысли и действия, но черт, как же ему хотелось теперь нарушить обещание! Детская обида Никиты переросла, похоже, во что-то совершенно другое; и с этим он тоже не справлялся.

А ведь вроде бы все шло хорошо – он даже согласился на поступление парня в совершенно неподходящий университет, всегда помогал ему, выслушивал, делал все, чтобы тот не чувствовал эту свою мнимую ущербность – но появилась Влада и его выстроенный карточный домик разлетелся от одного порыва сквозняка.

Влада.

Давно он не был в таком восторге от знакомства. Его романы были физической, порой интеллектуальной необходимостью, но любовницы никогда не интересовали его настолько, чтобы заставлять встречаться с ним.

Привязывать к себе.

А с этой пришлось.

Максим улыбнулся, затушил сигарету и посмотрел на окна дома. Интересно, какие её? Старая пятиэтажка и маленький дворик, в который он едва въехал, удивительно подходили девушке. Нет не тем, что от нее веяло чуть старомодностью и покоем – Максим не обольщался ни внешним видом, ни профессией Влады. Там, под нелепыми тряпками,

был стальной стержень, ум и роскошное, гибкое тело, которое он помнил более чем хорошо.

Речь о другом.

Это было место, в котором хотелось бы жить.

А Влада была женщиной, с которой хотелось бы быть.

Арсенский усмехнулся. Он сам до конца не понимал, что им движет. Похоть? Желание сломать сопротивление, которого вообще не должно было быть? Её противоречивость?

Он не знал. Зато знал, что он хочет. А он привык получать желаемое.

Хотя Влада озадачивала.

Редко, очень редко у него происходил спонтанный выброс способностей, и он считывал человека случайно. И вдруг увидел внутри нее такой клубок темной и рвущей душу боли, что даже задохнулся на мгновение, и был вынужден прервать их поцелуй.

Неужели это то, о чем она говорила? Из-за чего настолько не люби-ла магов?

Сродни тому, что испытал когда-то он?

Максим посмотрел на часы. Он ждет Владу уже больше пять минут, может стоит...

Не стоит.

Дверь подъезда открылась и мужчина почувствовал, как дыхание спирает от восхищения, а губы сами раздвигаются в хищной улыбке.

В распахнутом пальто, открытом серебристом платье и с

длинными уложенными волосами Влада была похожа на серую пантеру – мягкие движения и убийственный удар. Высоченные каблукы практически сравняли их рост, а чувственные губы, подкрашенные помадой, хрипло произнесли приветствие.

Достойная спутница.

Или противница?

Максим едва удержался от того, чтобы наклониться, вообразить её запах – иногда его реакции и инстинкты действительно имели очень много схожего с животным. Сейчас эти самые инстинкты вопили, что надо завалить видение прямо на капоте и сделать своей, пометить до того, как её увидят другие хищники – а в том, что такие будут на приеме, он не сомневался.

Но вместо этого он лишь поцеловал чуть дрогнувшие пальчики и усадил Владу в машину, позволив себе на мгновение задержать ладонь на талии.

Спокойно. Победа все равно будет за ним. Она достанется ему, вся – от макушки до узких, длинных ступней.

Надо только выждать.

Уж это он умел.

* * *

– Позволишь пригласить твою спутницу?

Я недоуменно посмотрела на подошедшего мужчину.

Блондин, уже в возрасте, при этом в отличной форме и с молодым лицом. Красивый, улыбающийся и с просто бьющей в лоб самоуверенностью во взгляде. Глаза его и выдавали – и возраст, и характер. И мне даже не было необходимости проверять его ауру, я и так сразу поняла, что маг.

Максим напрягся, сжал пальцы на моей талии, и чуть притянул к себе, будто беспокоясь, что ни один аргумент против не удержит, и я свалюсь под ноги неожиданному поклоннику.

И этот его жест показался мне совершенно восхитительным. Потому я ответила первой, опережая Арсенского:

– Вообще-то вежливо спрашивать об этом у самих «спутниц», – я холодно посмотрела на блондина.

– А может я не хочу быть вежливым? – тот моментально среагировал.

– Тогда и вовсе не надо было подходить, – оборвал его Максим, – Что тебе нужно, Сергиев?

Я постаралась не вздрогнуть, но вынуждена была опустить взгляд, чтобы не выдать себя. Сергиев был в том списке, что мне выдали для проверки и с ним мне придется иметь дело.

Черт. Ну вот точно – большая деревня.

– Так я уже сказал. Всего один танец с самой прекрасной девушкой в зале, – прищурился мужчина и меня обдало волной чего-то удушливого и весьма противного. Похоть, соперничество, жажда сделать больно.

Я осознанно приглушила ощущения. Мне нельзя быть

предвзятой – хотя бы в дальнейшем. Зато тема их противостояния вполне поможет мне в работе.

– Эта прекрасная девушка пришла со мной, а я, если помнишь, не делюсь, – насмешливо бросил ему Арсенский.

– Я помню, – неприятно усмехнулся его собеседник. – Я вообще все помню, – он отсалютовал мне бокалом и отошел.

– Конкурент? – осторожно спросила у Максима, который продолжал прижимать меня к себе, и, похоже, считал это абсолютно нормальным.

– В какой-то мере. Бывший партнер. У нас в свое время возникли разногласия, и мы разошлись. Я остался в Питере, он уехал в Москву, занялся похожим делом. Но теперь...

– Но теперь его абсолютно не устраивает твой переезд?

– Да. А меня не устраивают его методы работы и общения.

Я вздохнула и аккуратно высвободилась из объятий мужчины. Меня удивляла откровенность Максима. Сегодня это уже был не первый раз, когда он рассказывал мне о своей работе и отношениях с окружающими. С одной стороны для дела это было более чем полезно, с другой – немного напрягало.

С чего такое доверие?

Или это некая игра на опережение?

Я заметила в зале знакомое лицо и спокойно скользнула по нему взглядом, а потом отвернулась, будто заинтересовавшись столами с закусками.

Вряд ли куратор после такого подробного разговора по те-

лефону пришел, чтобы что-то мне передать.

Он либо здесь по собственному делу, либо поддерживает репутацию бизнесмена. Насколько я знаю, у него действительно был бизнес и статус успешного середнячка. Это практиковалось среди членов Комитета, особенно в такой сложной стране, как Россия, где многим наша организация навела крайне негативные ассоциации.

Мои мысли прервали.

– Потанцуем?

Я кивнула, и Арсенский вывел меня на середину зала.

Неволью я поймала наше отражение в одной из зеркальных колонн.

Оба высокие, худощавые, черноволосые... Мы смотрелись рядом удивительно гармонично. Более того, сексуально.

Я вздрогнула.

И от мыслей, которые пришли мне в голову, и от горячих рук, которые прижали меня чуть сильнее, чем того требовал танец. Я почувствовала, как мне в нос проникает мужской, неповторимый аромат. И вряд ли это были духи, разве что небольшая, чуть горьковатая нотка принадлежала парфюмерному дому. Остальное было его личным. Эмоции, характер.

Это был запах свободы. Порывов. Инстинктов. Запах хищника, большой черной пантеры, с которой он у меня ассоциировался.

Арсенский вел умело, не отвлекаясь на разговоры или

ненужные действия. И я полностью отдалась этим ощущениям – быть ведомой. Желанной. Своей.

Шаг, легкий разворот, отчего у меня взметнулась юбка, мягкое давление руки, показывающей, что надо прогнуться, перехват.

В какой-то момент он наклонил меня, почти уткнувшись лицом в мою шею, и я вдруг поняла, что теперь он втягивает носом мой запах.

Меня тряхнуло от возбуждения и я чуть не застонала. Внутри разгорался пожар.

Ну почему не помогают успокаивающие таблетки?! Мне не приходилось раньше ими пользоваться, но другие маги говорили, что они довольно эффективны. Долгое использование противопоказано – постепенно из-за них атрофируются вообще все чувства, но в особенных случаях...

Ох. Похоже у нас был совсем особенный.

Максим развернул меня и прижал к себе спиной. Одна его рука оказалась под грудью, вторая мягко заскользила по моему запястью, локтю, ключицам. Я, не выдерживая, прогнулась в пояснице, повинувшись его движениям, откинула голову на его плечо, сделала круговое движение бедрами...

Но потом резко отпрянула, и, сделав два оборота, замерла, едва касаясь кончиками пальцев его вытянутой руки.

Он снова сделал шаг вперед, прижал меня к себе, пронзая потемневшими глазами, в которых читалось сильнейшее желание – он его и не скрывал – и повел меня дальше.

Наш танец закончился внезапным перерывом, объявлением и каким-то награждением. И я была благодарна за эту передышку.

Слишком остро, слишком сладко и ярко я ощущала его тело, его эмоции, желания. Настолько ярко, что они перебивали все цели и вопросы, с которыми я сюда пришла.

Арсенский отошел на несколько секунд и вернулся уже с бокалами с шампанским:

– За нас.

Я осторожно пригубила и посмотрела на весьма довольного мужчину.

Играет ли он со мной? Но во что?

В соблазнение? Или во что-то более тонкое и опасное?

Я вздохнула и уставилась в пол, так и не ответив на тост. В любом случае, я останусь в пролете. Если он окажется преступником, я всегда буду помнить о том, как мне хотелось соблазниться и соблазнить. Но если окажется чист...

Об этом всегда будет помнить он.

Мы провели еще немного времени на приеме и, как ни странно, я даже в какой-то момент расслабилась. И поняла, что с удовольствием смеюсь над шутками Максима – а он умел шутить, таким особенным, чуть саркастическим юмором. И с радостью общаюсь с его друзьями. Мы только не танцевали больше, по взаимному молчаливому согласию. И мне было легко поверить – пусть ненадолго – что мы обычная пара на первом свидании.

Но как это часто бывает, полночь наступила слишком быстро.

Арсенский отвез меня домой. И отправился провожать, не слушая моих возражений; он был странно напряжен, даже его движения, плавные и мягкие, вдруг сделались почти неловкими. Он подвел меня к двери квартиры, а потом просто поцеловал мою руку, попрощался и быстро ушел, оставив в недоумении. Не то чтобы мне хотелось от него порывов страсти – черт, я не уверена, что справилась бы с ними – но эта вот странная неловкость и сдержанность после всех его намеков...

Может, он что-то подозревает?

Я закусила губу и коротко рассмеялась, зайдя домой. Похоже, последнее время противоречие – мой конек. Понимать, что нам не стоит переводить наши отношения на другой уровень и в то же время обижаться, что мужчина не попытался этого сделать, было полным идиотизмом.

Посмотрела на часы.

Половина первого ночи и Арсенский точно отправился домой. А значит...

Вздохнула и пошла переодеваться.

Глава 14

Моя работа в «АрсАрхе» давала мне огромное преимущество.

Цифровые данные по приходу и уходу сотрудников и записи камер я еще могла бы сбить или поменять, а на охранника воздействовать «за-бывающим» артефактом – никто бы и не узнал о моем присутствии – но открывать двери без ключа на сложных электронно-механических замках, дополненных магическими плетениями, в Комитете еще не научились.

Потому мой личный ключ, а также вполне «узаконенные» отпечатки пальцев на двери в коридор с лабораториями был весьма кстати.

Как всегда, я не искала ничего конкретного. Точнее, искала – доказательства вины или невинности Арсенского. Я не собиралась сегодня взламывать компьютеры или вскрывать сейфы – на самом деле мне достаточно было просто изучить бумаги. Люди даже не представляли, сколько информации можно было получить о компании, прочитав ежедневник секретаря директора или порывшись в мусорках возле столов рядовых сотрудников.

Первым делом я прошла в лабораторию, затем в модный "опен-спэйс", заполненный столами. Ночью они выглядели также как днем – никто не ставил там опыты над людьми и не

пытался спрятать краденые вещи. «Моя» комната, реставрационная мастерская, пара закрытых кабинетов для работы над особыми магическими артефактами, приемная, конторки, разделенные стеклянными перегородками, архив и макетная мастерская – все это я уже видела. И потому сосредоточилась на сортировке договоров, доступных данных и многочисленных файлов с бумагами.

И мне не слишком понравились мои выводы.

Арсенский действительно занимался тем, о чем он мне рассказывал, именно в том объеме, который он озвучивал – как в прессе, так и в налоговых органах и в прочих инстанциях. Но был один нюанс.

Рим.

В его «антикварную» лавку везли не только антиквариат.

Различные артефакты. Оборудование. Много "славянских" археологических находок. Специальные магические приборы. По отдельности они не выглядели опасными – они вообще не выглядели опасными – но то, что они собой представляли вообще не предполагало работы со старинными предметами или продажу туристам. А судя по случайно обнаруженному проекту «лавки», её видимая часть составляла не более чем одну четвертую от всей площади.

Зачем ему довольно редкий агрегат «управления силой» – так называли прибор, способный существенно уменьшить ненадолго магический коэффициент? Что за детали из серебра и платины он провозил под грифом «ювелирные из-

делия»? Ага, ювелирные изделия весом в несколько килограмм. Откуда у него взялись в таком количестве старинные арбалеты? Что за «анализаторы» поставляла ему компания, курьер которой был убит совсем недавно?

И еще много-много вопросов, которые никак не могли выстроиться в моей голове в стройную версию.

Я потеряла ноющие виски.

Это все не имело смысла. Выглядело чепухой, случайным набором, не имеющим связи друг с другом.

Но я понимала, что это не чепуха и не случайность. Я просто еще не обнаружила эту связь.

На часах было четыре, когда я, наконец, навестила охранника, уничтожив всю компрометирующую информацию, и собралась выходить из «АрсАрха». Уже подходила к лифту, когда услышала, что тот заработал.

Кто-то ехал снизу.

Я быстро спряталась на лестнице и замерла там, настороженно прислушиваясь.

Если едут сюда – а других компаний на этаже не было – то мне было бы очень интересно узнать, кто именно решил посетить это место ночью.

Лифт тренькнул возвещая об открытии кабины, и из него в темноту шагнул человек.

Я перестала дышать.

Арсенского я могла узнать и в полной темноте, слишком уж сильная у него аура, слишком я была настроена на него.

Мгновенно накинула на себя все блоки и стиснула зубы... Только бы не заметил! Потому как его настроенность на меня не вызывала сомнений.

Но мужчина был чем-то сильно озабочен и не обращал внимания на окружающую обстановку. Он целенаправленно и быстро зашел в офис, а за ним тянулся след из раздражения, усталости и непонимания.

Что-то произошло, связанное с работой?

Что-то с Никитой?

Или его привели сюда инстинкты, оравшие, что кое-кто наглый пробрался под покровом темноты туда, куда не нужно?

Черт.

Ну почему любая попытка распутать хоть один узелок этого клубка приводит к появлению новых?

Я осторожно сбежала вниз, осматриваясь и прислушиваясь, вышла на улицу и быстро зашла в ближайший бар, где заказала чашку чая и вызвала такси.

Что ж, надеюсь информация в Комитете хоть что-то для меня прояснит.

* * *

– Что это за хрень?

Я стояла над огромным листом, куда один из агентов перенес рас-шифрованную им информацию от Тимура.

На нем был нарисован лабиринт. А может какая-то адская машина – символы, контуры, завитушки, буквенные обозначения, перепутанные линии.

– И он сделал запись, что это прислал аноним с указанием адреса «АрсАрх»?

– Да.

– Почему он не обратился в Комитет?

– Обратился, – я повернулась на голос куратора, который подошел к нам, – Он позвонил тебе. Видимо, решил сначала показать эту информацию партнеру, по совместительству аналитику, а потом уже тащить свою задницу на работу.

– А ведь это против правил... – протянула я задумчиво.

– Против, – кивнул Кирилл, агент, с которым мы были хорошо знакомы, – Возможно, он подумал, что эта информация полный бред и не видел смысла беспокоиться.

– Тем не менее, он сказал тогда мне по телефону что у него «плохой» повод увидеться. Что это как не намек на эту... назовем её схемой?

– А если имел в виду другое? – куратор пожал плечами, – Такое письмо на его адрес говорило о том, что кто-то в курсе его работы на Комитет, что его раскрыли.

– Но ведь этой встречей он раскрывал в таком случае меня...

– Не совсем. Я полагаю, аноним думал как и мы – что Тимур отнесет все эти данные к нам в офис, и мы заинтересуемся Арсенским. Он же вместо этого решил встретиться с

собой.

– И его за это убили? – недоуменно поинтересовался Кирилл.

– Вполне.

– Нет, – я нахмурилась – Нет, не то. Сейчас.

Я прошла по комнате, воспроизводя в памяти все то, что успела изучить за эти недели – слова партнера и то, что я о нем знала как о человеке, следы, свои ощущения, причины и последствия.

– Он действительно собирался рассказать мне о своих соображениях – и по поводу схемы, и по поводу раскрытия. Но что-то произошло в промежуток времени между его звонком и нашей встречей. Что заставило его выйти из дома раньше, и это было связано с анонимом. Я поняла, что мне показалось странным в положении его тела и обрывках чувств, витавших в том районе... Преследовали не Тимура – преследовал он. И убили его именно поэтому. И легко предположить, что убил его именно человек, который прислал эту схему. Человек, который хотел подставить Арсенского – зачем бы ему это ни было нужно...

– Тогда второе убийство... Новая попытка привлечь внимание к Арсенскому. – куратор задумчиво кивнул – Знаешь, я был бы рад, если бы эта версия подтвердилась.

– Это значило бы, что среди нас нет предателя?

– Да. И это значило бы, что у нас все шансы заполучить сильного мага на свою сторону.

– Угу. Только как вы объясните схему? Вряд ли она столь уж бредова...

Мы уставились на бумагу.

– Я вижу приборы – много приборов, – Кирилл сосредоточился. Он был одним из немногих, кто видел что-то в этом хаотичном наборе линий, – Некоторые прям выписаны достаточно четко – механизмы, провода. Еще какие-то узоры, что-то похожее на додэкаэдры, много знаков богов – и славянских, и ведических; спирали... Это все похоже на схематичное изображение кучи предметов, нарисованных рядом друг с другом, а потом еще и поверх, будто не хватило места...

Я закрыла глаза:

– Скажи, а можешь различить среди этих приборов крупные, с четкими линиями, изогнутые трубки, формами напоминающие фигуры игры «тетрис»? Или игломер, который мы используем для создания кропленных картин для обучения магически одаренных детей? Или...

– Влада, все есть...

– Что было в украденных коробках? – обратилась я к куратору.

– Довольно специфический анализатор способностей – в двух частях.

– Что за дары, вы тоже узнали?

– «Опустошитель» и «эгрегор».

– Кирилл? – я снова повернулась к агенту.

– Сейчас посмотрю... да, есть.

Я кивнула:

– Это список. Полный список того, что Арсенский отправлял в Рим в течение последнего года. Полнее даже того, что я составила вчера ночью – еще не успела вам показать.

Я рассказала о посещении офиса компании и обнаруженном плане помещений.

– Что ж. Похоже, мы можем утверждать с достаточной точностью, что владелец "АрсАрха" не убивал... во всяком случае, наших людей, – сказал куратор, – Но необходимо как можно быстрее проверить римскую «лавку». И Влада, думаю, что будет оптимально, если ты к этому подключишься. Понимаешь, что это значит?

– Угу, – буркнула мрачно, – что все дороги ведут в Рим.

* * *

Притвориться больной в университете сложностей не представляло.

Я усиленно расчихалась на всех студентов и преподавателей, осознанно повысив температуру тела, и получила добро на посещение врача и выписку больничного.

Так что несколько дней у меня в запасе были.

– Не думайте, что вам удастся отдохнуть и развлечься, раз меня не будет несколько дней, – слабо улыбнулась я первому курсу, – По возвращении я устрою вам контрольные и

семинар. Одну тему вы пройдете самостоятельно – изучайте методы археологов вплоть до двадцатого века. Учтите, что во время теста вам будет задан вопрос о том, какой метод незаслуженно забыли современные ученые и почему его следует вернуть: хорошенько подумайте над этим, мне понадобится развернутый ответ. Что касается семинара, то я жду от вас информацию по десяти самым известным археологическим находкам в мире. Вас сорок человек – самостоятельно разбейтесь на группы по четыре и подготовьте доклад на пять минут. Каждая группа берет одну находку. Кураторы, справитесь с распределением?

Я дождалась кивков и стала собираться. Закончат лекцию без меня – моя мнимая болезнь давала вполне реальный физический результат и недомогание, и я спешила убраться подальше, чтобы вернуться в форму и переодеться.

Самолет вылетал через три часа.

– Влада Александровна!

Никита догнал меня в коридоре.

Я устало повернулась к нему и постаралась улыбнуться. Он впервые пришел на лекцию после нашей так называемой размолвки, и я хотела поддержать хотя бы видимость нормальных взаимоотношений:

– Тебе что-то непонятно?

– Нет. Просто... Хотел предложить вас подвезти.

– Эм... А разве в России права не получают после восемнадцати?

– Я сдал экзамен и отпраздновал в субботу, – чуть сердито буркнул парень.

– И, похоже, получил в подарок машину, – восхитилась я как можно мягче.

– Считаете меня мажором? – Никита смотрел исподлобья, а я искренне улыбнулась. Эти Арсенские просто прелесть – говорят все что думают даже не пытаясь прикрыться мнимой скромностью или приличиями.

– Считаю, что это хороший способ помириться с отцом.

– Для вас это так важно? – пронзительный взгляд синих глаз.

– Это важно для вас, – последнее слово я выделила, – Спасибо за предложение, Никита. Но меня уже ждет такси.

– Влада Александровна... Я ведь не тупой и понимаю, что вы вас не интересую как... никак. Но это не значит, что я не могу интересоваться вами.

Я широко открыла глаза от удивления. А парень уже кивнул самому себе, развернулся и ушел в аудиторию.

Мне оставалось только покачать головой и также пойти в нужную мне сторону.

Глава 15

– У тебя кто-то появился?

Вопрос Митча застал меня врасплох.

Я даже подумала было, что неверно его поняла – в баре в центре Рима было весьма шумно.

Но все было правильно. Потому что Митч пояснил:

– Просто последние три раза, когда ты приезжала, ты в ту же секунду затаскивала меня домой – без права вставать с кровати, а сегодня...

Ну да. А сегодня я лишь закинула вещи, и мы пошли в заведение неподалеку.

– Черт, – я сделала большой глоток коктейля и спрятала лицо в ладонях.

Ругательство относилось вовсе не к тому, что Митч что-то понял. А к тому, что это поняла я.

Похоже, подсознательно я – и моя магия – воспринимали Арсенского как свою пару. Что-то вроде идеального «того самого». Пусть он и был подозреваемым во многих делах, возможным убийцей и самым наглым представителем мужского пола из всех, что я когда-либо встречала. И пусть даже в анамнезе у нас был всего лишь один поцелуй, да и тот довольно странный.

– Расскажешь? – мой друг взял меня за руку.

Я мрачно посмотрела на него:

– Арсенский.

– Тот самый? – брови Митча изумленно взлетели вверх.

– Ты уже успел много о нем узнать?

– Он проходит через мой отдел и в общем-то я знаю, зачем ты приехала. Более того, попросился сопровождать тебя. Ох, Влада и как ты умудрилась...

– Никак. Пока никак, – буркнула я – И, по-хорошему, никак и не должно быть. Но это не просто – он сам весьма... инициативен. А таблетки не помогают.

Я, правда, замялась. Не ошибаюсь ли я на счет инициативности Максима? В пятницу он просто ушел и не объявлялся все выходные. А когда я позвонила сегодня – сообщить, что заболела и не появлюсь на этой неделе в «АрсАрхе» – был удивлен и напряжен, но, опять же, даже не сделал попытки предложить свою помощь. Апельсинов, например.

Я застонала. Дура.

– Если твоя суть отозвалась на него, то никакие таблетки не помогут, – как ни в чем не бывало, Митч продолжил разговор.

Уставилась на мужчину:

– Только не говори, что ты веришь во весь этот бред про «истинные пары».

– Бред не бред, но, по исследованиям, некоторые маги действительно подходят друг другу больше, чем другие. Потомство и все такое, – он подмигнул мне, а я возмущенно зашипела.

– Надеюсь, это не та история, что я теперь всю жизнь даже не посмотрю в сторону других мужчин?

– А что тебя смущает?

– Издеваешься? Мало того, что на данный момент это самый неподходящий вариант, так еще и не независимо от результатов расследования он...

– Обидится? – глаза друга смеялись, а вот мне было не до смеха.

Взбесится. Разозлится. Или что хуже.

Я махнула рукой.

– Давай лучше решим, что мы делаем дальше. Мне дали на этот момент почти полную свободу.

– Как на счет того, чтобы прийти в ту лавку, как посетители? Уверен, ты многое поймешь, просто оказавшись внутри, тем более, сама говорила – план ты изучила достаточно подробно.

Я кивнула.

– Хорошо. С утра этим и займемся. А теперь давай еще по коктейлю и спать – выходные у меня были такие, что теперь всю неделю отдыхать хочется.

– Просто спать? – Митч преувеличенно жалостливо посмотрел на меня. Я покачала головой. У меня никогда не было необходимости считывать его эмоции специально – симпатия, нежность, радость от общения и оптимизм, исходившие от этого парня, окутывали меня каждый раз, стоило мне его увидеть.

– Паяц. Просто спать. Не будем портить мне карму – вдруг за отказ от истинной пары у судьбы особое наказание.

* * *

Из спального района Тестачио, где жил Митч, до исторического центра можно было дойти пешком. Мы не спеша прогуливались в нужную нам сторону, пока я вдыхала запах Рима. Вдыхала как простой человек, снова проникаясь любимыми запахами, цветами и узорами: днем этот город был похож на декорации – так эффектно, так ярко и открыточно выглядят все достопримечательности, узкие улочки и маленькие площади.

Прошлое в настоящем, сама история. Когда Рим и Афины бились за право проведения Олимпиады на своей территории, выиграли Афины. На что мэр Рима сказал: «Ничего, Рим подождет. Что такое для Рима тысяча лет?»

Я обожала эту шутку, которая вовсе и не была шуткой.

– Вот эта улица.

Друг сверился с телефоном, и мы присели на бордюр, закуривая. Ничего особенного, просто парочка туристов в поисках интересных мест.

Вместе с сигаретным дымом я втянула остаточные эмоции пространства. Радость, предвкушение, печаль, ревность, симпатия, вожеление, зависть, страх, неприязнь. Обычная улица.

Что ж, даже если здесь творились темные дела, то не в последние дни и не в открытую.

Мы встали, прошли немного и толкнули нужную дверь. Колокольчик приветливо звякнул.

Продавец глянул из-за прилавка, улыбнулся нам и сказал привычное приветствие, не более того – на платежеспособных покупателей мы похожи не были. А ведь в магазинчике было за что платить – назвав это место «лавочкой» Максим слукавил.

Картины, старинные драгоценностей, несколько потрепанных, грамотно отреставрированных предметов мебели. Каждый со своей историей. Я настолько погрузилась в их прошлое, что просто потерялась в пространстве и времени.

– Нравится что-то? – вырвал меня в настоящее вопрос Митча.

Я покачала головой и чуть виновато улыбнулась продавцу. Мы говорили на английском – и нас должны были понять.

В лавке было все чисто. В её обозримом пространстве. Остальное было экранировано – я это и ожидала. Но на полках лежали и стояли совершенно замечательные и душевные вещи – будь я коллекционером скупила бы здесь всё...

Стоп.

Я чуть нахмурилась, но постаралась не показать своего волнения.

Снова осмотрела пространство – довольно небольшому, на самом деле. Мысленно прошлась по всем вещам, поглади-

ла пузатый комод, приложила к груди несколько ожерелий.

В том то и дело. Всё, что находилось здесь было душевным. Пропитанным положительными эмоциями и светлыми моментами жизни прошлых владельцев.

Так не бывает.

В любом антикварном магазине, на блошином рынке, в музеях были вещи с отрицательной энергетикой. Обагрённые кровью. Созданные завистливыми руками. Украденные алчными людьми. Но не здесь.

Почему?

Додумать я не успела, потому что в меня вдруг потоком хлынуло ощущение стремительности, хищного движения и хмурой сосредоточенности.

Я в панике посмотрела на Митча и произнесла одними губами:

– Арсенский.

Метрах в десяти от магазина.

В голове за долю секунды пронеслись вопросы, основной из которых был в том, как Комитет мог упустить его прилет? Меня бы поставили в известность, и мы не подставились так глупо. А может, он следил за мной?

Решение созрело тоже быстро.

– Сделай вид, что не знаешь меня, – прошипела я другу, и тот одним движением схватил с полки какую-то штуковину и подскочил к удивленному продавцу.

Его коэффициента и амулетов, что всегда были с нами в

минимальном наборе, должно было хватить, чтобы убедить итальянца в том, что мы пришли порознь. И вообще он уже давно стоит и общается с Митчем на тему чудесной резной шкатулки.

Я отошла к противоположной стене и принялась с преувеличенным вниманием рассматривать картины. А когда колокольчик звякнул, совершенно спокойно повернулась, чтобы тут же подпрыгнуть на месте, уставившись на Арсенского будто в удивлении и смущении.

Мужчина был в черных очках, узких брюках и распахнутом пиджаке, под которым виднелась белоснежная рубашка с расстегнутым воротом. Очень по итальянски. И мне не нужно было видеть его глаза, чтобы почувствовать эмоции, которые им завладели.

Шок, недоверие, подозрение, недоумение, злость.

Максим только мельком взглянул на разговаривающих возле стойки мужчины и резко подошел ко мне:

– Влада. Черт возьми, что происходит? Что ты здесь делаешь?

Он содрал очки и впился взглядом в мое лицо.

Я почувствовала, что вся заливаюсь краской от адреналина. Сердце пульсировало где-то в горле. Мне нужно было ответить и говорить я могла только правду или приближено к ней.

Потому что меня, похоже, активно читали.

– Я... я приехала ради тебя. И сейчас все объясню...

– Уж будь добра. Потому что после твоего звонка я чувствовал себя последней скотиной, что не могу вырваться с работы и помочь, а ты, как оказалось, и не болеешь вовсе...

Несмотря на весь кошмар сложившейся ситуации, меня затопила волна тепла.

Значит, все-таки апельсины.

Но надо объясняться и придется рискнуть.

Я стиснула руки и начала нерешительно:

– Кажется, я поступила глупо и опрометчиво... Понимаешь, мне захотелось побольше уделить времени второй работе, а потом я говорила с Никитой и он сказал про тебя... Рим и все такое, – я подбирала слова максимально тщательно. С Никитой наши люди успели бы поработать – ох прости меня, Никита, – но если его сын вчера еще не был в курсе этой поездки, я основательно попаду, – В общем, вместо того, чтобы идти в «АрсАрх», я прилетела сюда и нашла эту лавочку. Она очаровательна, – закончила с беспомощной улыбкой и снова посмотрела на Арсенского. Тот продолжал бурлить меня взглядом. Его глаза потемнели и будто затянули меня в черную дыру, из которой вряд ли можно было вырваться без потерь.

– Если бы я не проверил твою биографию, подумал бы, что ты по-дослана конкурентами, – прошипел Арсенский. Ага, над моей биографией точно работали лучшие специалисты, – И тем не менее. Влада, ответь, ты связана с моими врагами? Или пытаешься навредить мне?

Меня препарировали и раскладывали по полочкам. Отвратительное чувство, но я осознанно не ставила блок. Лишь только пошире открыла глаза:

– Нет.

И это было правдой. Комитет не был врагом магам и не пытался навредить кому-либо – мы лишь старались уберечь остальных от этого вреда.

Мужчино ощутимо расслабился. Если раньше он звенел, как натянутая струна, то теперь сделался мягким, что резиновая лента – гибкая, но умеющая очень больно ударить.

– Так зачем ты здесь, Влада?

Я сжала кулаки.

Надо решаться.

Скажу ерунду – не поверит, и можно считать задание проваленным. Отвечу максимально верно – подпишу себе немного иной приговор. Во мне боролось тело и мозг, душа и магия. Моя внутренняя суть тянулась к Максиму, забывая все разумные мысли и волю. Мое чувство долга отрицало даже малейшее влечение. А ведь были еще мораль и опыт, которые просто кричали о неправильности нашего поведения.

Но бросить все на пол пути? Не мой вариант.

Похоже, Арсенский почувствовал мое смятение, но счел причиной нечто совсем другое.

А я облизала губы и потупилась. Платить по счетам я буду потом, но сейчас сделаю так, как умею.

– Я здесь ради тебя, Максим. Ты говорил, что хочешь уха-

живать и... Почему бы не сделать это в одном из красивейших городов мира?

Кажется, мы оба перестали дышать. Я снова подняла глаза и от увиденного чуть не дернулась назад в попытке сбежать. В глазах мужчины разгоралось пламя. И именно я дала ему зеленый свет.

– Ухаживать? – голос его звучал глухо, – Что ж, тогда начнем с ужина. У меня возникли проблемы здесь, поэтому я буду занят, но вечером я зайду за тобой. Где ты остановилась?

Судорожно вспомнила название одного из отелей, и он кивнул. А потом и вовсе обнаглела:

– Может, я могу помочь тебе с проблемами?

– Не стоит. Я все сделаю сам.

Ага, кто бы сомневался.

Мимо прошел Митч с завернутой в бумагу покупкой. Он равнодушно и вежливо кивнул нам, но меня обдало волной беспокойства.

Арсенский будто только вспомнил, что в магазине мы были не одни.

Он приветливо обратился к продавцу, а потом повернулся ко мне:

– Петро сварит нам кофе. А потом я отпущу тебя, но это не надолго...

Его глаза сверкнули, а я вздохнула и заставила себя улыбнуться.

Во что ты вляпалась, Влада?

Глава 16

– И он тебе поверил? Настолько уверен в собственной неотразимости?

– Не поверил, а проверил – большая разница, – буркнула я и повалилась на кровать. Черт, все эти события выматывали меня больше, чем экспедиции и погоня за преступниками. – Арсенский полагается на свой дар и осведомителей – как правило, члены Комитета действительно не делают тайну из своей деятельности. Так что он докопался только до того, что я просто преподаватель археологии.

– Секретная секретная Влада.

– Прекрати, – я поморщилась, – Ты же знаешь, что в этом есть необходимость. Слишком многие захотели бы меня использовать – и наши, и не наши...

– Влада, а что если он играет в свою игру? Это может быть опасно... – Митч, в волнении ходивший все время нашего разговора, застыл посередине квартиры.

– Вот с «опасно» я как раз справлюсь.

– А с собой? – друг вздохнул и уселся рядом со мной, – Между вами разве что не искрило – и это не фигура речи. И не похоже на простые инстинкты...

– А с собой придется как то дальше жить, – я тоже вздохнула. – Но мы выиграли еще немного времени, и это главное.

– Мне это не нравится.

– Думаешь, нравится мне? Я пыталась соскочить, но оказалось слишком поздно – я увязла с головой.

– И что ты собралась делать на ужине?

– Ты так завуалированно спрашиваешь, не планирую ли я через постель выведать у него все секреты? – как бы я ни старалась, раздражение прорвалось сквозь маску спокойствия, – Я, конечно, не слишком хорошая девочка, но и не продаюсь ради сведений. И уж если лягу с ним...

– Угу. Только по желанию, – Митч еще мог шутить.

Я застонала от досады и накрыла голову подушкой. Идиотская ситуация. И хуже того, что она бы не случилась, если бы те, кто был приставлен следить за Арсенским – просто присматривать – выполнили свою работу качественно. Похоже, кое-кто просто оторвался от слезки.

Говорило ли это о том, что он преступник? Не факт. Он мог быть просто человеком, который терпеть не мог, когда лезут в его дела.

– Готовьте группу на сегодняшней вечер, – сказала я уныло, – План помещений я вам дала, данные по ходам и людям тоже – хоть это успела определить, пока кофе пила. Дальше уже сами – единственное что я могу сделать, так это занять Арсенского на некоторое время. Но мне появляться там опасно. Поверил он мне или нет, следить теперь будет пристально.

– Почему ты решила стать археологом?

Я аккуратно вскрыла очередную ракушку, залитую томатным соусом – знаменитое римское блюдо – и пожала плечами.

Легенду я свою помнила, но врать без исключительной на то причины не хотелось.

– Меня всегда восхищало, как много могут рассказать вещи – даже их осколки – о тех людях, что жили до нас. О чем они мечтали, что любили, как проводили время. Знаешь, ведь именно благодаря им мы такие, какие есть...

– Что ты имеешь в виду?

Максим отпил вино и наклонил голову, показывая, насколько ему интересен предмет нашего разговора. И ведь не играет.

– Ну, человечество в нынешний момент времени такое – и конкретные люди, и все мы в целом – именно благодаря бесконечной цепи маленьких и больших событий, что происходили с каждым из наших предков. И мне кажется, изучив эти события – через предметы – мы лучше поймем себя. И отдадим своеобразную дань, если так можно выразиться, тем, кто дал нам все то, что мы имеем. А еще... Знаешь, меня привлекает идея ключевых вещей. Ты же в курсе теории ключевых событий и людей, которые вершили историю,

поворачивая всеобщий путь на одну из вероятностных линий? Я считаю, что существуют и такие вещи. Магические и обычные, создание – или не создание – которых привело к поворотным моментам.

– Вроде Троянского коня?

– В какой-то мере да. Или атомной бомбы. Хотя я, скорее, веду речь о предметах менее заметных, сгинувших и забытых, вроде маленькой бабочки. Помнишь эту фантастическую историю про людей, что отправились в прошлое и раздавили там бабочку?

– И человечество свернуло на другой путь развития?

– Да.

– Ты нашла такие вещи?

Я улыбнулась и покачала головой.

– Не оставляю этих попыток. Кто знает, может твои лунницы ими станут?

– Угу. Ради изучения которых ты притворилась больной, – Арсенский покачал головой, а я расхохоталась. Черт, это было странно, но я чувствовала себя удивительно легко и хорошо, будто и не было довлеющего надо мной задания, а мы были просто парочкой фактически на первом свидании. Ну или на третьем – уж как на это посмотреть.

Наверное, вкусная еда, вино и сама атмосфера вечного города сыграла свою роль.

– Ну а ты? Почему ты занимаешься этими древностями? Ты производишь впечатление человека настоящего и даже

будущего – но уж никак не прошлого. Мне понятнее представить тебя создающего футуристические проекты, нежели роющегося в бабушкином сундуке.

– А может я считаю, что именно в сундуке есть ответы, которые по-ставит перед нами будущее?

– Поясни.

– Я сторонник мысли, что все уже было. И не раз. Что история – и мы сами – идет по огромной спирали времени, и если бросить взгляд назад – ну или в бок, что геометрически будет более верным – можно будет увидеть нечто схожее с происходящим сейчас. И не важно, касается ли это событий или людей.

– Искусственный человек Леонардо да Винчи и современные роботы?

– Например.

– И ты посчитал примерную длину временного витка?

Арсенский медленно кивнул и посмотрел на меня чуть смущенно:

– Примерную.

– Круто, – я широко улыбалась, пока пыталась применить эту ин-формацию ко всему тому, что обнаружила. Картина складывалась интересная.

Телефон чуть завибрировал от входящего сообщения. Уведомления у меня приходили не на каждого человека, потому я взяла его и мельком глянула на экран. И тут же равнодушно пожала плечами – вроде как текст «Место просто

восторг!» меня не слишком заинтересовал.

Но внутри сжалась пружина.

Это означало, что Митч и несколько агентов уже внутри; и им не смогли помешать или обнаружить их. Теперь многое зависело от результатов их поисков.

Если не все.

Я вздохнула и снова принялась за уже остывающее блюдо.

– Скажи... – чуть помедлила в нерешительности. Стоит спрашивать или нет? – В антикварном магазине... Ты же знаешь сам, все маги довольно чувствительны к этим вещам. Но там такая добрая аура...

Мужчина рассмеялся, а я выдохнула. Похоже, мучившая меня загадка вовсе не была загадочной.

– Вещи с хорошей историей – одно из самых главных требований для моих людей. Мы их целенаправленно ищем. И даже научились кое-что очищать...

– Очищать? – я недоуменно вскинула брови.

– Ну да. Не все, конечно, но со многим справляемся. Убираем след истории, дурные мысли, проклятия... На самом деле это не так уж и сложно, если построить соответствующую машину. Ты слышала про довольно редкий дар «ластика»?

Я вздрогнула и кивнула.

– Принцип примерно тот же.

– И работает только с вещами? – спросила я как бы между делом, продолжая сосредоточенно уничтожать ракушки и

вытирая оставшийся соус кусочком свежее испеченного хлеба.

– Подозреваешь меня в противозаконной деятельности? – Арсенский снова рассмеялся, но глаза у него были серьезные. Нет, не потому, что он скрывал за смехом истинные чувства – его взгляд был прикован к моим губам и пальцам, которые я чуть ли не облизывала от удовольствия.

Я судорожно вздохнула.

– Влада, – мужчина чуть подался вперед и поменял тему разговора, – можешь мне рассказать, что такого произошло, что сексуальное притяжение между магами стало вдруг для тебя глубоко неприятно?

Я нервно хмыкнула.

Ага, я ведь только и мечтала говорить с ним о сексе.

– Это однозначно требует чего-то сладкого, – пробормотала, пытаясь выиграть время.

Мы подозвали официанта и выпалили практически одновременно:

– «Крема каталана» и эспрессо.

Отлично. У нас даже в еде вкусы совпадают. Наверное, главный показатель «истинности» пары, мрачно пошутила я про себя. И даже без особого раздражения.

Я мельком глянула на часы. Прошло уже полчаса с того момента, как я получила первое сообщение. Нужно тянуть время, мало ли какие у Максима планы.

Сделала маленький глоток кофе, будто собираясь с мыс-

лями.

– В нашем районе было довольно много магов. И этим, как бы сказать... не просто гордились, но кичились. Такое редко бывает. А я думала, что это норма. Думать, что ты круче всех. Сначала специализированные школы, курсы, ощущение причастности к чему то большему. Подростковый максимализм. Мы же рано созреваем, и за созреванием следуют все эти эксперименты – довольно разнузданные. Юношеские гормоны плюс магические инстинкты... Впрочем, ты и сам все знаешь. Может, в другой обстановке я бы это спокойно воспринимала, но меня воспитывали несколько по другому; и мне не хотелось поддаваться этой сексуальной истерии. Многие считали молодых магов излишне распущенными, и я была с этим согласна. Когда мне было пятнадцать, я встретила парня... Человека. Влюбилась. Он красиво ухаживал, ну а я была счастлива, что вот так вот у меня все, что это по настоящему, а не как у всех, из-за инстинктов. Ну и первый раз, понятно, был с ним. А потом оказалось, что это у них спорт такой с друзьями. Кто больше магичек... оприходуется, раз уж мы такие страстные.

Меня обдало горячей и сухой волной бешенства, и я подняла голову.

Лицо Максима ожесточилось, а глаза засверкали злым огнем. Я невольно залюбовалась мужчиной – он явно был из тех, кто при полностью исчерпанных ресурсах просто возьмет ружье и пойдет на обидчика своей женщины.

– Сволочь, – прошипел он.

Угу, еще какая. Я так точно. Потому что это была не моя история, а милой девочки Маши.

Подавила в себе чувство вины и аккуратно зачерпнула десерт ложкой.

Вкуса я не почувствовала.

Мы закончили ужин, а сообщения от ребят все еще не было. Что ж они так задерживаются? Я поняла, что начинаю нервничать. Арсенский же сделался задумчивым.

– Прогуляемся? – он накинул мне на плечи куртку, и я кивнула. От ресторана до моего отеля, в который я заселилась только этим днем – даты в компьютере пришлось менять – было примерно полчаса. Ну а потом... Все будет зависеть от ситуации.

– Тебе идет этот стиль, – внезапно сказал Максим, – Гораздо больше, чем те вещи, которыми ты прикрываешься в университете. Тебе надо носить роскошные платья, кожаные штаны и ездить на мотоцикле.

Я хмыкнула и поддержала легкость беседы:

– И ездить, так полагаю, по улицам Рима? Может, заедешь за мной завтра?

– А мы расстаемся? – брови удивленно взметнулись вверх.

Я не нашлась, что ответить и потому лишь пожала плечами и отвернулась.

Ну в самом деле, и кто приехал в Рим, воспылав неожиданной страстью?

Черт.

И тут Арсенский сделал то, чего я вообще не ожидала.

Он расхохотался. А потом остановился, развернул меня к себе и произнес таким глубоким, хриплым голосом, что мое сердце забилося в два раза чаще, а по спине прошла огненная волна.

– Влада... Ты просто не представляешь, как я хочу тебя. С самой первой встречи. Хочу настолько, что даже боюсь лишний раз прикоснуться или поцеловать тебя – потому что могу просто не остановиться потом. Но поверь мне, я не собираюсь торопиться. Я умею ждать. Поэтому все будет только тогда, когда ты будешь готова. Договорились?

Я кивнула.

А он легко, очень нежно прикоснулся своими губами к моему, тут же отстранился и пошел дальше, переплетя свои пальцы с моими.

Мы молча двигались, размышляя каждый о своем; мои размышления были далеки от приятных. Ну почему такая несправедливость? Впервые я встретила настолько офигительного мужика, да что там – нас постоянно с ним «встречает» судьба. А я, вместо того, чтобы броситься в его объятия, ворую у него данные и лезу в его жизнь грязными сапогами.

Но я не могла поддаваться эмоциям.

Мой дар не срабатывал как некий мудрец, что знает ответы на все вопросы. Я должна была собрать всю, абсолютно всю доступную и недоступную информацию и только по-

том принимать решение. К сожалению, дело Арсенского было похоже на аптекарские весы, где на каждой чаше лежало одинаковое количество информации.

Телефон Максима пиликнул. Он посмотрел на экран и нахмурился. Его рука, державшая мою ладонь, непроизвольно сжалась, как бывает у людей, пытающихся сдержать свои негативные эмоции.

– Хорошо, что мы недалеко... Влада, давай пойдем немного быстрее. Я доведу тебя до отеля, но потом мне надо будет уехать. Увидимся уже завтра, ладно?

– Что-то случилось?

– Не волнуйся. К тебе это не имеет отношения.

Угу.

Вот вообще не имеет.

Либо там, в лавке, ребята все таки задели что-то из охранки, либо появилось новое действующее лицо. А ведь им давно было пора исчезнуть – прошло уже достаточно времени.

Мы действительно пошли быстрее. В холле отеля Максим чуть скомкано попрощался, а я достала телефон, как только он скрылся из вида, отправив простое сообщение «67» на знакомый номер.

Код, означавший «Убирайтесь оттуда немедленно».

Глава 17

Звонок раздался спустя два часа.

Я была уже готова.

Вылезла из окна второго этажа – слезки я не ощущала, но мало ли – аккуратно перебралась по каменным завитушкам на торец старого здания и там уже спустилась вниз; в двух кварталах от гостиницы меня ждала машина.

Мы приехали в главный офис, где было довольно оживленно для этого времени суток, и я тут же прошла в самую большую комнату для совещаний.

Митчел шагнул мне навстречу и стиснул мои плечи.

Я с недоумением посмотрела на него.

– Беспокоился за тебя.

– На задании был ты, с чего бы?

Друг отвел взгляд, а я сжала кулаки от волнения.

– Рассказывай.

– Нам быстро удалось проникнуть в помещение – за ним присматривали люди; сигнализация пусть и была двойная, но вполне поддающаяся нашим специалистам.

– Но все-таки вы что-то заделали.

– Да, в конце. Там было отдельное помещение, которое мы хотели вскрыть – и защита на нем оказалась настолько хитроумной, что даже Крис ничего не смог поделывать. Охранка работала почти сразу, хорошо, что мы это заметили.

– Тем не менее, вы провели в лавке довольно много времени...

– Потому что там оказалось довольно интересно. Эксперты уже работают над фото и записями – нам удалось также скачать кое-какую информацию с компьютера – но смотри сама первые результаты.

Он вывел на экран фотографии.

Приборы, мебель, забитые барахлом коробки, отдельные детали. Я взяла пульт от проектора и принялась тасовать фотографии, пытаясь выстроить их в понятную схему.

Схема.

– Это похоже на те бумаги, что я тебе присылала?

– Да.

– То есть, там что-то собирают? Что-то огромное?

– Ну, не то чтобы огромное. Много разных вещей. Некоторые моменты нам вполне понятны – их подгоняли под работу с антиквариатом и старинными вещами.

– Например, ластик?

– Ты знаешь уже? – Митчел посмотрел на меня внимательно, но я лишь пожала плечами.

– У меня был длинный ужин.

– Понятно. Смотри дальше. На этих столах разложены довольно странные наборы предметов.

Он приблизил одно из фото. Лунницы, календари, часы, телескоп. Я даже не стала смотреть на следующее. Кивнула и рассказала про концепцию Максима о витках времени. Друг

задумался:

– Вполне подходит под то, что мы видели. Цель мне непонятна, но она может быть вполне... благоразумной, скажем так. Вот только тогда сюда не вписываются эти детали.

Опять я смотрела на нагромождение каких-то проводов и блестящих трубок.

– Уверен, что не вписываются?

– Да. С нами был Сойер, помнишь его? Так вот, он сказал, что несмотря на странность конфигурации, они уже использовались для создания резонансной волны.

Я похолодела.

– Это же запрещено?

– Да. И приборы не учтенные.

Черт, Максим, что же ты творишь?

Резонансная волна была одной из самых опасных для магии. Частицы, которые производили такие приборы, могли вступать во взаимодействие с вещами и магами, входя в резонанс с магическим потоком, которым они обладали или от которого питались. А это не всегда вело лишь к поломке или ослаблению. Бывали и случаи полного уничтожения.

Подобные приборы были экспериментальными, редко срабатывали, но Комитет не форсировал их дальнейшую разработку, по понятным причинам, и пресекал все варианты со стороны других магов.

– По хорошему, уже должно было последовать решение о запечатывании и изъятии... – пробормотала я нерешитель-

но.

– Угу. Но ты же помнишь положение семь-пять про талантливых изобретателей.

– Что мы им многое прощаем? Помню, и всегда была не согласна.

– С этим не ко мне. Куратор не позволил... – Митч пожал плечами, – Приборами никого не убивали – это установили точно. Более того, Соьер сказал, что их выкрали.

Я потеряла виски. Что за безумная мешанина каких-то данных и вопросов? Мне уже всерьез хотелось, чтобы кто-то вместо меня принял решение об аресте Максима, допросил его и разобрался во всей этой истории.

– Я одного понять не могу, почему Рим? Зачем все делать под носом у лучших из Комитета? В России гораздо проще скрыться и обустроить хоть миллион таких ангаров...

– А вот про это я тебе расскажу, – Митч перелистнул несколько фотографий и мы увидели небольшую дверь с совершенно простым замком.

– Та дверь, в которую мы не смогли попасть. И только по возвращении, просматривая фотографии под разными излучателями, поняли, что именно она скрывает.

– И?

Еще один щелчок, и я раскрыла рот. На следующем изображении было видно, что дверь чуть подсвечена изнутри.

– Твою ж... Источник?

– Ага. Защищенный, причем настолько, что мы ничего не

почувствовали. И, думаю, достаточно мощный.

– И, уверена, его в реестре нет, потому что Максим ничего не говорил.

– Он и не обязан, сама знаешь – частная собственность. Но источников магии во всем мире настолько мало, что, боюсь, Комитет вцепится в него.

– В источник? Или Максима? – съязвила я.

– Ты же понимаешь, что Арсенскому, если он пойдет на сотрудничество, теперь многое простят?

– Угу. Понимаю. Мой отец настолько благороден, что не станет незаконно садить его, чтобы захватить имущество – если он чист. Но не настолько, чтобы не закрыть глаза даже на убийства, когда на кону стоит так много.

– Смотря какие убийства, – Максим отвел взгляд, – Я покажу тебе последнюю находку. Пришлось забрать, но мы успели сделать точную копию и оставить там. Не так уж и сложно – таких вещей миллион. Готова к финальному аккорду задницы, в которую нас втянуло это дело?

– А что мне остается? – сил на сопротивление или удивление уже не оставалось. Я чувствовала, что сейчас я узнаю худшую новость это-го дня.

Митчел молча протянул мне какую-то тряпку.

Я осторожно развернула её.

Нож.

И уже касаясь его, я знала, что увижу.

Тем не менее, я медленно провела по чистому лезвию ру-

кой. А потом отбросила оружие, так что оно упало на пол, громко звякнув, и закрыла лицо руками.

– Он? – спросил мой друг охрипшим голосом.

Я кивнула:

– Да. Минимум трое и один из них... Тимур.

– Влада, ты теперь понимаешь, что тебе нельзя встречаться с Арсенским?

– Мне как раз нужно встречаться с Арсенским, – сказала я, сдерживая истерику из последних сил. – Можешь уладить все формальности? Мне нужно отдохнуть.

Я вернулась в отель привычным путем, выпила несколько специальных препаратов и заставила себя заснуть.

А в девять утра пришло сообщение от Максима.

* * *

Я стояла над обрывом наверху небольшого холма и с удовольствием вдыхала запах полей. Солнце поднялось высоко и было даже жарко, несмотря на ветерок. Куртку я давно скинула и осталась в джинсах и белой свободной футболке. Еще и обувь сняла – обожала ходить босиком по земле.

– Готово.

Я повернулась к Максиму.

Этот мужчина умел удивлять.

Романтика в нем заподозрить было трудно. Но происходящее было на самом деле романтичным. Он заехал за мной

на мотоцикле, и мы отправились за город, через поля «в одно красивое и пустынное место» на пикник.

Здесь действительно было красиво и не было людей. Но я не боялась. Если бы он хотел что-то сделать со мной, то давно уже сделал бы. А так игра продолжалась.

Почему я до сих пор сомневалась в его принадлежности к "миру темных", как шутил Митч?

Просто несмотря на заторможенное с утра состояние, я смогла спокойно проанализировать все, что знала про Арсенского. И зайти глубже в своих ощущениях, выуживая то, что скрывала сталь, которую я трогала ночью. И поняла – нож может принадлежать не ему. Не то что бы мне хотелось в это верить, но слишком многое мне показало простое оружие.

Если предположить, что есть некто, желающий подставить Максима, то вряд ли он мог знать, что ножом займутся не просто члены Комитета – из тех, кто умеет читать следы – а именно я, кто видел яркие события в «жизни» предмета из очень далекого прошлого. Натренировалась. И именно я, кто когда-то сумел пробраться в воспоминания Арсенского, распознала в тех мыслях, что молекулами остались на оружии, воспоминания о некой женщине, что сгорала в пламени, пока трое сообщников смотрели на это.

Трое, а не четверо.

Теоретически, этот четвертый, державший тогда нож, вполне мог пробраться в лавку – владея даром ластика это

было не сложно – и оставить такой «подарочек» заранее, предполагая интерес нашей конторы и надеясь на быстрый и простой арест.

Я уже успела сообщить в Комитет новую информацию. Нужно было быстро найти того мага и тех крыс, что, вполне возможно, передавали ему наши сведения.

Прервав размышления, уселась на клетчатом пледе, растеленном Максимом. Все происходящее вполне располагало и к тому, что я собиралась сделать. Это было и смешно, и грустно, но мне нужен был от Максима один поцелуй.

Поцелуй, при котором наши магические потоки начнут взаимодействовать, и он не заметит, что я использую артефакт, замаскированный под пряжку ремня.

Взяла бокал вина и отломил кусок свежего хлеба, который окунула в оливковое масло. Италия была пропитана олеем – в этом был её дух и её история – наверное потому это самое простое блюдо было для меня самым любимым. Я будто пробовала саму Италию на вкус.

– Что случилось вчера? – начала я разговор, а Максим поморщился. Подумала было, что не ответит, но он будто нехотя произнес:

– Кто-то залез в лавку. Сработала магическая сигнализация.

Надо же. Сказал.

– Что-то украли?

– Вроде нет... – было видно, что тема ему неприятна, тем

не менее, он продолжил, – И я полагаю, что никто и не собирался ничего красть.

– Почему? – надеюсь, у меня достаточно незаинтересованный вид.

– Знаешь, если бы не сигнализация, я бы даже не понял, что кто-то был внутри. Работали профессионалы.

Он отпил вино, улегся на плед и прикрыл глаза.

– Похоже, ты опасный человек, – произнесла я будто в шутку, – У тебя есть враги, страшное прошлое, тайны... Не скучная жизнь.

Максим хмыкнул и приоткрыл глаза, внимательно на меня глядя:

– Я и не пытался казаться простым. Но и вмешивать тебя в свои сложности не собирался. Поверь, я не подвергну тебя опасности.

– Меня не пугает опасность.

– А зря...

Одним движением он вытянул руки и дернул меня на себя, так, что я оказалась лежащей на нем, а мои губы – ровно напротив его.

Ох.

Максим больше не шевелился, но ему и не надо было – одного ощущение его горячего тела, твердой груди, длинных ног, что тут же обвили мои, было достаточно, чтобы я загорелась так, как никогда в жизни.

Его лицо было спокойным, но глаза лихорадочно горели,

будто приглашая меня отправиться в неизвестность. И я решила рискнуть. Чуть опустила голову и поцеловала его. Нежно, мягко, легко. А потом языком проникла в его рот и тут же застонала от ощущения сладкого огня, что полыхнул в моей крови.

Больше проявлять инициативу мне не дали.

Максим перевернул меня и впился в мои губы сумасшедшим, властным поцелуем, уничтожая даже мысли о сопротивлении.

Из последних сил, пока не забылась окончательно, я произнесла про себя формулу, активируя артефакт, и мои глаза удивленно распахнулись от той картины, что я увидела. А потом меня унесло чувственной волной, скомкавшей все мои тревоги и размышления до размера крохотных бумажных шариков.

Спустя какое-то время Максим со стоном и усилием – от него исходили смешанные ощущения болезненного желания и осторожности – отстранился, лег рядом, тяжело дыша, и положил мою голову на свое плечо. Я потрогала припухшие губы, которые у меня болели и горели, и посмотрела наверх.

Солнце пробивалось сквозь листву и приятно щекотало кожу.

В животе неожиданно заурчало. Максим хмыкнул:

– Хорош ухажер – даже не покормил тебя.

Он быстро и стремительно – как действовал всегда – сел, достал из сумки-холодильника несколько контейнеров и

шутливо наклонил голо-ву:

– Прошу к столу.

Я приподнялась, поправила одежду, которая за время нашего поцелуя почему-то пришла в беспорядок, и придвинулась ближе, стараясь не смотреть на мужчину. Есть хотелось ужасно.

– Эй, Влада, все хорошо?

Черт. Я уже забыла про то, что наговорила прошлым вечером. Интересно, если я сейчас скажу, что меня до сих пор потряхивает от возбуждения, он возьмет меня прямо здесь?

Я прикусила губу и покачала головой:

– Все отлично. Спасибо.

– Спасибо за...

Подняла голову и посмотрела на улыбающегося Максима:

– За самый офигенский поцелуй в моей жизни?

– Подходит, – он удовлетворенно кивнул и снова разлил вино, а потом поднял бокал:

– За тебя, Влада. Ты невероятная.

Ага. Даже не представляешь, насколько.

* * *

– Соринский Олег. Наш четвертый. Считается, что входил в ту же группировку, что и трое магов, дела которых мы уже подняли. Именно они были отпущены за недоказанностью убийства. И он присутствовал тогда в момент смерти

женщины.

– Жены Арсенского?

– Да. Мы проверяем заново обстоятельства их гибели и, пусть точно я не могу тебе сказать, но, похоже, лично Арсенский сам не убивал. Слишком далеко находился. Но он... В общем, он изрядно попортил им жизнь. Те так и не смогли достичь каких-либо карьерных высот, никто не был женат...

– А Олег?

– С ним сложнее. На протяжении этих нескольких лет он всплывает всего лишь несколько раз – во время развода, одного переезда, покупки машины, всеобщей регистрации – причем я смотрел протоколы, такое ощущение, что он попал туда случайно, не по желанию. А так тишина – будто и не существует человека. Так бывает, когда кто-то живет в глубинке отшельником, – задумчиво протянул куратор.

– Или намеренно скрывает свои действия.

Я поднялась с кресла, на котором сидела, пока разговаривала по телефону, и подошла к окну. Вечерело. Жизнь в Риме кипела, как и сотни лет до этого.

Распахнула рамы и с удовольствием втянула запах – ожидание, свежие простыни, вкусная еда, духи и флирт.

– У Олега есть дар «ластика»?

– Данных по этому факту нет. Но это ничего не значит.

– Не значит, – я кивнула, будто куратор мог меня видеть, –

Вы нашли, тех, кто мог передавать сведения?

– Пока нет.

Что ж, это только вопрос времени.

– Ты воспользовалась артефактом?

– Да.

– И?

– Ему отвратительны убийства. Но он готов убивать.

– Идеальное сочетание. И, кажется, все это говорит о том, что Арсенский, пусть и с оговорками, но чист. Почему ты так недовольна?

Недовольна?

Неверное слово.

Я вздохнула.

– Все хорошо, – и сама скривилась от лживости фразы.

Распросталась с куратором и прикрыла глаза. Мне не надо было обращаться к внутреннему дару, чтобы услышать то, что он мне говорит.

Да, осталось еще миллион вопросов – зачем ему резонаторы, почему он прячет источник, что именно делают лунницы, почему Олег – скорее всего – пытается его подставить... Да и не только эти. Но единственный вопрос, который меня волновал, был на самом деле один.

Как я буду смотреть в глаза Максима?

Через силу снова взяла в руки телефон и начала набирать сообщение, предназначенное для специального терминала. Чудо машина сама дополняла его нужными сведениями, упомянутыми в тексте, и отправляла тому, кто был заинтересован в этой истории на данный момент больше всех

и мог принимать решения:

«Дело пять-один завершено. Возможная польза – высшая. Лояльность – высшая. Потенциальный вред – десять процентов. Вероятность первичного отказа – девяносто процентов. Вероятность повторного отказа – шестьдесят. Готовность помогать...

Я замаялась. Арсенский не слишком любит сообщество и вмешательство в свои дела; и вряд ли полюбит после всей этой истории. Но отец прав – попытаться нужно.

...пятьдесят на пятьдесят. Психологическая карта: напирать на справедливость, смерть невинных и возможность отомстить за жену. Потенциальная должность: специальный агент под прикрытием. Взаимодействие с коллегами минимально. Особые пометки: не упоминать о Сергиеве».

Вроде бы всё. Я чуть помедлила, но все-таки нажала на кнопку «от-править».

Ответ пришел очень быстро.

«Сообщить о завершенной проверке объекту и передать первое стандартное приглашение».

Нервно хмыкнула, достала зажигалку и закурила, невидяще глядя на улицу.

А чего я ожидала? Обычный протокол. На обычном задании. Которое вскоре разорвет мою душу в клочья.

И единственное, что я еще могу сделать...

Правильно ли? Не знаю. Но сделаю.

Посмотрела на календарь и неуверенно отпечатаала.

«Прошу разрешить задержать сообщение о проверке на двое суток».

«Причина?»

«Личная необходимость».

Пусть сами гадают, что это значит.

«Разрешение получено».

Я выдохнула. Докурила сигарету, накинула куртку и вышла из номера.

Глава 18

Найти отель, где поселился Арсенский не представляло труда – я хорошо ориентировалась в городе. На входе я поздало подумала, что его планы «вернуться в гостиницу и отдохнуть» могли поменяться и следовало, наверное, предупредить о своем появлении, но уже в холле я поняла – нет, на месте.

Его энергетику я бы не перепутала ни с чьей. Мне даже не было необходимости спрашивать у портье нужный номер. Но бдительные сотрудники назойливо начали выяснять, к кому я пришла.

– Сеньорита Валадалена, – исковеркал мое имя по телефону симпатичный итальянец и получив ответ, что да, знают такую, взялся проводить меня до двери.

Максим уже стоял на пороге, тревожно нахмурившись.

– Влада, что-то случилось?

Много чего. Но я обо всем случившемся хочу забыть.

Вслух же ответила, памятуя о том, что мы не одни:

– Нет. Просто надо поговорить.

– Конечно, – мужчина еще больше нахмурился и кивком отпустил портье, – Спустимся в лобби-бар? Или, может, ты голодная?

– Как я могу быть голодной, если ты целый день меня кормишь? – я улыбнулась и зашла внутрь, – А здесь красиво.

Номер в роскошном особняке был действительно впечатляющим. Антикварная мебель, светлые обои, огромные окна и виднеющаяся в полуоткрытую дверь огромная кровать с балдахином.

Я сглотнула и отвела взгляд.

Похоже, Арсенский работал. На столе в гостиной стоял раскрытый ноутбук и недопитая чашка кофе.

– Я... помешала тебе?

– Нет. Так что...

Голос прозвучал близко и хрипло.

А мне не хотелось больше говорить. Я даже не стала разворачиваться, просто стянула с себя куртку, а потом начала снимать футболку.

Мои поднятые руки перехватили, прекращая всякое движение.

Было странно и немного неловко, но вряд ли кому то из нас требовались подробные объяснения.

– Ты уверена?

Хм, кому-то все-таки требовались.

Я кивнула и снова потянулась к краю футболки, но Максим уже справился сам. Продолжая стоять сзади, он прижался к моей голой спине, окутывая меня теплом. По его телу пробежала дрожь, которая мгновенно передалась мне.

Грудь в кружевном бюстгальтере накрыли горячие ладони.

Осторожно, будто кожа была фарфоровой, мужчина кос-

нулся пальцами моей груди, чуть задел кружевной край белья и легким движением погладил живот. А потом развернул к себе лицом.

Максим тяжело дышал, а в его глазах разгоралось уже знакомое пламя, обжигая, но не раня меня.

Возбуждение ручейками начало собираться ниже живота, и я прикусила губу, подавляя стон.

Если это происходит от одного только его взгляда, что будет дальше?

Мужчина, продолжая смотреть в мои глаза, протянул руки, снял с меня бюстгальтер и расстегнул ремень джинсов. А потом убийственно медленно встал на колени и стянул их вместе с трусиками.

Все это происходило в полном молчании.

Я переступила, давая ему возможность окончательно снять одежду и обувь, и чуть пискнула от неожиданности, когда он поднял меня и усадил на стол, разведя в сторону мои руки и ноги, так, чтобы я не могла прикрыться.

Его взгляд физически ощутимо прошелся по моим покрасневшим щекам, погладил шею с бьющейся жилкой, опустился на грудь, которая покрылась мурашками, а потом ниже.

Я инстинктивно втянула живот и судорожно вздохнула.

Все еще одетый, Арсенский приблизился ко мне и встал между разведенных ног. Он легко, почти нежно сжал мои длинные волосы, потянул за них, так что голова откинулась,

и выдохнул в мои раскрытые губы:

– Ты ведь понимаешь, что теперь не сможешь уйти?

Я не стала комментировать это, а просто обхватила его спину руками и притянула к себе еще плотнее, чувствуя, как моя магия затапливает сначала меня, а потом выплескивается наружу в стремлении смешаться с другим потоком.

Максим глухо застонал и впился в мои губы глубоким поцелуем.

Дальнейшее я помнила урывками.

День, ночь, время – не было ничего. Только его губы, руки, горячее тело. Только восторг обладания. Сумасшедший поток магии, который закручивался вокруг нас, грозя разнести все вокруг.

Что-то падало и крошилось. Я приходила в себя то на смятых простынях кровати, то в ванной, убаюканная пеной и медленными поглаживаниями. Помню официанта, с опаской завозящего в гостиную тележку, полную еды, на которую мы накинулись сразу, как он ушел. Луну и теплую, сухую ночь, в которой мы растворялись, сидя на балконе с вином и сигаретами. Жаркий шепот, сдобренный чуть пошлыми словечками, где мне рассказывали, что со мной будут делать вот буквально сейчас – а потом делали, и делали так, что я кричала от наслаждения.

И невероятное ощущение полного, бескомпромиссного слияния, которое я никогда до этого не испытывала.

Но, как и всегда в этом мире, наступило утро.

Я осторожно поднялась, чувствуя ломоту во всем теле – черт, если бы не была магом, вряд ли встала бы вообще – и осмотрелась.

Хмыкнула.

Похоже, кое-кому придется серьезно восполнять ущерб, нанесенный отелю.

– Им еще повезло, что у меня тут стоит глушилка, не дающая звуку возможности вырваться за пределы комнаты.

Я повернулась.

Максим лежал на кровати, похожий на сытого кота, и внимательно на меня смотрел.

– Собралась куда-то?

– Да. В аэропорт.

Он нахмурился:

– Ты должна была улететь сегодня?

– Да.

– Может поменяешь билеты?

– Нет. С утра надо быть в университете.

– Влада, ты, надеюсь, понимаешь, что сбежать не получится? – голос Арсенского сделался жестче.

Я постаралась скрыть горькую улыбку. Подошла и присела рядом с ним, чуть погладив по щеке:

– А ты весьма требователен.

– А ты весьма скрытна. У меня ощущение, что что-то произошло, о чем я не знаю. Скажешь?

Я обвела глазами номер.

Нет. Не здесь.

– Ты же возвращаешься завтра с утра? Я приду к тебе после занятий. В офис.

– Хорошо, – Максим улыбнулся, приподнялся и нежно меня поцеловал, – Я провожу тебя до твоего отеля и вызову такси в аэропорт оттуда.

– Не стоит... – покачала я головой.

– Не стоит мне указывать, как за тобой ухаживать, – Арсенский сощурился, встал с постели и потянулся, как хищник. Я залюбовалась его совершенным телом, на котором теперь знала каждую родинку и шрам. – Скажи, – он наклонился ко мне и взлохматил и без того взъерошенные волосы, – Насколько быстро тебе надо собираться?

– Ну... Вещей у меня немного.

– Значит, – голос его стал ниже и я ощутила знакомую вибрацию внутри, – у нас есть время принять душ вместе.

* * *

Радость студентов от моего возвращения и их блестящие ответы на семинаре никак не способствовали отличному настроению.

Я стояла перед офисным зданием, в котором находился «АрсАрх» и нервно теребила в кармане пальто конверт с официальными бумагами, который подготовили в Комитете.

Ваши выгоды бла-бла-бла. Если вас заинтересует предло-

жение бла-бла-бла. Наши люди свяжутся с вами и все такое.

И я даже не хотела отправлять кого-то вместо себя; не хотела, чтобы Максим узнал это от других. Нет, он заслуживал моего личного появления.

Я вздохнула и зашла в обширный холл, а потом поднялась на лифте на нужный этаж.

Работа вокруг кипела. Степенный секретарь приветливо мне кивнула и чуть недоуменно подняла брови, когда увидела, что я не решаюсь приблизиться к кабинету.

Еще бы я желала перечеркнуть одним разговором возможность счастливого будущего.

Да, я понимала, что мужчина не простит. И не примет того, что происходило последние недели. И, перешагнув порог, я потеряю его. Но что я могла поделать? Ничего.

У меня не будет Максима, но останусь я сама. Моя работа... две работы. Мои близкие. Моя магия. Не так уж и плохо.

Я стиснула кулаки и зашла, наконец, в кабинет Арсенского.

Максим сидел за столом.

Поднял голову, и взгляд его потеплел, когда он рассмотрел мои чуть растрепанные пряди, распахнутое светлое пальто и яркий шарф. Я же, наоборот, опустила голову.

– Влада, ты откуда такая чудная? Что-то произошло?

– Я... прости меня, Макс. Знаю, что не простишь, но не могу не попросить прощения. Не за то, что я сделала – это

было необходимостью, а за то, что не верили. Хотя это тоже было необходимостью...

– Влада, девочка моя, ты о чем?! – Макс нахмурился.

М-да, боюсь что «своей девочкой» он меня больше не назовет.

Мужчина начал подниматься из-за стола, но я остановила его жестом. Сделала над собой усилие и, глядя прямо на него, сняла свой артефакт прикрытия.

Я знала, что он увидит, если перейдет на магическое зрение: ярко – синюю переливающуюся ауру.

Макс замер. Я же достала из кармана конверт и чужим, ровным голосом проговорила стандартную формулу:

– Максим Григорьевич Арсенский, старший агент магического Комитета уведомляет вас, что вы прошли проверку и признаны достойным и верным членом нашего сообщества. Спокойствие и жизнь всех магов находятся под угрозой, потому сообщество просит вас о поддержке и помощи, а также о личной встрече с Главой Комитета. В этом конверте находятся все необходимые детали.

Положила бумаги ему на стол и осторожно отошла. Хотя хотелось бежать, бежать так, как я не бегала никогда до этого. Но нельзя... у него могли возникнуть вопросы, а я была обязана на них ответить.

– Старший агент? И вовсе не слабый, а сильный... очень сильный маг-аналитик? – голос его сделался хриплым. Сличил все-таки ауру. Злость. Шок. Отвращение. Меня окатило

такой мощной волной, что затошнило. От него всегда было сложно закрываться, а сейчас я и вовсе не стала – то ли наказывая себя, то ли пытаюсь хоть как-то вобрать его боль, хоть немного облегчить ситуацию.

– Да, – наконец ответила.

– Дополнительный дар?

– Следопыт.

– Значит, ты меня проверяла?

– Да.

– Давно?

– С самого начала, – я все – таки не выдержала его взгляда, и опустила глаза вниз, борясь с тошнотой.

– То есть каждый раз, когда ты встречалась со мной, видела меня, твою ж мать... целовала меня, ты подозревала что я чокнутый магический маньяк?! Или в чем... меня подозревали?

Что ж, он имеет право знать.

– Убийства, в том числе нашего агента. Незаконная деятельность. Потворствование силам, что стремятся разрушить устоявшийся порядок. Максим, послушай, ситуация в мире складывается сложная и...

– Плевать. Лучше скажи, что из того, что ты рассказывала о себе, правда?

– Практически все, – я задрала подбородок и снова посмотрела на него. Черт, лучше бы я этого не делала. Его глаза горели, выжигая на мне невидимые и очень болезненные

клейма, а пальцы рук дрожали, будто желая вцепиться мне в шею.

– Да? – губы Максима искривила злая усмешка, – И история про первый раз и твой страх перед магами тоже правда?

Черт.

Я отрицательно покачала головой.

Арсенский с шумом втянул воздух и выругался:

– Значит тогда, в лавке... Это был Комитет?

– Да.

– Пока ты следила за мной на ужине? Что ж, отличный ход. Ну и кто признал меня лояльным?

– Я.

– У тебя есть такие полномочия?

– Да.

– И что было бы, если бы ты посчитала что я не достоин? Арест? Справилась бы? – голос его звучал все тише и все злее.

Набросится? Вряд ли. Но эта злоба... Она уничтожала всё не только внутри него, но и внутри меня. Её было слишком много.

Что ж. Может это и к лучшему. Во всяком случае не будет страдать.

– Справилась. У меня есть дополнительные... средства.

– То есть, ты не первый раз проводишь такие расследования?

Я знала, что стоит за его вопросом. Но объяснять ему, что

я и мои чувства и работа не имели отношения друг к другу, что наше время вместе – это лучшее, что было в моей жизни, что я всегда больше работала с документами, я не стала.

– Не первый. Но я... Когда я вошла в твой номер отеля, я точно знала, что ты невиновен.

– И это должно меня обрадовать?

– Максим...

– Уходи. Просто уходи сейчас, пока мне не впаяли нападение на старшего агента.

Мертвый голос. Мертвое лицо. Мертвые глаза. Было ли что-то важнее этих глаз?

Было.

Жизни, много жизней.

Я кивнула и вышла, тихонько прикрыв за собой дверь. Я могла бы сказать еще кое-что, но это не имело больше значения.

Кому какое дело, что я, похоже, влюбилась?

Часть вторая

Глава 1

Ему давно не было так хреново.

Злость, боль от предательства, ощущение собственной глупости – он терпеть не мог чувствовать себя идиотом! – наполняли его кровь и мысли каждый раз, когда он делал хоть малейшую остановку в сумасшедшем водовороте дел.

Влада.

Страстная, яркая, нежная девочка, которая, по факту, оказалась лишь плодом его воображения.

Как он не заметил? Как? Он, чтец, человек, который всегда настороженно знакомился с другими людьми и очень редко вводил их в свое окружение, который выживал, развивался, изыскивал совершенно невероятные возможности только благодаря звериной интуиции, сумасшедшему чутью на ложь и дурные намерения, агрессивности и беспредельной аккуратности в каждом движении – как он мог так ошибиться?

Хотя он знал, как.

Влечение, тяга, которую он к ней испытывал с первой минуты. Восхищение её умом, талантами, которые она нехотя, но демонстрировала. Желание поработить, захватить

ускользающую красоту.

О да, от такой смеси даже он потерял голову.

Снова вспомнив об этом, Максим до боли сжал руль своей машины и утопил педаль газа.

Теперь ему помогали только ночные гонки по кольцу. Развеемся. Прочистить мозги. Успокоиться. Хоть ненадолго усмирить внутренний огонь и постоянно вырывающееся бешенство.

Он пробовал использовать для этого привычный для магов вариант, но после пары ночей с яркими и старательными красотками вынужден был отказаться от подобного времяпрепровождения. Ничего кроме пустой, физиологической разрядки не выходило. И это было настолько убого по сравнению с тем, что он испытал со Владой, что стало бессмысленным. Возможно позже, когда он окончательно отвыкнет от нее...

Усмешка искривила его губы. Если он хотел отвыкнуть, какого хрена согласился на помощь Комитету?

Максим не любил врать себе. И он понимал, что частично, несмотря на то что терпеть не мог всех этих людей, что пытались сбить магов в послушное стадо, несмотря на то, что он презирал их методы – её методы – ему хотелось понять, что двигало девушкой.

К тому же, они нашли к нему подход. Опять же, явно не без помощи Влады.

Помощь в поиске этого ублюдка, что, оказывается, встав-

лял ему палки в колеса, была как нельзя кстати. Никто пока не знал, где Олег, зато сумели хотя бы перерубить ему все каналы связи с крысами из Комитета и его собственной компании. Теперь тому будет непросто подобраться ближе, а потом они устроят ловушку и поймают его, как мышь в мышеловку. И Соринский теперь точно не избежит правосудия, как тогда, в прошлом.

Максим вздохнул, съехал с кольцевой в сторону и остановился на обочине, устало откинувшись в кресле.

Похоже, сегодня был вечер воспоминаний.

Соринский, как и трое его друзей, был виновен в смерти его жены – черт, да её просто показательно уничтожили, чтобы Максим перестал лезть в дела той магической группы. Мужчина тогда еще идеализировал происходящее и верил, что у магов есть свой, особый путь – спасти мир и человечество. Но события тех сложных, смертельных для многих лет показали ему весьма однозначно – они все каждый за себя. И остаются наедине со своим горем и проблемами, несмотря на избранность и силу.

Тех магов не наказали, даже не взяли под стражу. Он сам их наказал: медленно и планомерно, выжидая столько, сколько нужно, он портил им карьеру и личную жизнь. Наслаждаясь их неудачами и тем, что они опускали руки. И даже не пытались бороться.

Но он не убивал.

И смерть троих, похоже, от рук Олега, стала для него сюр-

призом. Как и мотивы последнего.

К тому же, Комитет предоставил доступ к огромному количеству данных, которые важны ему были для исследований. А ознакомившись с проблемами, которые стояли последнее время весьма остро – убийства не только агентов, но и простых магов; странные и темные операции, которые проворачивали законопослушные когда-то граждане; отголоски весьма неприятных экспериментов, последствия которых разгребал соответствующий отдел – он понял: предварительная мобилизация не была блажью. Похоже, кто-то хотел поработить магов – или уничтожить их.

Вот только кто? Люди или маги?

Не сразу, но он втянулся в проблемы, которые стояли перед Комитетом. И понял, что они за эти годы совершили почти невозможное, то, что история творила веками – сумели создать государство в государстве, всемирный надзорный орган, который действительно не просто имел благие цели, но двигался к ним.

Это хоть немного примирило его с ситуацией. Он мог понять Владу – понять, но с принятием было сложнее. Уж слишком она стала ему близка, за рекордно короткое время. Пробралась к нему под кожу, растворилась в его крови и магическом потоке. Как никто до этого – и именно из-за этой близости было так мучительно.

А он совсем не хотел снова мучиться.

Первое декабря – день рождения Комитета – праздновали с размахом. Как правило в Европе; на этот раз выбор пал на Венецию. Но маскарад объявили не из-за венецианских традиций, скорее, это были внутренние традиции организации. Некоторые агенты скрывали свои лица или же род деятельности и из уважения к ним, да безопасности, все гости ставшего традиционным бала, даже люди, носили маски. А многие еще и дополнительные защитные артефакты.

Максим пробирался сквозь весело и громко болтающую толпу в поисках более тихого и свободного места, когда увидел главу Комитета, стоявшего в одиночестве возле колонны, который приветливо махнул ему рукой. Тот был в совершенно простой маске и темном, по образцу девятнадцатого века бархатном костюме, но любой, кто встречался с ним лично, узнал бы его.

Правда, лично с ним мало кто встречался.

Мужчина чуть улыбнулся и подошел, прихватив у официанта бокал виски.

Александр ему нравился. Он был довольно жестким, себе на уме и магически необычайно одаренным – ни один маг не мог пробить те блоки, что он выставлял – но на такую должность вряд ли подошел кто-то другой. Поговаривали, что у него русские корни, только мужчина этого не смог опреде-

лить – разговаривал Александр на чистейшем английском и итальянском, который и сам Арсенский знал в совершенстве.

– Максимилиан, – чуть поклонился ему своего рода шеф – Рад, что ты сумел выбраться.

– Разве я могу пропустить такую вечеринку. Все сделано... масштаб-но.

Глаза в прорезях маски блеснули удовольствием. Бывший дворец дождей и вправду стал великолепным фоном для красивых, шикарно одетых магов, явно настроенных на веселье.

– У нас хорошая служба организации вечеринок.

Максим хмыкнул, отпил из бокала и вдруг замер.

Нет, не показалось.

В роскошном, пышном, ярко-красном платье, в сложной причёске с диадемой и вычурной маске, Владу узнать было невозможно. К тому же, на ней точно были артефакты, полностью приглушающие её ауру, делающую её похожей на человека.

Но он узнал.

Сразу же.

И ему хватило всего секунды, чтобы раздражение и боль выплеснулись из него.

Максим тут же взял себя в руки, но Александру, который замечал всё и всех этого было достаточно. Глава перехватил взгляд Арсенского и посмотрел в сторону девушки, а потом вдруг нахмурился и уставился на Максима с совершен-

но иным выражением, настолько иным, что мужчина почувствовал себя неуютно, чего за ним обычно не наблюдалось.

– Ты узнал её.

Голос Александра тоже стал иным. Обвиняющим и... сожалеющим? Черт, да с чего такое пристальное внимание всплеску чувств?

Или...

Максим внутренне похолодел.

Могла ли Влада знать главу лично? Они оба весьма привлекательны, и он не слышал, чтобы у Александра была семья.

Раздался хлопок и он с удивлением посмотрел на свою руку, в которой держал стакан. Теперь там были лишь осколки да остатки виски, смешавшиеся с несколькими каплями крови.

Твою ж...

– Хочу представить тебе...

Сначала запах.

Максим резко вскинул голову и уставился на знакомую незнакомку, чьи ярко накрашенные губы сложились в полуулыбку. Он стиснул зубы.

Только не это.

А Влада вдруг повернула голову к Александру, смотревшему на нее вопросительно, и кивнула, будто давая разрешение.

– ... мою дочь, именно как мою дочь.

Его аж потрянуло.

Разве такое возможно? От удивления, от всей этой ситуации, от встречи, которую он ждал – и которую не хотел – в течение почти двух месяцев, Максим брякнул откровенную глупость:

– Да, как твою дочь... я её еще не знал. И что мне следует сделать? Поцеловать леди ручку? – максимально язвительный тон, да еще и «леди» выделил. Все те чувства, что он пытался сдерживать, снова вдруг вырвались из-под защитной брони.

Теперь потрянуло Владу. Но она была куда сдержанней. Только по-жала полуобнаженными плечами и произнесла холодным тоном:

– Да нет, вполне достаточно упасть на колени и облизать мне ноги.

Теперь смутился Александра.

На несколько секунд все трое замолчали.

Первым в себя пришел глава. Он произнес на безукоризненном русском:

– Влада, найди маму. Она хотела тебе что-то сказать.

Девушка снова пожала плечами и, развернувшись так резко, что юбка взметнулась и хлестнула Максима по ногам, ушла.

– А ты стой, – голос главы сделался злым, когда он заметил, что Арсенский тоже дернулся в сторону. Похоже, от сдержанности Александра мало что осталось. – Я не знаю,

что там между вами произошло и не собираюсь в это лезть – дочь уже достаточно взрослая, чтобы посвящать меня в свои проблемы тогда, когда считает нужным. Но сдерживайся, пожалуйста. Влада эмпат. Гораздо более сильный, чем я. И она чувствует чужую злость и ненависть на уровне физической боли. Даже до меня донеслись отголоски твоих эмоций, что уж говорить про нее...

– Эмпат?! Отлично. И сколько еще она скрывает? Прости, я тебя уважаю, и пусть это и твоя дочь, и твой агент – но ты хоть представляешь, что я почувствовал, когда человек, который... которому я доверяю оказался не тем, кем представлялся?

– Это её работа. И я теперь понимаю, почему она пыталась от неё отказаться, – распаялся глава, – И хватит ныть и драматизировать – на кону слишком стоит слишком много – вопрос существования магов вообще! А ты вдруг уцепился за свои обиды, будто какой-то подросток, а не взрослый мужик. Да если бы у Влады был выбор, уверен, она бы не врала тебе. И если бы у меня был выбор, то я бы послал тебя на хрен, ради дочери, и плевать на всю твою нужность и нужность твоего источника. Но дело в том что...

– Ваше семейство ставит долг превыше всего, – Максим скривился, а вот Александр вдруг успокоился, и продолжил холодным тоном.

– Что ты знаешь о долге и моей семье? Тебе многое не дано понять. Есть вещи, которые больше чем ты, больше чем

твое обиженное эго.

Арсенский дернулся, как от пощечины, и вдруг тоже успокоился. Ведь в сущности Александр был прав и кто он такой, чтобы читать морали? Его мир и образ действий также далек от идеалов, а уж цели, что преследуют Комитет, были более чем благородные. Он подозвал официанты, ссыпал наконец осколки тому на поднос – руку уже почти не жгло – и взял еще один бокал. А потом обратился к главе:

– Расскажешь?

Александр повернулся, тоже взял виски и взмахом руки отправил официанта.

– Тебе может показаться, что это странно, что моя дочь работает агентом. Но у меня нет выбора. И никогда не было. Не потому, что я вдруг навязал ей свои идеалы. А потому, что когда-то это был именно её выбор, и если бы я не позволил, она бы попала в еще худшую ситуацию... Что ты помнишь про Перу в две тысячи пятом?

– Там... там был уничтожен целый город... Паликатель? Тогда одна группировка решила добраться до магов и вырезать их.

– Да. И мы в нем жили. Я уже работал в Комитете, но организация была далеко не такой могущественной. Да ты и сам знаешь – тыкались, как слепые котята. О сообществе тогда только говорили, но оно было в основном на словах. И свободная зона в Южной Америке была для нас передышкой, возможностью изучить все и спокойно накопить знания, си-

лы. Мы старательно собирали информацию обо всем, в том числе о врагах, но ... мы не отследили... не смогли. В тот день... жена была далеко, в экспедиции, а меня вызвали в Рио. Влада осталась дома с моими родителями, моей сестрой и младшим сыном. Славе было тогда пять, а ей одиннадцать. Когда раздались первые взрывы и начались пожары, они укрылись в доме. Но и это не помогло. Два часа, два долбаных часа она удерживала щит и не пускала убийц. Одна. Растянув на всех – ни мои родители, ни сестра не обладали никакой магией. Сын был слабым магом и Влада сумела использовать его как подпитку, но... Они прорвались. Трое. Убили сразу взрослых и Славу, а Владу... Владу долго били. Очень долго. И... резали. И их ненависть... то что они не просто выстрелили, а решили помучить – это её спасло. От смерти. Хотя она потеряла сознание и не дышала. Она умерла... практически умерла. Когда её нашли, никто не верил в то, что ей можно помочь, но чудом... Два года реабилитации, два года операций, косметических, магических. Мы прятали её от всех. И потом прятали, вплоть до того момента как не смогли найти и уничтожить всех заказчиков. А когда ей было пятнадцать, она пришла ко мне и сказала, что будет работать на Комитет. И если я ей откажу и не буду обучать, то она уйдет охотником за головами. Ну какой из нее охотник? Она умная, магически одаренная, сильная, но в ней ни капли жестокости и изворотливости, которой должны обладать представители этой профессии. И упертая: – откажи я ей, ушла

бы, и погибла быстро. Поэтому я согласился. И Влада стала великолепным агентом. И она будет делать всё возможное, чтобы Паликатель не повторился. Даже жертвовать собой и своими интересами. И если ты не можешь это принять – я сделаю так, чтобы ваши пути не пересекались.

Глава 2

Я сидела на крыше, укутавшись в украденное одеяло и болтала ногами. Маска валялась рядом – слишком вычурная и чрезмерно украшенная, она сдавливала лицо и неприятно царапала.

Зато красивая.

Совершенно потрясающие выходные, которые я провела с родителями, продолжились совершенно потрясающим балом и если бы не Максим...

Я передернулась.

Какие бы чувства я к нему не испытывала, его поведение вынуждало меня думать, что я сильно ошиблась по поводу его характера.

Да, я сволочь. Да, обманула.

И что дальше? Надо поливать меня помоями?

Раз я ему настолько неприятна – пусть просто забудет все, что произошло и живет своей жизнью.

И я когда-нибудь забуду.

Других вариантов нет.

Ночная Венеция, несмотря на пробирающую до костей сырость и холод, была прекрасна. Горели многочисленные огни и факелы. Из светящихся окон подо мной я слышала гул голосов и музыку. Плеск воды и моторные лодки, то привозившие, то увозившие гостей добавляли атмосфере роман-

тики.

Венеция была прекрасна в любое время года, но особенно я любила её летом, когда можно было часами сидеть в уличных кафе, потягивая просекко.

И желательно, сидеть не одной.

Я вздохнула. Ладно уж, перевернется и на моей улице грузовик с принцами. А этот, который вовсе и не принц, пусть идет дальше. Лесом. Потому что принцы они не в том проявляются, что зарабатывают кучу денег и отлично целуются, но и в том, что рядом с ними чувствуешь себя принцессой.

А я рядом с Максимом – да и вдалеке от него – чувствовала себя редкостной дрянью. И меня это совершенно не устраивало. Что бы я ни сделала такого ужасного, мучиться и страдать по этому поводу не стоило. А что стоило, так это продолжать свою работу – у магов наступили сложные времена, и с недавних пор на многих исследователей и тех, кто может оказаться полезен, в том числе в будущем, охотятся террористы. И Комитет единственный орган, который может сделать хоть что-то для спасения сообщества. Потому что если мы не распутаем этот клубок, то можем повторить то, что повторять было нельзя. И нам понадобятся все силы, все магии.

В том числе Максим. И его враг Сергиев, который, к моему тайному сожалению, также был признан мной как маг, подходящий для «вербовки». Несмотря на свою определенную изворотливость и нечестные игры, он был весьма полезен для сообщества.

Я ощутила появление Максима еще до того, как он вылез на крышу.

Вряд ли случайно. Искал?

Интересно, как нашел?

Мужчина подошел ко мне, сел рядом и протянул кружку с горячим кофе. Надо же, достал где то.

Я не стала из вредности отказываться от напитка. Молча взяла и сделала большой глоток, зажмурившись от удовольствия.

– Я... твой отец рассказал мне, почему ты пошла работать в Коми-тет, – голос в ночном воздухе прозвучал неожиданно громко.

Я испытала приступ раздражения. И он поспешил сообщить мне об этом?

– И что? Тебя так проняло что ты решил меня простить? – язвительно спросила у Арсенского, а тот выругался.

– Влада... не усложняй. Я хочу извиниться, то есть не хочу, но... В общем, я могу понять, почему ты так поступила. Но мне трудно принять это. И ужасно гадко, что ты считала меня преступником и ради этого... – он прервался, а я помогла.

– Встречалась с тобой? Целовалась? Работала на тебя? Присматривала? Да, я делала все это. и сделала бы снова, если бы потребовалось. Но если тебе станет спокойнее, скажу – я не планировала ничего такого. Что меня потянет к тебе. Даже пыталась отказаться от этого задания, потому что слыш-

ком много моих собственных эмоций там было намешано. Да и само задание получилось немного нестандартным, мне ведь не обязательно находиться рядом с человеком, чтобы что-то понять – я иногда даже без личного контакта обхожусь. Мои способности позволяют обойтись без этого. Меня постоянно терзали противоречивые чувства, мысли – я хотела поверить, что ты ни при чем, что все происходящее – какая-то глобальная подстава. Но я не имела права просто в это поверить, не доведя дело до конца. А ты соблазнял меня снова и снова, я просто не могла оторваться. А потом... Я знала что так будет, вот и пришла к тебе, когда все было кончено. Потому что уж лучше вот так, чем совсем ничего бы не было. И это было офигенно... Гораздо приятнее чем твоя злость и презрение, которыми ты меня окатываешь.

Я вдруг почувствовала, что устала. Мне уже не хотелось сидеть здесь, и прекрасный ночной город уже не казался таким романтичным и привлекательным. Свои и чужие эмоции истощили меня и единственное, что мне было нужно, это вернуться в свой номер и лечь спать.

Одним движением я поднялась на ноги и пошла прочь.

– Прощай, Максим.

– До свидания, Влада, – прозвучало где-то на границе слышимости, когда я уже лезла в люк, чтобы спуститься.

– Человечество всегда привлекали тайны, загадки, чудесное воздействие символов, знаков и магических украшений. Только вслушайтесь: "талисман", "амулет" – все это притягивает к себе интуитивное внимание; сами звуки дают нам возможность чувствовать манящую силу. Но два этих понятия разнятся. Кто скажет мне, что такое талисман?

– Любой предмет, с которым человек может войти в резонанс, – уверенно ответила одна из студенток.

– Неплохо, – я улыбнулась, – Резонанс – это возбуждение колебаний одного тела колебаниями другого, той же частоты. Талисман увеличивает заложенные в человеке от природы возможности. Человек фокусируется на предмете и ожидаемом чудодейственном результате; ограждает таким образом себя от ненужного и привлекает нужное. Вот почему я не рекомендую покупать талисманы у магов. Может показаться, что их сила более велика, но они настроены на того, кто вложил в них силу. А значит, могут вызвать совершенно не те колебания. На самом деле любой человек без магических возможностей и так свободен выбрать для себя свой талисман и усилием воли, чувств вдохнуть в него жизнь. Какими были первые талисманы, может кто сказать?

– Что-то природное? – с сомнением спросила Маша.

– Зубы врага сойдут за что-то природное? – раздались

смешки. – В древности люди действительно наделяли некие природные предметы причудливой формы особыми свойствами и это работало. С амулетами сложнее. Это уникальные артефакты, носители настройки, которая действует вне линейного времени – то есть и после смерти владельца. Предполагалось, что они могли внести корректировку в характер человека и его судьбу; изменить программу, даже некоторые законы. Для создания амулетов требовалось и требуется много энергии: раньше это было тем, что называли «божественной», «природно», сейчас, в основном, магическая. Большинство оберегов является частным случаем именно амулетов. Амулеты могут быть в виде украшений, текстов, книг, татуировок. Украшения, конечно, чаще. Кто назовет мне один из самых известных амулетов в мире?

– Кольцо Соломона, – уверенный голос Сергея, того самого нахального парня, которого я заметила еще на первом занятии.

– Согласна. Царь Соломон, легендарная фигура и его не менее легендарные вещи... Кольцо, меняющее не только мага, но и реальность, гримуары с подробным описанием вызовов демонов и духов – первоисточники их так и не были найдены, как правило исследователи работают с некоторыми свитками. Там же мы находим упоминание о Арс Алмаделе – магическом инструменте, который сам по себе является амулетом и его также можно назвать артефактом воздействия, потому как он направлен вовне. Согласно древним знани-

ям, эта квадратная пластина с начертанными на ней именами Бога и ангелов-покровителей четырех зодиакальных миров, позволяет воздействовать на ткань реальности, полностью менять и жизнь того, кто работает с ней. Многие современные маги также считают, что это один из лучших инструментов для достижения конкретных целей. Но техники использования Алмаделя можно считать утерянными – размытые описания в свитках я за такие не считаю. Поэтому ряд магов сейчас работают над ритуалами и обрядами, которые позволят им задействовать пластину по максимуму.

– Но зачем? Разве им недостаточно магии, которая и так у них есть?

– Разве человеку когда-либо было достаточно? – я пожала плечами. – Это нормально – желать большего. Правда, в данной ситуации цель, действительно, представляется мне несколько сомнительной.

– И какая она?

– Власть над миром. Но вернемся к теме нашего разговора. Различить, талисман перед вами, амулет или артефакт не так просто – даже магам требуется достаточно тонкая работа, чтобы понять структуры предмета. Но если опираться на уже существующие данные, то можно отыскать определенные особенности – во всяком случае, когда мы говорим о вещах древних...

Раздался звонок и я кивнула.

– Будем разбирать эту тему на следующей лекции.

Ко мне подошел Никита.

Я улыбнулась. Парень ходил на все лекции, активно участвовал в каждом обсуждении и похоже решил завоевать мою симпатию через общие интересы. Впрочем, меня это не напрягало. Во-первых, он действительно любил науку. А во-вторых, моя симпатия уже давно была у него в кармане. Как я могу не симпатизировать сыну мужчины, в которого я влюблена?

Была влюблена, Влада.

– Владлена Александровна, а что на счет лунниц? Это был амулет, артефакт или талисман?

– Не успела понять. Как я говорила на лекции, это довольно сложно – надо сначала разобраться с принципами работы предмета.

– Так может... стоит вернуться к изучению? Я и сам особо не вникал в эту находку последнее время, но... Нельзя же оставлять дела не законченными.

Он лукаво посмотрел на меня синими глазами – такими же глазами, как у его отца, из-за чего внутри меня все переворачивалось, когда я его видела. Я неопределенно пожала плечами:

– Все упирается во время.

– Или в нежелание?

Быстро опустила глаза, почувствовав, как портится настроение. Но объясняться еще и с младшим Арсенским я не хотела. Снова пожала плечами и пошла к выходу. А когда

раздался телефонный звонок, даже не удивилась, увидев на панели фамилию.

Если уж день решил пойти по пути «выведи Владу из себя», то этого не изменить.

Глава 3

Сергиев ел и рассматривал меня с нескрываемым удовольствием.

Я же едва подавляла раздражение.

Пусть его. Мне самой нравилось, как я выглядела. Длинный ассиметричный свитер, обтягивающие кожаные брюки и волосы, сколотые в небрежный хвост.

Очки я носить перестала и одежду теперь выбирала более женственную. Не знаю, что так на меня повлияло, возможно, ситуация с Макси-мом, но мне все меньше хотелось прятаться.

Хотя защитных артефактов, скрывающих магию, никто не отменял.

Борис позвонил и попросил о встрече, потому как у него появились какие-то сведения – но вместо того, чтобы рассказывать, он жевал и болтал о пустяках. Впрочем, ужинали мы в прекрасном ресторане, потому я сама не отказала себе в паре блюд «от шефа».

Но и они закончились.

– Может поделитесь все-таки новой информацией?

– Поделишься. Сколько раз я просил перейти на «ты»?

– Столько же, сколько я отказывала. Мне так удобнее.

– Держать дистанцию?

– В деловых отношениях это нормально, разве нет?

– С Арсенским вы не церемонились.

Я вздохнула. Вот так всегда – пытается выведать про Максима или задеть меня. Еще один источник раздражения.

– И тем не менее, зачем мы сегодня здесь?

– Ну ладно, – Сергиев аккуратно промокнул губы салфеткой. – Кто-то интересуется древней мифологией. Звучит, конечно, странно, но что-то есть. Я чувствую. У меня много связей в местной полиции, и я попросил их рассказывать о разных необычных вещах – якобы ищу талантливых, но скрывающих свой талант людей и магов. Так вот, в музеях начали происходить кражи. Пропадают вроде мелкие и не дорогие предметы, ерунда, безделушки, – но пропадают регулярно. Из разных музеев и, как я недавно выяснил, не только в Москве. Все пропажи связаны с мифами, легендами, богами – Древняя Греция, Европа, славянские народы...

– Вы сможете достать список пропавших вещей или нужен официальный запрос? – я нахмурилась.

– Обижаете, – Сергиев улыбнулся и вытащил из кармана пиджака сложенный в несколько раз лист. Я не стала просматривать его прямо на месте, а сунула в сумочку, чтобы потом внимательно изучить. Любые сведения были важны и давали возможность добавить деталь в огромную мозаику, которую представляла собой нынешняя ситуация.

Внезапно Борис застыл, а потом вдруг перешел в какое-то вальяжно-текущее положение и плотоядно улыбнулся.

Что это с ним?

Ах да...

Тело напряглось еще до того, как над нашим столом раздалось угрожающее:

– Не помешаю?

Черт, это надо ж было выбрать этот ресторан! А что если не случайно? Я мельком взглянула на ставшего довольным Сергиева и мысленно закатила глаза.

Отлично. Всегда мечтала побыть игрушкой, которую два великовозрастных ребенка тянут каждый к себе.

– Помешаешь, – радостно чуть ли не завопил Борис. Похоже, все это он устроил ради этой фразы. Сзади меня – точнее, надо мной – тяжело дышал драконище. Ну, во всяком случае было такое ощущение – блоки на эмоции я научилась делать даже на него. Хватит мучаться от неприятных ощущений.

– Я уже уйду, – спокойно произнесла и аккуратно допила кофе, сердито посмотрев на своего спутника. Тот развел руками – типа, я тут при чем – и предложил проводить.

– Дойду сама.

– Я провожу.

Это прозвучало у нас с Арсенским одновременно, и я, старательно контролируя себя, встала.

Хм, интересно. Оказывается, был не только дракон – чертовски привлекательный дракон – но и дракониха, которая разве что пар из ушей не пускала из-за безразличия пригласившего её мужчины.

Ничего, девочка, сейчас он на меня поорет – за что-нибудь – и вернется к тебе.

От мысли об этом во рту сделалось кисло.

Впрочем, собственные чувства не помешали мне довольно быстро пойти в сторону двери, где услужливый гардеробщик уже протягивал мое зимнее пальто.

Максим чуть ли не вырвал его из рук пожилого мужчины и принялся помогать одеться.

– Как давно ты общаешься с Сергиевым? – прошептал он мне зло на ухо и резко запахнул верхнюю одежду, похоже, намереваясь еще и застегнуть на все пуговицы.

– Как давно это тебя касается? – голос, к моей радости, звучал совершенно спокойно. Я осторожно высвободилась из его рук и подошла к зеркалу, надевая шарф. Арсенский снова встал за моей спиной. Глаза его полыхали даже в отражении.

Возбуждающее зрелище. Как и его бешенство. Только пусть применяет этот свой взгляд на ком-нибудь другом.

– Я знаю, что ты его проверяла, но поверить не могу, что вот так просто переключилась и...

Договорить не смог, но все-таки прорвался через блоки. Горечь ревности, злость на себя – и на меня заодно, неверие и тягучая, маслянистая жажда.

Я вздрогнула и опустила взгляд, стараясь даже дышать через раз. А потом сказала примирительным тоном:

– Он попросил, чтобы я была его связным. Это возмож-

но, особенно если маг не хочет афишировать свои отношения с Комитетом по тем или иным причинам. Что может быть невиннее, чем периодические встречи в ресторанах двух взрослых людей?

– Невиннее?

– Невиннее, – я вздохнула, – А теперь иди – твоя спутница уже дважды выглядывала в холл, и тебе еще предстоит объяснение.

– Плевать, – голос мужчины прозвучал хрипло, – Черт, Влада, я как только вижу тебя, совершенно забываю про свою сдержанность, опыт и намерение... И снова веду себя как мальчишка. Прости.

Я в изумлении повернулась к нему:

– Извиняешься?

– Немного, – Максим запустил пальцы в растрепанные волосы, чем растрепал их еще больше, – Сергиев наверняка подстроил эту сцену и наслаждается теперь результатом. Это бесит, но я... Я даже рад, что так произошло. Как раз хотел тебе предложить...

Голос его прервался, а я впилась ногтями в ладони.

– ...может продолжим работать вместе? Над... над лунницами?

Едва сдержала нервный смехок.

Ага, над лунницами.

Кажется, мне протянули руку в знак примирения, но хочу ли я этого? Арсенский терпеть не может своеволия, мне же

претит любая власть надо мной. Наше общение в прямом смысле опасно. Мы оба слишком уверены в себе, слишком независимы, слишком требовательны к окружающим, чтобы ужиться – в любой форме, и...

– Хорошо, – выдохнула я, сама не веря, что сказала это, – Я позвоню тебе.

Максим улыбнулся, дернулся, будто захотел прижать меня к себе, но сдержался.

Мы были похожи на двух людей, идущих по крайне тонкому льду, и понимали, что любое резкое движение может привести к необратимым последствиям.

На улице Максим посадил меня в стоявшее возле входа такси, назвал водителю адрес и вдруг наклонился ко мне:

– Та женщина... Ничего не значит.

Я подавила вспыхнувшую радость. Не от его слов, а от того, что он в принципе счел необходимым объясниться. А вслух лишь сказала с уверенностью, которую не чувствовала:

– Я знаю. Потому что меня забыть невозможно.

Изумленный смешок.

И улыбаясь, я уезжаю.

* * *

Счастье.

Обычное, повседневное, но в чистом, концентрированном виде. Как первый глоток утреннего кофе. Как выходные у

моря. Как поцелуи, любимые песни и старая, потрепанная книжка, зачитанная до дыр. Как смотреть на запуск ракеты; как Новый Год или снегопад в лесу, когда белые хлопья оседают на тяжелых ветвях сосны.

Я такие вещи чувствовала.

– Сколько вы за него хотите? – посмотрела на старика и указала на небольшой кулон в виде цикады.

Он хитро глянул на меня в ответ и подул на якобы замерзшие руки. Не мерзли, я знала. Внутри него горел мягкий магический огонь, который не давал ему замерзнуть или заболеть.

Сильный маг, предпочитающий полубродячий образ жизни. Раскладывает свой лоток на многолюдных улицах или в парках – зимой, конечно, не таких многолюдных – и продает кусочки счастья.

Строго говоря, он нарушал один из магических законов, не имея лицензии на торговлю. Но даже я готова была смотреть сквозь пальцы на подобные нарушения – ни людям, ни магам не повредит такой амулет, тем более, что действовал он всего несколько дней.

– Для вас – нисколько. Хорошее отношение важнее, – и подмигнул.

Я хмыкнула, взяла кулон, испытывая почти непреодолимую потребность погладить его, положила одну купюру и пошла дальше по освещенной дорожке. Не все подарки должны оставаться бесплатными.

Иногда мне хотелось – до сердитого топая ногой – чтобы в жизни все было так просто, как этот вечер, старик и цикада. Чтобы люди и маги перестали воевать между собой и друг с другом, а просто вернулись домой и начали любить своих близких.

Но реальность была совершенно другой. И приходилось это принимать как данность.

Народу вокруг было немного – мало кому хотелось бродить по улице в такие морозы – и меня это устраивало. На холодном воздухе все чувства обострялись, а мысли становились резкими, быстрыми и острыми, как лед.

Сейчас меня занимал список, который я получила от Сергиева. И вправду, мусор, ерунда – археологу и историку, конечно, не стоило так говорить, все-таки за каждой такой ерундой стояла целая экспедиция и много часов работы – но ценных вещей, по-настоящему уникальных, там и не было.

Что же еще их объединяло кроме отсутствия значимости?

Область применения. Все они работали в сфере предсказаний.

И это тоже было ерундой. Любой маг, работающий с будущим; любой современный артефакт вероятностных линий мог дать больше, чем весь этот «мешок с драгоценностями», как его уже успели обзвать в Комитете.

Я видела здесь три варианта.

Во-первых, вполне допустимо, что мы не знали что-то про эти предметы. Но такое маловероятно.

Вариант второй, что всю эту кучу используют как часть чего-то большего – и пока я не могла предположить, что же это может быть.

И третье, что наше внимание таким образом отвлекали.

Мне необходимо было навеститься в музеи – не во все, но хотя бы в два, три – может быть я что-то почувствую по следам. А еще нужно было подготовить финальные семинары и просмотреть работы студентов – сессия была не за горами. Университет то куда денешь из моей жизни? Куратор сообщил, что есть кое-какие новые данные по Олегу – с тех пор как мы пришли к окончательному выводу, что именно он был убийцей Тимура, за него взялись всерьез. А еще я планировала вернуться к работе над лунницами, пусть на это совершенно не было времени. Но лунницы представляли собой определенный интерес, к тому же, я была сторонником теории, что нет ничего случайного. И эти исследования вполне могут помочь пролить свет на все остальное.

А то, что это означало снова видеть Максима... Точнее, то, что я иду на это, чтобы видеть Максима...

Пнула камень и вздохнула.

В одну реку нельзя было войти дважды, но спиральное развитие времени, про которое он рассказывал, вполне давало нам шанс.

Я не загадывала далеко, просто было бы глупо не воспользоваться тем, во что нас втягивает судьба – интриганка. Тем более, что Арсенский обосновался в Комитете, похоже, на-

долго. И даже дал распотрошить свою «тайную комнату». Я специально не интересовалась, что же за схему он там собирал, просто чтобы не вытаскивать на свет болезненные переживания, но теперь уж точно узнаю все подробности, раз уж я не только у Сергиева связной, но и у Максима, о чем мне, чуть ехидно, сообщил куратор утром.

Я усмехнулась. Арсенский, похоже, опять решил обложить меня со всех сторон. Вряд ли он столь уж уверен в результате, но в его характере перекрывать все пути отступления.

Вот только он еще не знает, что при необходимости я взлечу.

Хорошо хоть другие маги, которых я проверила, не подошли – реши они тоже общаться именно со мной, работы бы прибавилось. Один из мужчин оказался не годен по психологическому профилю: труслив, самонадеян и постоянно кичится своими достижениями. С него стало бы рассказать даже в социальных сетях о своей новой роли.

А вот единственная женщина из списка оказалась потенциально опасна. Анастасия Ольшанская с виду была более чем лояльна к магическому сообществу, но некоторые документы и подслушанные разговоры заставили меня предположить, что это лишь маска. И потому я порекомендовала специальному отделу более чем внимательно присмотреться к ней.

Зябко передернула плечами и двинулась в сторону дома.

Хотелось в горячую ванну и спать.

Но моим желаниям не суждено было сбыться.

Если куратор звонил в такое время, значит, у него были срочные – и всегда неприятные – новости.

– Ольшанская найдена мертвой, – сообщил он, как всегда, без вступления. Я почувствовала неприятный укол в районе груди. Да, событие не слишком хорошее – пусть она даже могла быть нашим врагом, но убийства – а я не сомневалась, что это убийство – мне были глубоко противны. Но было что-то еще, что меня задело. Что-то инстинктивное. Откуда то пришло понимание, что подготовка завершена. И дальше наша картина мира – и мир вместе с нами – покатится по наклонной плоскости, прихватывая с собой все больше судеб.

Я потрясла головой, прогоняя тяжелые мысли:

– Еду.

Глава 4

– Нет, так не пойдет!

Я раздраженно швырнула на стол целую стопку бумаг, отодвинула ни в чем не повинный ноутбук и мрачно уставилась на куратора и двоих следователей, которые точно так же, как и я, совершенно не радовались пребыванию в отделе в полночь.

В полночь надо лежать в кровати и читать любимую книгу или обнимать любимого человека, будь хоть сколько ты маг и боец невидимого фронта.

А мы пытались разгрести растущие как снежный ком дела.

– Я, конечно, стратег, аналитик и ведунья, но и в моей голове не укладывается вся эта прорва мелочей. Вот что. Будем медитировать на наглядное пособие.

– Как-кое пособие? – молодой парень по имени Жорик – так все его и называли, хотя по паспорту он был Георгий – чуть заикаясь уставился на меня и покраснел. Коллеги полагали, что он в меня тайно влюблен, но я никак этому не верила: несмотря на то, что мы были почти ровесниками, Жорика я, да и все наши, воспринимали как ребенка. То ли из-за заикания, то ли из-за маленького роста и совершенно детского лица в россыпи веснушек. Это при том, что он был одним из лучших следователей и обладал совершенно замеча-

тельным даром для этого – мог достоверно распознать как, с помощью чего и когда произошло убийство, ограбление или любое другое событие совершенное со злыми или добрыми намерениями.

– Наглядное, – рванула на склад и вытащила оттуда огромную, два на три метра пробковую доску. В отделе многие увлекались американскими сериалами, вроде «Места преступления» и жаждали перенять у них традицию составлять схемы на таких вот досках, но пока действовали все больше мысленно или перекидывая друг-другу не менее наглядные артефакты-планшеты, способные воспроизвести в воздухе трехмерное изображение – совершенно замечательная штука на стыке технологии и магии, которую разработали специально для Комитета.

Благо, в нашей всеядной кладовке нашлась дрель, и уже скоро одна стена большой комнаты, где работали – точнее, время от времени появлялись – несколько человек, во главе с нашим куратором, превратилась в будущее пособие.

– По горизонтали будет временная шкала. По вертикали – ключевые фигуры всех этих дел. Всех, это точно. Даже те, что нам кажутся не связанными, мы сюда засунем – только за то, что они попались нам на глаза в последний год. Лучше уберем потом и приятно удивимся, чем упустим что-то.

Трое мужчин заразились моим энтузиазмом. А ведь заразить куратора было то еще дело – раньше мне казалось, что он терпеть меня не может, но потом я узнала, что он был

одним из тех, кто выхаживал меня тогда, после Перу, и сам потом потребовал, чтобы я попала к нему в отдел.

– «Мистер Икс» или даже группа «Икс» – таинственное лицо или лица, из-за которых объявлена предварительная мобилизация. Наш первый ключ. Максим Григорьевич Арсенский – второй ключ. Олег Соринский, наш беглый маг, пожалуй, третий – слишком много дел с ним соприкасаются. – я прикрепляла соответствующие фотографии, – Все? Или добавим прямо сейчас кого-то еще?

– Добавим. Тебя, Влада. – от голоса Максима я подпрыгнула. Я резко обернулась и с изумлением уставилась на мужчину, который стоял с упаковкой, полной стаканчиков горячего кофе от известной сети. Повернулась к куратору и недоверчиво приподняла брови. Тот лишь пожал плечами и потянулся к самому высокому из стаканов с пометкой «тройной эспрессо», отпил большой глоток и, будто не замечая моего мечущего молнии взгляда, пробормотал:

– С ванильным сиропом... Как я люблю.

Я снова повернулась к Максиму.

Понятно. Объяснять мне никто ничего не будет. Отлично, сосредоточимся на работе.

Приняла свою чашку кофе – двойной латте без добавок – и уже спокойно спросила его:

– Почему я?

– Ты фигурируешь практически в каждом деле – и далеко не всегда потому, что расследуешь его. Это надо учиты-

вать. Непонятно, что стало точкой притяжения – твой дар, прошлое или работа, но ты сама сказала – нужно учесть все.

Я кивнула. Порылась в столе и прикрепila на нужное место свою фотографию. На ней почему то я выглядела юной и испуганной. Даже не помню, когда это меня щелкнули – в первый рабочий день, что ли?

– В прошлом у нас Паликатель, смерть жены Максима, разборки магических группировок и несколько найденных древних артефактов, – куратор быстро прикреплял в соответствующие места фотографии, стикеры, на которых быстро писал маркерами и нужные бумаги, – Стрелками мы том отметим все связи, пока давайте по верхам.

– Что за древние артефакты?

– Сегодня обнаружили – пока предположительно – связь между находками пятилетней давности и нынешними кражами. Чуть позже объясню.

Я кивнула. К доске подошел Максим:

– Четверо магов, из мести, предположительно, – на этом слове голос его дрогнул, – убивают мою жену. Троиц из них я испортил жизнь; но убил их Соринский. Его мотивы до конца неизвестны – пока отслеживается только желание отомстить за то, что они «сломались». А еще отомстить мне, за то, что из-за моих действий к нему было самое пристальное внимание, и он мало того, что не сделал карьеру, но и вынужден был забыть на время о своих темных делишках. Олег сейчас в бегах; фактически, последнее, о чем мы знаем до-

стоверно, так это о том, что он подкинул орудие убийства в мой магазин. Что касается той группировки, вряд ли они...

– Не совсем, – вздох куратора, – Поскольку Комитет взял на себя обязательства по более тщательному расследованию того дела, нам удалось кое-что обнаружить. А именно связь их группы и тех магов, что в свое время организовали уничтожения нескольких поселений в Перу.

Я изумленно охнула, а Максим застыл. Потом через силу кивнул и отошел в сторону. Мы добавили Тимура и его смерть от руки Олега; Сергиева, Ольшанскую и Ширинова – мага, которого я отвергла; убитого курьера, перевозившего приборы для «АрсАрха».

– Убийство Ольшанской под вопросом, – задумчиво протянул Жорик, – это точно не Олег и это точно наша вина.

– Чья вина? – вскинулся куратор.

– Комитета.

Я кивнула. Тоже пришла к такому выводу:

– Её убили, потому что мы заинтересовались её деятельностью после моего расследования. Значит, побоялись, что можем раскопать что-то. И предпочли убрать своего сторонника – либо она была не настолько ценной, чтобы рисковать; либо напротив, знала что-то настолько важно, что рисковать было никак нельзя.

– Значит, она связана с «Икс». И это говорит об одном – мы должны еще плотнее заняться изучением её дел. Я отправлю запрос, чтобы её полностью передали в наш отдел.

Кто дальше?

– Что. Ставим сюда лунницы, – и давнюю историю с их появлением; а также кражи в музеях. Вот полный список и предварительные выводы наших магов. Деятельность «АрсАрха» сюда же; магазин в Риме; подпольная деятельность магазина; незаконные исследования и источник...

– Готов поделиться всей информацией, – даже чуть обиженно пробормотал Максим, а я хмыкнула. – Тогда прибавляем твою археологию и то, что ты скрываешь, что ты маг. А также то, что ты дочь главы Комитета.

Я чуть поморщилась, но подписала стикеры и приклеила на нужные места.

– И то, что ты выжила в Паликателе, – мягко сказал куратор и добавил еще одну бумажку.

Сзади поперхнулись. Ну да, ни Жорик, ни Степа не знали этих подробностей, но раз мы уже сформировали команду – а выглядел этот сбор, определенно, командой, – то подобного незнания быть не должно.

– Приборы, которые собирали в лабораториях «АрсАрха»; пожалуй, добавлю сюда любые упоминания магических вещей и артефактов, которые вообще скользнули, даже по краю сознания. На всякий случай. Ну и все связи – предлагаю использовать нитки разных цветов и закреплять их булавками. Красная нить – все что связано с насилием. Зеленая – все что связано с магией, исследованиями и применением различных артефактов. Желтыми обозначим личные

взаимоотношения и знакомства. И черными – все остальное.

Еще с полчаса мы трудились, переплетая множественные нити, не менее причудливо, чем судьба переплела их в реальности.

Отступили и полюбовались на получившуюся пеструю картину.

Куратор вздохнул и потер устало виски:

– Это стоило сделать. А теперь по домам. Как бы вам не хотелось «помедитировать», но надо хоть иногда спать – завтра ведь нам снова «в люди», исполнять свои роли...

Четыре пары возмущенных глаз уставились на мужчину и он чуть ли не расхохотался.

Ну да, ведь это он нас всех вызвал в отдел, а теперь такая прочувствованная речь.

– Я подвезу тебя, – Арсенский приглашающе открыл дверь, и мы вместе спустились в холл совершенно неприметного здания в переулках центра Москвы.

Скромная табличка на двери гласила: «Магическая школа улучшенных способностей экспериментального характера при правительстве города Москвы».

Бессмысленный набор букв, который никто не дочитывал до конца.

Мы сели в машину и мужчина мягко вырулил со двора:

– Удивительно, что ты не отказалась от моего предложения.

– Не удивительно, – я пожала плечами, – Мне просто не

терпится узнать наконец, что за штуковину ты собирал у себя в римских подвалах?

Мне показалось или Максим немного смутился?

– Машину времени, – наконец, признался он.

Было бы чем поперхнуться – поперхнулась бы.

– Маши... ты серьезно?

– Я похож на комика? – прозвучало раздраженно. Кажется, этот вопрос ему задавали регулярно. Если было кому задавать – вряд ли Арсенский делился подобной информацией направо и налево.

Но в Комитете, уверена, нашлось немало народу, кто оказался в курсе.

– Объяснишь? – постаралась я сказать как можно мягче.

Арсенский вздохнул и нажал на педаль газа. Ехать ко мне было недалеко, но он, почему-то, выбрал длинный путь. Даже не путь – похоже ему просто хотелось прокатиться.

Я не возражала.

– Я знаю, что попасть в прошлое нельзя, – начал, наконец, мужчина, – не дадут энергетические и физические поля. Человек ли, маг ли – мы все привязаны к здесь и сейчас, по меньшей мере своим телом. А мыслями живем черти где... Вот в этом и заключалась моя идея. Использовать мысль и магическую энергию как проводника – для проникновения в прошлое или будущее. Это напоминает...

– Мой дар?

– Да. А ты поняла, – Максим был, кажется удивлен. Ин-

тересно, мне стоит оскорбиться? – Я тебе рассказывал про спираль времени и про предметы, которые должны... назовем это «лежать» на витках спирали. Так вот, я планировал не просто рассчитать соответствия разных предметов в разное время, но использовать их для проникновения пусть хотя бы мысленным взглядом в заданные промежутки. И когда – и если – это получилось бы с прошлым, то попробовал бы и с будущим. А потом, возможно, и научились бы влиять на что-то внутри структур времени... Научились же некоторые маги двигать предметы без прикосновений – так почему не делать это в иное время? – он замолчал, будто не желая говорить дальше, пока не услышит мой вердикт.

Ну уж нет, в комнату с мягкими стенами я его не отправлю.

– По-моему, это гениально.

Даже дернулся. Похоже, ему редко об этом говорили.

– Правда?

– Да. Я хорошо понимаю твою задумку и хорошо знаю, что окружающие будут сомневаться в ней. Мой дар очень редок; когда я описываю его, многие думают, что я вижу что-то типа неких фантазийных снов, сродни интуиции. Они не понимают, что я действительно вижу прошлое – просто в слегка преобразованном виде.

– То есть, ты и есть моя машина времени?

Мне понравилось, как прозвучало слово «моя». Но я постаралась не заикливаться на этом.

– Да. Похоже... Так на какой ты стадии исследований?

– На стадии сборки и тестирования отдельных теорий и способов.

Мы немного помолчали, но я не выдержала и задала мучающий меня вопрос:

– Скажи... Ты пытаешься действительно сделать механизм, способный менять... события в прошлом?

– Твой отец задал тот же вопрос. И с теми же эмоциями – страх и тайная надежда, даже больше мечта.

– Ты стал эмпатом?

– Я всегда был эмпатом – на не-магическом уровне. И я понимаю, о чем вы спрашиваете. Есть ли шанс вот сейчас, из будущего, изменить прошлое вашей семьи? Спасти твоего брата? Или мою жену? – голос Максима звучал все глуше, – Я много думал об этом. И знаешь, что понял? Что не стал бы ничего менять. Не потому, что не хотел бы, но потому, что я только потом узнаю, от чего на самом деле нас уберегли высшие силы. Ведь, вполне возможно, меня бы попытались тогда остановить не смертью Али, а взялись бы за Никиту. А в твоём случае... Влада, я знаю, произошло страшное, и ты, наверняка испытываешь чувство вины до сих пор – я вот его испытываю – но просто представь, не было ли произошедшее самым... оптимальным развитием событий? Не только для тебя, для всех? Вдруг бы этот мир взял в качестве платы не жизнь маленького мальчика, а твою и твоих родителей – и Комитет бы не существовал в таком виде, вы бы не боролись

против беспредела и оказались уничтожены миллионы?

– Тебе, похоже, хорошо промыли мозги, – буркнула я недовольно.

– Нет, это мои собственные выводы. Согласен, я относился к сообществу довольно предвзято, но я никогда не отрицал его... скажем так, сохраняющую роль.

Я кивнула, принимая его аргументы.

Мы, наконец, свернули с кольца и поехали в сторону моего дома.

– Пообедаем завтра? – спросил он неожиданно.

– Ммм... по делу? Или это... просто так?

– А имеет значение?

– Для согласия – нет. Для понимания происходящего – имеет, – я не собиралась делать вид, что мне плевать. Но и лезть на баррикады не хотелось.

– Просто так.

– Пообедаем.

Максим вдруг улыбнулся:

– Вот странно. Мы знаем друг о друге гораздо больше, чем раньше, а ведем себя гораздо осторожнее.

– Ничего странного. Вспомни теорию «попутчиков в поезде».

– С чужим человеком чувствуешь себя проще и свободнее?

– Да. Потому что его неприятие тебя или твоих историй не делает тебе больно.

Мужчина вздрогнул:

– Я ведь обидел тебя, Влада?

– Я тоже обидела тебя, Макс. Но теперь мир?

Он затормозил перед моим подъездом, вышел и открыл мне дверь машины:

– Мир. Но это не единственное, что я хочу.

– А что же ты хочешь еще? – я вышла и прямо посмотрела в его глаза. Но мужчина лишь отрицательно покачал головой:

– Я рад, что мы на одной стороне. А теперь иди – осталось совсем немного времени до того момента как мы снова «будем играть свои роли».

Я хмыкнула, двинулась в сторону подъезда и будто невзначай провела рукой по его ладони. Мне понравилось, как дернулась кисть:

– До завтра, Макс.

– До завтра, Влада.

Глава 5

Высокая черноволосая женщина стояла на холме. Была глубокая ночь, но не из тех, что черны, как подземелье, куда никогда не проникает свет. Эта ночь была освещена и священна: тонкий серп луны, только проявившийся на небосклоне. Несколько звезд, что первыми становятся видны. Серебряная дорожка в небольшом озере, лежавшем как раз под холмом.

Женщина была не молода и не стара, но, безусловно, красива. Бело-снежная кожа, сияющая даже в темноте; большие глаза, пухлые, непрестанно шевелившиеся губы. Её тонкие пальцы были грязны; под ногтями забились земля. Она перетирала эту землю, раз за разом вглядываясь в комки, падавшие ей на ладони.

Потом бросала её и зачерпывала новую; всматривалась в ладонь: то хмурилась, то улыбалась, видя то, что неведомо другим.

Волосы растрепались вокруг серого капюшона, прикрывающего голову. Тело чуть вздрагивало в такт её действиям, а в прорези накидки то появлялись, то исчезали лунницы, висящие каждый на своем кожаном шнурке.

Женщина была похожа, одновременно, и на сумасшедшую и на богиню; но не являлась ни той, ни другой. Ведунья, наместница, и связующее звено с богами – её лик был так

же многогранен, как и сами боги, а дела такие же разные как у них. Её любили и не любили, боялись, ненавидели, поклонялись, игнорировали – как и их.

Наконец, она удовлетворенно вздохнула, глядя на ладони с землей, отряхнула руки и принялась петь, перебирая один за одним амулет, что висели у нее на шее.

Односельчане полагали, что ей важно быть значимой, важна какая-то власть или дары, богатства, что они тащили к её дому в надежде за-молвить за себя словечко, но они ошибались.

Все, что её интересовало – возможность быть голосом богов. Их руками. Глазами и ушами.

Боги видели благодаря ей, Смотрящей со звезд.

А вот она не замечала ничего.

И на этот раз это стоило ей жизни.

Как раз в тот момент, что её песня достигла апогея, чей-то меч во-ткнулся ей в спину, практически мгновенно умерщвляя плоть. Женщина по инерции допела слово и тут же начала захлебываться кровью.

Она упала лицом вперед. И, умирая, не способная ни двигаться, ни думать – только смотреть – следила за тем, как чьи-то руки переворачивают её и срезают со шнурков амулеты.

Те прощально звякнули и мир вокруг погрузился во тьму со сверкающими полосами. Чернота все разрасталась, заполняя каждую частицу существования и...

Огонь прошелся по венам, а сладость и страсть долгого, невероятного поцелуя наполнила все мое существо...

Поцелуя?!!

Я ойкнула и окончательно пришла в себя, замерев и открыв глаза.

Прямо передо мной было лицо Арсенского.

Судорожно вздохнула. Ну конечно. Лаборатория, исследование – а меня затянуло в прошлое. На этот раз я сама решила погрузиться максимально в эту историю, и хорошо, что существовало правило на такие случаи не делать этого самой.

– Прости. Другим вариантом вытащить тебя была разве что пощечина, – глаза Максима смотрели хитро, но беспокойство пополам со страстью, расходящиеся от него волнами, как круги по воде, сказали мне о многом.

Ох.

Губы горели и я подавила желание их потрогать.

– Давно я... так?

– Прилично. Я успел испугаться. Увидела что-то?

– Да, – я кивнула и отстранилась, наконец, от мужчины.

Я рассказала Арсенскому все, что увидела.

– Тебе знаком этот ритуал?

– Нет. Точнее, общение с богами в трансе присуще шаманизму, конечно, но что-то странное было в ритуале, что выделяет его. Не могу пока понять.

– А почему земля?

– Некоторые знахари и ведающие так гадали – искали знаки судьбы.

– И кому это могло помешать?

– Не понятно. Убийца не злился, не жаждал наживы – он пришел именно уничтожить её. И почему то мне кажется не ради того, чтобы взять амулеты. А лунницы почему забрал... Пока я не понимаю. Конечно, было бы здорово проследить историю этих семи, но они слишком распространены, чтобы мы могли сделать какие-то выводы. Так что придется полагаться на наши эксперименты и то, что мы раскопаем в современности. Как твой аппарат, готов?

– Почти. Обещали привезти завтра.

Дверь открылась и на пороге появился Никита. Недовольно поморщился, увидев отца – так он реагировал и два предыдущих дня, что мы встречались в лаборатории.

Мне оставалось лишь надеяться на благоразумие обоих.

– Удалось найти что-нибудь? – я посмотрела на младшего Арсенского.

– Да, – буркнул он и снова недовольно посмотрел на старшего, – Пап, там кажется тебя спрашивали...

– Подождут. Мне тоже интересно, что ты выяснил про богов и звезды.

– Ну хорошо, – губы Никита поджал, но, по мере рассказа расслабился, – Пришлось просмотреть немало самых разных источников по этой теме, но, поскольку ни у кого на это не нашлось времени, – лукавая усмешка ему шла, – у меня по-

лучилось совместить все символы, богов, планеты и истории про них. Итак, семь лунниц, семь видимых славянами планет с Земли: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн. Помните, мы анализировали состав каждого амулета и удивлялись, что они немного различались, при том что основной материал – бронза? Теперь эти различия можно понять. Солнцу соответствует золото, Луне – серебро, Марсу – железо, Меркурию – ртуть, Юпитеру – олово, Венере – медь и Сатурну – свинец.

– Но как это возможно? – Максим хмурился, – Разве тогда были подобные открытия и возможность различать и использовать металлы настолько точно?

– Официально – нет. Но сам знаешь, не официально могло быть все что угодно... Так вот, Солнце – это Дажьбог, сын Сварога или один из его ликов – Ярило. Луна – Мара, Морена. Марс – Яровит, как яростный или Сварожич, как сияющий. Меркурий – Велес, Юпитер – Перун. Венера – это Лада, или даже Лада и её дочь – Леля: две богини-рожаницы, соответствующие вечерней и утренней «звезде». И Сатурн – скорее всего, Чернобог – темнота, время, противопоставление Солнцу. Но и это еще не все. Здесь же мы наблюдаем движение от жизни к смерти, от Солнца к Сатурну...

– Жизнь, ум, сила, речь и рост, судьба, чувства, смерть... – медленно перечислила я, вспоминая последовательность.

– Да.

– Кажется, я теперь понял обратный принцип философии

ского камня, – улыбнулся Максим.

– Который превращал свинец в золото? – заинтересовался Никита.

– Ага. Движение от смерти к жизни, от Сатурна к Солнцу. Алхимики средневековья, похоже, знали немало.

– Люди вообще знают немало, – я тоже улыбнулась, – Другой вопрос, мы или забываем это или не хотим рассказывать.

– Ну, на первый случай у нас есть археологи, а на второй – Коми-тет, – пошутил Арсенский и я послала ему предупреждающий взгляд. Посвящать Никиту в нашу работу в Комитете я не считала правильным – не то чтобы он мог рассказать об этом, просто мне не хотелось ставить парня под удар, раз уж обстановка настолько неоднозначна.

– В общем, мы получаем довольно стройную картину. Как только выясним с помощью нового анализатора, какие вибрации скрывают – или скрывали – лунницы и пойдем, обереги это были или все-таки артефакты, способные что-то изменить, будет понятнее точка приложения, – продолжил Никита, явно гордясь собой – Мне кажется, есть два варианта. Как бы воздействие на богов – просьбы о помощи, например, благодарность; или же что-то вроде охранных талисманов.

– Вот еще третий.

Я рассказала свое видение и Никита растерялся.

– Проводник наоборот, – объяснил Максим, – представь, будто боги создали эти амулеты и использовали ведунью в качестве... передатчика.

– Но разве боги могли что-то создавать? Разве они существовали?

– А что такое бог?

– Высшая сила.

– Насколько высшая? Применяемая в реальной жизни? Магию ведь тоже называют высшей силой. Может и сейчас и раньше боги были среди нас, растворенные во всем, что существует...

– Во всем? Даже в плохом? – голос Никиты неожиданно дрогнул. Он посмотрел на отца и тот вздохнул, подавив в себе, похоже, желание потрепать парня по вихрам – не допустил бы младший такого.

Я мягко улыбнулась:

– Древние славяне говорили: «Во всё́м истая Воля Родова проявле-на, всё́ является частью Всемирья, частью Пластины...». Западная традиция предполагает, что мир живет в противопоставлении – черного и белого, добра и зла, Неба и Подземелья...

– Рая и Ада?

– Ага. Но язычники, славяне например, всегда видели картину мира более цельно. Для них не было плохих богов или хороших, все пользовались достаточным почтением. Во всем видели проявление божественного. В каждом деянии – человеческом ли или том, что полагали божественным – проявлением сущности Вселенной. К тому же, у каждого явления, у каждого человека предполагалась темная сторона.

От которой не следует прятаться. Потому что отвергая Тьму,
мы отвергаем часть себя.

Глава 6

– Один из интереснейших артефактов прошлого, уникальная археологическая находка сделанная в селе Мальты, расположенном в восьмидесяти километрах от Иркутска на реке Белой – «мальтинская» пластина, – продолжала я лекцию, – Её сначала считали лишь пряжкой от ремня, и только потом поняли, насколько уникальная вещь была найдена. Древний календарь, да не просто календарь, а чрезвычайно гибкая, мастерски сконструированная, комбинаторная календарная система. Конечно, впоследствии маги не могли не обратить внимание на эту пластину и выяснили, что она использовалась не просто для наблюдений. Вибрации, заложенные в её структуру, помогали пользователю календаря как бы «чувствовать» время. Если проводить аналогию – это были «умные часы», посылающие владельцу уведомления. Умные и весьма закодированные часы.

– Почему они были закодированы? Люди боялись, что их знания станут известными кому-то плохому? – кто-то из первокурсниц, я не разобрала кто.

– Не факт. Вполне возможно, кодировка была связана просто с необходимостью разместить на малом носителе большое количество информации. Микросхем и битов тогда не было, как вы понимаете. Лишь тонкие иглы и точки. Смотрите. – я вывела на экран проектора изображение пла-

стины, – Казалось бы, набор пунктирных линий и хаотичных дырочек. Много лет прошло, прежде чем в них разобрали семь опорных, «золотых чисел», в которых предельно емко и экономно зашифровали астрономические знания, накопленные за тысячи лет наблюдений за небом. С их помощью палеолитический человек мог следить за временем не только по годам, но и по значительно большим периодам за временем.

– Палеолитический человек? – сомнение в голосе Марии меня даже позабавило.

– Наши предки были не так уж глупы, – я подмигнула, – Впрочем, некоторые исследователи считают, что многие знания остались после исчезнувшей цивилизации. Их можно понять – очень сложно поверить, что люди, жившие «стоянками» на земляных полах могли разбираться в лунных циклах и отсчитывать дни солнечного года. Тем не менее, могли. С помощью таинственных предков или нет – мы пока не знаем. Вот, например. Центральная спираль вместе с малыми спиралями правой части пластины позволяет отсчитывать дни солнечного года: двести сорок три плюс шестьдесят два плюс сорок пять плюс четырнадцать – получаем триста шестьдесят четыре. Более того, в пластине зашифрована информация и о регулярных полных затмениях. Суть закономерности в том, что каждые восемнадцать лет и одиннадцать суток Солнце, Луна и узлы лунной орбиты возвращаются точно в те же положения относительно друг друга.

Этот цикл называется «саросом» и считается чуть ли не важнейшим астрономическим открытием древнего мира. А теперь представьте, что если археологические данные верны, древние люди Мальты определили сарос и его продолжительность за двадцать тысяч лет до жрецов Двуречья, Нила и Хуанхэ! Кто вспомнит, когда еще мы говорили о саросе и затмениях?

– Стоунхедж, – кивнул мне Никита.

– Верно. Стоунхендж занимает исключительно удобное положение для наблюдения за небесными телами, поскольку из него видно горизонт почти на три мили во все стороны. Методы, которые там использовались, пока существуют только в теории. Столбы, ямы, расположение – все ведет нас к тому, что в древности там был довольно грубый «компьютер» позволявший предсказывать затмения, в чем, собственно, и заключалась чуть ли не основанная задача местных жрецов. И не только местных.

– Почему?

Я пожала плечами:

– Ныне можно лишь предполагать, какой ужас охватывал людей, когда случались затмения Луны и Солнца... Непонимание, страх, ощущение, что все кончено. Постоянные апокалипсисы. Конечно, человек старался сделать подвластной стихию звездного ужаса; это в нашей натуре – учиться контролировать природу ради собственной безопасности. И первый шаг на пути контроля всегда было понимание, что

же именно происходит.

– А разве мы делаем открытия не ради тяги к знаниям?

– А зачем нам знания?

– Ну... Чтобы жилось легче.

– Ага. Легче, безопасней, понятней. Ощущение, насколько мы маленькие посреди огромной Вселенной, было не столько мешающим фактором, сколько огромной мотивацией. Некоторые шутят, что прогресс стал возможен потому, что человек ленив и всего боится, но это не такая уж и шутка.

* * *

– Как думаешь, откуда у Тимура взялась твоя схема машины времени?

Я аккуратно взяла первую лунницу и положила её ровно в центр круга. Потом закрыла анализатор, созданный специально по заказу Максима, и нажала комбинацию клавиш. Предстояло подождать – и довольно долго. По предположению создателей этого информатора совершенно нового типа – думаю, после доработки компания обязательно предложит их некоторым магическо – археологическим институтам – анализ займет от получаса до суток.

– В Комитете задавали такие же вопросы, – Арсенский вздохнул, чуть передвинул стул, задев меня рукой, и уселся на нем с задумчивым видом.

Это стало его постоянной игрой. Или не игрой.

Дотронуться. Провести невзначай по рукаву. Приобнять, будто придерживая, чтобы я не упала. Задержать руку долъ-

ше положенного или смахнуть с лица упавшую прядь. Каждый раз от его прикосновений или почти опасной близости у меня перехватывало дыхание, но я держалась.

Пожалуй, исключительно на новой модификации таблеток, не дающих моему внутреннему огню вырваться, и понимании, что мы уже слишком наворотили дел. Снова с порога вваливаться в «особые» отношения я не была готова. Слишком уж болезненно далась мне прошлая ситуация и слишком уж много серьезной работы нам предстояло. Стать парой, даже не надолго и снова расстаться – а повод при наших темпераментах и образе жизни найдется – я не могла себе позволить. Это означало бы прервать расследования или сделать их невероятно болезненными и неэффективными.

Потому я сдерживалась, хотя, порой, хотелось отбросить все сомнения и ограничения, которые я сама же и установила, отбросить прошлое, настоящее и будущее и погрузиться с головой в чувственность и невероятную харизму мужчины.

Хотелось до дрожи в коленях, до жарких эротических снов, до помрачения в голосе, когда я чувствовала его запах. И тут никакие таблетки не помогали – да, я сдерживала себя, но мои чувства не имели никакого отношения к магии.

Давно уже.

Я не знала, что думал Максим по этому поводу. Я запретила себе размышлять об этом, прислушиваться, считывать его эмоции, боясь то ли разочарования, то ли накала страстей, которые он вполне мог продемонстрировать. Я не зна-

ла, зачем он все время прикасался ко мне и звал на обеды, ужины; старался сесть максимально близко и не скрывал, порой, своего задумчивого, темнеющего взгляда. Это не было похоже на провокацию или соблазнение. Скорее, на его собственную неспособность удержаться от подобных действий. Или отказаться от них.

– И что ты им ответил? – спросила я, вспомнив о теме нашего разговора?

– Что единственный способ узнать про нее – это влезть в мой компьютер, голову или римское предприятие. Если Тимур не был в Риме и не отправлял туда никого, то, скорее всего, он поработал с информационными данными. Могло быть такое.

Я задумалась:

– Могло. Тимур был талантливым хакером, обладавшим магической интуицией. Только непонятно, почему он вдруг тобой заинтересовался – задания на тот момент такого не было.

– Мало ли. Заметил какие «странности» с «АрсАрхом» или отследил груз. Решил самовольно проверить, получил схему, укрепился в своих подозрениях...

– И не поделился ими?

– Как помнишь, пытался.

Я кивнула. Жаль, что это попытка закончилась настолько печально. Мой коллега не успел ничего рассказать, потому что обнаружил слезку – не за собой, а за объектом своего

слежения. Пошел за Олегом, чтобы выяснить, что происходит...

Вздохнула.

Анализатор пропищал. Мы обратились к нему, но он всего лишь выставил время – двадцать часов.

– Значит, пойдем ужинать, – утвердил Максим мои планы на сегодняшний вечер.

Я позволила себе усмешку. Ну что, Влада, почему не сопротивляешься такому тону?

Не хотелось. Мне было настолько комфортно, несмотря на явное напряжение между нами; мне настолько нравилось наше общение и разговоры, что я не хотела сопротивляться этому.

Мы же коллеги. Так что нам мешает вести себя как коллегам?

И потом, меня не оставляла мысль, что если не я пойду с ним ужинать, он может пригласить кого-то другого.

Из-за позднего часа пробок уже не было, и мы довольно быстро добрались до ресторана, в котором уже бывали. Максим помог мне раздеться – руки его задержались на моих плечах – и мы уже двинулись в сторону зала, как вдруг от порога кто-то проорал:

– Владины́нка!

Я повернулась, недоуменно моргнула и всмотрелась в огромного, как медведь, мужчину в свитере и джинсах, который раскрыл мне свои руки.

Не может быть...

Я радостно взвизгнула и понеслась вперед, подпрыгивая, что мне, в общем-то не свойственно. На краю сознания почувствовала волну бешенства, исходящую от Арсенского, но меня тут же затопила настолько неприкрытая нежность, что я счастливо зажмурилась:

– Пе-еня-я...

Глава 7

– Малыш, что за злобный трактор у тебя за спиной? Жен-них?

Мне стало вдруг ужасно весело и задорно. Я сдавленно хихикнула и мотнула отрицательно головой, не отпуская шею гиганта. Только Владимир Пеньковский, который был меня старше на двадцать лет, мог назвать меня «малышом», с учетом моего роста, а великого и ужасного Арсенского – «трактором».

В этом был он весь.

Огромный, грубоватый, умный, бесконечно добрый и любимый. Умеющий вызвать мой смех даже в самые тяжелые периоды.

Друг. Наставник. Спаситель.

В какой-то мере «коуч», как было модно сейчас выражаться-ся.

Я провела с ним детство, и именно он гораздо позже вытащил меня из глубочайшей депрессии. А потом обучил многим тонкостям профессии – археологии, если быть точной. «Пеня», как я его называла еще малышкой, конечно, знал, что я маг и даже был в курсе, что я пошла работать в Комитет – не одобрял, но не отговаривал – но его это не слишком волновало. Он искренне верил, что каждый сам определяет свою дорогу.

А его дорога была... дорОгой.

– Ты когда вернулся? – опустила я, наконец, на пол. «Пыхтение» сзади меня усилилось, но я не торопилась разубеждать Максима в том, во что он уже успел поверить. Ему полезно помучаться.

Мы же «коллеги».

– Вчера. Собирался звонить тебе, правда, я не был в курсе, что ты тоже перебралась в Москву. Довольно неожиданно.

– «Тоже» к тебе не относится, а «неожиданно» произошло с пол года назад. Если бы ты хоть иногда выбирался из своих джунглей и пустынь, был бы в курсе.

– Э нет, в этот раз я проторчал там, где было гораздо холоднее.

– И гораздо хуже связь. Я не слышала о тебе почти год! – я, нако-нец, обернулась и как ни в чем не бывало улыбнулась Арсенскому, – Знакомьтесь. Это мой друг, Владимир. А это Максим... Тоже мой друг.

Хм, а ведь того прям дернуло. Раздражение его ощущалось без всякого дара, и я почти не удивилась, когда мужчина хмуро спросил у Пеньковского:

– Вы, кажется, уходили?

– Уже нет, – жизнерадостно ответил Владик и подмигнул мне, – Выпью с вами чаю, а потом отправлюсь дальше.

Он попрощался со своими спутниками, которые действительно стояли у порога, и спокойно снова прошел внутрь ресторана.

У Максима разве что пар из ушей не пошел.

Я лишь пожала плечами и прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Ревнующий Арсенский выглядел ужасно... мило. Кажется, самое время отпустить ситуацию – пусть все идет естественным путем.

Мы заказали чай – и еду нам с Максом заодно – и полностью погрузились в рассказ Владика о его последних находках, экспедициях и достижениях. Мой друг так умел: появиться из ниоткуда и перетянуть на себя все внимание, окутывая каждого, кто окажется в поле его зрения неудержимой энергией и восторгом самого существования. Вот удивительно, что в нем не было ни капли магии, и все это являлось совершенно природным человеческим обаянием.

Я невольно сравнивала двух мужчин.

Жесткого, холодного снаружи, но раздираемого чувствами и эмоциями внутри Арсенского, выступавшего в роли хищника и следившего за всеми с прищуром.

И добродушного, открытого «травоядного», с охотой делившегося своим ощущением счастья со всем миром. При этом уж я то знала, насколько негибачаемый стержень был у него внутри.

– Так вы давно с Владой работаете вместе? – прервал Максим по-ток красноречия.

– Не только работаем, – не моргнув глазом расплылся в широкой ухмылке Пеня. Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться, настолько перекосило моего спутника. Ну ладно,

хватит, а то я точно не оберусь последствий.

– Владимир научил меня всему, что я знаю о полевой археологии, наравне с мамой. И потом он стал первым из людей, кого я допустила в круг общения после... Паликателя. Кроме родителей, конечно. Фактически, он со своим неиссякаемым оптимизмом заставил снова посмотреть на этот мир как на что-то, что стоило любить. В отличие от психологов.

Володя удивленно посмотрел на меня, но тут же кивнул своим мыс-лям.

– Да, он часто говорил мне, что я когда-нибудь смогу спокойно об этом говорить. И когда-нибудь найдутся люди, с которыми я захочу об этом говорить.

– Дурацкие психологи, – передернул плечами друг, – все пытались разобраться с тем, насколько ужасно она себя чувствует, вместо того, чтобы показать, насколько прекрасна жизнь вокруг. Когда я снова встретил, Влада была похожа на дикобраза, с иголками торчащими не только наружу, но и внутрь...

Ассоциация была так себе, и я принужденно улыбнулась, потрепала Пеню по руке и потребовала новой порции рассказов о приключениях. Более того, я потребовала, чтобы мы попробовали совместить наши графики на будущий год и на раскопки со студентами он отправился со мной.

Тот просиял.

Максима снова перекосило, но уже меньше. Он вообще сделался молчалив и задумчив и даже когда Владимир ушел,

выпив чай, а мы продолжили наш ужин, не задавал мне никаких вопросов и только время от времени вставлял ничего не значащие реплики.

Его явно что-то тяготило, но я не могла понять что.

Он оплатил счет и помог мне одеться, а потом придержал дверь на улицу. Наши руки соприкоснулись, и пальцы тут же, будто жили своей жизнью, переплелись, пока мы шли к машине.

Было что-то удивительное в этой ночи, морозном воздухе, затихшем шуме большого города; в его горячей ладони и сильном пожатии. Что-то настоящее. Я погрузилась в это странное ощущение и вздрогнула, когда услышала хриплый голос:

– Как подумаю о том, что они могли бы тебя убить...

Так вот что его беспокоило. Теплая волна, не имеющая отношения ни к магии, ни к желанию, пробежалась по моему позвоночнику.

– Могли бы. Но не убили.

– И мы никогда бы не встретились, – Максим будто не слышал меня.

Я повернулась к нему:

– Вот поэтому я и делаю все, чтобы подобного не произошло снова. Да, мы часто не знаем, что есть наша судьба и сколько нам отведено, но я не хочу позволять горстке безумцев решать это за нас.

Он кивнул и притянул меня к себе, так, что я уткнулась

лицом в его грудь. Его объятия стали крепче, а я почувствовала себя в полной безопасности.

В голове бродило множество мыслей, а в крови – жажда приключений. То ли на меня подействовала так встреча с Пеньковским, то ли общее возбуждение и ситуация, но несмотря на то, что была ночь, домой и спать не хотелось.

Максиму, похоже, тоже. Потому что он не торопился сесть в машину.

Я чуть отстранилась, задрала голову и лукаво улыбнулась:
– Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться по музеям?
– Сейчас? – брови Арсенского недоуменно поползли вверх.

– Конечно. Самое подходящее время.

* * *

Хихикая как два идиота, мы крались по залу археологического музея. Аварийного освещения и заглядывающей в окна луны нам было достаточно, чтобы не сшибить ничего.

– Я, между прочим, не подвизывался нарушать закон, когда соглашался работать на Комитет, – сдавленно прошептал Максим, тем не менее даже не пытаюсь притвориться возмущенным, – Разве мы не могли просто подать заявку на приход сюда – да пусть даже ночью – вместо того, чтобы залазить в окна, отключив магическую и обычную сигнализацию?

– Могли. Но это не было бы так интересно.

Арсенский покачал головой, но тут же начал преувеличенно вскидывать ноги, как заправский вор из мультика и приставлять раскрытую ладонь к ушам.

Теперь уже я покачала головой.

На самом деле сама атмосфера ночи и тайного проникновения нужна была именно мне – чтобы лучше почувствовать, что же здесь искали и с каким настроением.

Наконец, мы добрались до нужного места. Простая витрина, где ровными рядами были выложены разнообразные тщательно очищенные амулеты древних славян.

– Тш-ш, – приложила я палец к губам и сосредоточилась. А потом уже аккуратно подняла стеклянную крышку и провела рукой над оставшимися украшениями.

Нахмурилась и провела еще раз.

Попросила Максима придержать для меня стекло и принялась пере-бирать и поглаживать кусочки металла.

– Что то не так? – спросил мой спутник, когда я, наконец, оторвалась от своего занятия.

Недоуменно пожала плечами:

– Сама не могу понять. Почти ничего не чувствую, только раз за разом возвращаюсь в ту ночь, когда убили нашу ведущую, на холме. У меня так никогда не было, чтобы предыдущие, пусть очень яркие видения, перебивали нужную сейчас картинку. Очень странно. Я, конечно, прониклась судьбой и значением лунниц, но чтобы настолько...

– А ты уверена, что эти события никак не связаны?

Я внимательно посмотрела на лежащие передо мной предметы:

– Но здесь нет ничего, относящегося к тому же периоду.

– Не совсем это имею в виду...

Я снова прислушалась к своим ощущениям, достала планшет и быстро начала просматривать информацию. А потом и компоновать её немного по-другому, нежели это сделали сотрудники Комитета.

– Черт! – я не могла поверить своим глазам.

– Нашла?

– Да. Неудивительно, что я никак не могла оторваться от образов, что мне давали лунницы. Ведь если бы Никита не отобрал нужную информацию, мы долго провозились... Смотри. – Я вывела на поверхность трехмерную светящуюся голограмму. – Весь этот «мусор», как выразился куратор, следовало разбивать не по датам происхождения или находок, не по материалам или местам, где они были использованы, а по всем тем же семи планетам или понятиям, что мы уже просматривали сегодня. По семи металлам, дням недели и прочее, прочее, прочее. Черт, даже те артефакты, пропада которых была обнаружена довольно давно – помнишь, мы на доску еще их заносили – теперь вполне вписываются в общую картину. И знаешь, в чем ужас?

– В чем?

– Я понимаю, что собирают это ради какого-то мощного ритуала или даже механизма, но я никак не могу представить

даже близко, что именно они пытаются сделать. И аналитики будущего, между прочим, тоже. А у нас работают лучшие!

Я вздохнула. Игривое настроение пропало само собой. Да и куда ему было оставаться, если масштаб происходящих событий достиг уже угрожающих размеров?

Было чувство, что задействован весь мир.

Было чувство, что задействованы все времена.

И все маги – а вместе с ними и люди – тоже оказались вовлечены в водоворот, который запустил кто-то с гениально извращенным умом.

Или умами.

Чего же они добиваются? Ответа на этот вопрос не было, но именно он нам и нужен. Чтобы понять, куда двигаться дальше.

– Зато мы теперь можем предположить, за чем преступники могут охотиться дальше, – нарушил тяжелое молчание Максим.

– Угу. Если только они не собрали уже все, что было нужно, – ответила я сварливо. И замерла.

– Но ведь...

– Тш-ш, – прервала я негромкий голос Арсенского и быстро выключила планшет. А потом затащила недоумевающего мужчину в самый темный угол. Правда, недоумевал он всего пару секунд.

Почувствовал.

Я такие вещи воспринимала довольно остро, потому что

тренировалась всю жизнь. Вот и теперь, стоило в соседнем зале появиться кому-то – кому-то опасному, и это точно был не охранник музея – как все мои чувства обострились до предела и чуть ли не начали передавать мне картинку теплового движения.

Тихо, еще тише чем мы, и быстро, будто вовсе не касаясь пола, человек перемещался в примыкающем помещении.

В нашу сторону.

Я приготовила артефакты и активировала один из них. Легкое размытие и мы совсем никому не заметны, даже сильному магу. Пусть ненадолго, но нам этого должно было хватить, чтобы оценить обстановку.

Впрочем, мои инстинкты уже оценили её. И вопили что есть мочи.

Наконец, мужчина – а это стало ясно по силуэту – зашел в наш зал, и целенаправленно двинулся в сторону большого шкафа.

Украсть что-то? Серьезно?

Не слишком ли явное совпадение, что мы оказались здесь одновременно с вором?

И не слишком ли странно возвращаться туда, где уже были изъяты нужные вещи; да еще и не заметить, что сигнализация уже снята?

Все эти события и мысли заняли у меня лишь несколько мгновений. Но и этого хватило, чтобы отвлечься.

Вылазка к шкафу была лишь предлогом. Обманным ма-

невром, для того чтобы выпустить «эрку» – бомбу, в которую была заложена адская смесь взрывчатки и магии.

Способную уничтожить все живое – и мертвое – в радиусе десяти метров от места попадания.

Так бы и произошло с нами, если бы не два события, которые случились одновременно. Нас с Максимом накрыло защитой четвертого уровня. Когда-то даже он, якобы не существующий, не помог мне и моим близким, но сейчас был другой случай. И резерв высвободился инстинктивно, в полную силу, ради спасения наших жизней.

А со стороны Арсенского вырвалась струя чего-то мощного, раскрывающая огромную энергию и входящую в резонанс со взрывной волной «эрки», а потом и вовсе впивающуюся в нападавшего гигантскими щупальцами, как они мне привиделись.

Я успела удивиться – так вот какой ты, Потенциальный выброс при защите и нападении на высшем уровне – а потом почувствовала огромное давление, распирающее меня изнутри и одновременно давящее на меня снаружи.

Голова отозвалась сумасшедшей болью, в глазах потемнело, и я по-теряла сознание.

Глава 8

– Вас выследили.

– Ага.

– Тебя раскрыли.

– Угу.

– Ты в опасности.

– Ну да.

– И они перешли к решительным действиям.

– Пап, – я вздохнула и повернулась к отцу, – давай поговорим о том, чего я не знаю.

Глава Комитета прилетел в Москву лично – не мог не прилететь после такого вопиющего нападения – и теперь удобно расположился на моем диване в гостиной.

Я, безусловно, очень была рада его видеть, но, во-первых, обстоятельства нашей встречи оказались не самыми приятными, а, во-вторых, я переживала за Максима. Он все-таки пострадал и теперь восстанавливался в специальном госпитале, под присмотром сотрудников и докторов Комитета. И мне ужасно хотелось навестить его вместо того, чтобы отвечать на бесчисленные вопросы по третьему кругу. Даже если круг третий начал отец.

Я с тоской глянула на часы.

Одиннадцать утра.

Ни минуты сна и две пропущенных в университете лек-

ции.

К тому же было кое-что еще, что занимало мои мысли.

Во время того взрыва – не «эрки», а того, что мы устроили с Максимом, оказавшегося даже более разрушительным, чем бомба – произошло нечто странное. И я никак не могла уловить, что же именно. Немного похоже на то, как если бы у меня длительное время в ботинке был камешек, и я его, наконец, вытряхнула. Или после долгого похода вне благ цивилизации оказалась, наконец, в горячем душе. Или нашла утерянный кусочек пазла и поставила его в давно пустующее место.

Такое облегчение. И легкая радость от завершенного действия.

Будто что-то встало на свое место, вошло в нужные пазы...

И пока я не находила ни единой причины подобным чувствам – и потому нервничала. Если это связано со мной и Максимом, то что произошло?

– Пап, а как ты понял, что мама – это именно та женщина, с которой ты готов жить?

Ого. А я ведь и не думала, что отца может что-то удивить.

Тот прервал на полуслове свои пространные размышления на предмет происходящего, к которым я уже не прислушивалась, и уставился на меня.

Но потом усмехнулся, откинулся на спинку и снова стал похож на моего отца – ироничного и бесстрастного:

– С чего ты вдруг об этом спросила?

– А ты можешь не задавать вопросы в ответ на мои вопросы?

– А ты?

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Не сразу. За что и поплатился в свое время. Мне ведь следовало немедленно хватать это сокровище как только увидел, но, во-первых, я тогда был уверен, что никаких сокровищ не существует, а, во-вторых, то, что у нас совпали не только, скажем так, физические и психологические параметры, но и внутренний, магический огонь, догадался много позже. Мы же тогда не знали ни о чем таком – в первые годы те, кто стал магами, были заняты исключительно выживанием.

– А потом...

– Потом было несколько событий, во время которых она подверглась смертельной опасности, и вот тут уже стало все ясно – раз я был готов отдать за неё свою жизнь, это точно не проходящий персонаж. Но теперь уж мне пришлось постараться, чтобы она тоже в это поверила.

Я улыбнулась:

– А совпадение по магии... Как ты это ощущаешь?

– Будто вернулся домой, – отец встал с дивана и подошел ко мне, осторожно заключая в объятия, – Арсенский совсем не просто так, да?

– Да. И меня это напрягает. Вся эта...предначертанность.

– Не стоит. Знаю, есть люди, которые категоричны в своей вере в две половинки, но поверь, это не так. Всегда есть варианты. И если даже Максим самый лучший на нынешний момент, это вовсе не значит, что ты обязана быть с ним. Только если ты этого сама хочешь.

– Когда мы были в музее... Когда я активировала... точнее, она сама активировалась, защита, а Максим направил ту волну на поражение... Наши магические потоки будто вошли в резонанс, вне наших тел, понимаешь? И когда все закончилось... В общем, у меня какое-то странное чувство удовлетворения.

Отец отстранился и нахмурился:

– Первый раз о таком слышу. А ведь я был бы в курсе. Мы экспериментировали с объединением магии, взаимодействием различных потоков, но всегда безрезультатно. Невозможно сделать переливание магии, как переливают кровь. Не возможно смешать её, или увеличить коэффициент. Сама магическая основа мира сопротивляется этому, будто бы каждый из нас обладает противоположным полюсом... Единственное «соединение», когда мужчина и женщина чувствуют себя слившимися по всем параметрам – душевным, телесным и даже магическим – происходит иногда во время сексуальной кульминации. А то, о чем говоришь ты... Похоже, магия снова преподносит нам сюрпризы. Так, а теперь давай все в подробностях, – глава Комитета – а теперь рядом со мной был именно он – снова уселся и приготовился слу-

шать.

* * *

– Уверен, здесь замешан Сергиев, – Максим хмуро смотрел на доску, на которой мы разместили новые данные. Выглядел он гораздо лучше – ни ожогов, ни царапин, все-таки у магов отличная регенерация, но был все эти дни не в настроении.

И не только из-за того, что его ранило.

Если у меня давно уже сложилась привычка к риску, в том числе собственной жизнью, то для Максима полное осознание, что он, его семья, и – вот от этого мое сердце щемило нежностью – я подвергаемся смертельной опасности оказалось в новинку. Никиту, несмотря на возмущенное сопротивление, отправили к бабушке с дедушкой, а потом и дальше, в маленький поселок в Сибири, где количество магов, к тому же, лояльных Комитету, было больше, чем в Москве. Пришлось, правда, немного раскрыть карты, иначе он бы ни за что не согласился, зато теперь, хоть на какое-то время, семья Арсенского была в безопасности, и никто бы не смог надавить на него.

– Ты сомневаешься в результатах моего расследования? – я под-няла бровь.

– Влада, ты тоже можешь ошибаться. А Сергиев вполне мог про-вернуть всю эту историю с музеями ради того что-

бы...

– Нет, – покачал головой куратор, – Влада не ошиблась. И если бы ему действительно нужно было бы вас убить, ночью, бомбой и в музее, когда так много случайных факторов, способных помешать... По меньшей мере, иной психологический профиль. Убивший вас был, однозначно, фанатиком, а вот тот, кто выдал это задание... Он даже не пытался нас запутать. Или притвориться кем-то другим. Он явно дал понять – война началась; ему нравятся громкие, эффективные методы, визуальные спецэффекты. Он уверен в себе, хочет, чтобы его имя стало известно всему миру, жаждет признания и власти.

– Он? Может она или они?

– Он. Эксперты уверены, да и я вместе с ними. Вполне возможно, что существует группа магов – да что там, вероятность почти сто процентов – но эта группа или подчиняется кому-то главному, или даже не подозревает, что ими управляет кукловод. Их национальность, место расположения – если он есть – мощности, которые у них в руках – все пока под вопросом.

– Их целей мы тоже не знаем, – я поджала губы и устало потянулась. В сон клонило страшно. Если так будет продолжаться, мне или снова придется сказаться больной или просто уволиться из университета. Я любила свою профессию, и мы все еще надеялись, что жизнь вернется в мирное русло и работа мне будет нужна, но в таком режиме я долго не про-

держусь, – И вообще, меня раздражает это отвратительное ощущение, что они все время даже не на шаг, на два шага впереди.

– Тебя много чего раздражает последнее время, – пожал плечами куратор, а я вспыхнула. Похоже, моя общая нервозность и определенная неудовлетворенность не была для него тайной. И да, я знала, как снять напряжение, но лезть с этим к Максиму, когда я и сама ни в чем не была уверена – а он и вовсе отстранился за последние дни – я не могла.

Надо учиться умирять свой огонь как-то по-другому.

– Нам нужны хорошие прогнозисты и кто-нибудь из экспериментаторов, исследователей, которых Комитет не смог переманить к себе, но за которыми наблюдает. Такие гении из гаража. Я уверена, что наши враги строят какую-то штуку – и хочу попробовать тоже построить модель этой штуки. Проанализировать все и понять наконец, чего этот вселенский злодей добивается. Или хотя бы какими методами он собирается это сделать...

– Что одно и то же, – Арсенский кивнул. – Я согласен с предложением Влады. Более того, предлагаю делать это в Риме – я готов предоставить источник в полный доступ для этого. И еще, прошу в помощь несколько человек – хочу побыстрее разобраться с бывшими владельцами моих лунниц. Мне почему-то кажется, что это может быть ниточкой. За чем-то их прятали, разве не так? И еще... правильно ли я понимаю, что раз пошли первые боевые действия, то речь

идет уже не о предварительной мобилизации?

– Правильно. Мы собираемся запустить волну предупреждений среди магов.

– А среди людей? – я нахмурилась.

– Влада... Если сейчас официально обратиться в правительства всех стран... В общем, они могут независимо от нас решить, что безопаснее будет уничтожить магическое сообщество. И вместо одного врага мы получим одного.

– А человеческие жертвы вам побоку?! – я спрыгнула со стола, на котором сидела и разгневанно уставилась на куратора, – Они должны знать, чтобы...

– Они все равно не смогут защитить семь миллиардов, – куратор смотрел на меня спокойно, – Пока все происходит на магическом уровне, мы не хотим сеять панику. К тому же, у нас до сих пор нет уверенности, что это не люди все затеяли.

– Люди, в услужении которых находятся маги?

– В услужении – немного не то слово. Магов ведь тоже можно купить; и они прекрасно будут работать за гонорары.

– Над всемирным господством? – Максим явно был настроен скептически.

– Находятся и такие идиоты.

– И все-таки мне не нравится, что мы замалчиваем происходящее, – я все не могла успокоиться.

– Это решение Главы. И на него ты в этом вопросе не сможешь повлиять.

– Можно подумать, я влияю в других вопросах, – огрыз-

нулась я, – Хорошо, мы все обсудили. Пойду домой.

Я быстро вышла из кабинета, не обращая ни на кого внимания. Но спустя секунду со мной поравнялся Арсенский:

– Влада, я понимаю тебя – лучше чем кто либо. Но я думаю, они правы. Паника и попытка усмирить магов со стороны людей может закончиться плачевно; и не то что бы мне жалко было больше членов Комитета, чем других. Просто если обратят пристальное внимание именно на них, у преступников вообще окажутся развязаны руки.

Я вздохнула:

– Наверное. Понимаю. Но меня не оставляет ощущение неправильности. Будто наши злоумышленники с этим решением добились того, чего они хотели.

– Чего?

– Понимаешь, они как-будто сумели расширить пропасть внутри человечества. И знаешь что это значит?

– Что?

– Они уже получили власть над миром.

Глава 9

– Палеонтолога и археолога легко спутать. Но хотя их профессии тесно связаны друг с другом, это две разные специальности. Палеонтология занимается жизнью в прошлой геологической обстановке, уделяет особое внимание животным и растительным окаменелостям, фактически, это часть другой области науки – геологии. Археология же сосредоточена на изучении культуры и останков человека. В отличие от палеонтологов, археологи не имеют ничего общего с окаменелостями – за исключением тех, что были на ранних стадиях человеческого общества. Например, в Африке были найдены кости животных с вырезанными с помощью каменных инструментов знаками, – я улыбнулась внимательно слушающей аудитории. Это была финальная часть последней лекции в этом году, который я заканчивала несколько раньше, чем все остальные преподаватели. – Тем не менее, по определенным причинам, в следующем семестре мы уделим время палеонтологии, особенно работам некоторых ученых, вроде Смита, и тому, как сложно им было соотносить свои исследования с религиозными представлениями о жизни. Ведь открытия особенностей пластов горных пород еще более усугубили религиозные проблемы, связанные с вымиранием видов – они подтверждали, что Господь уничтожал живые существа не от случая к случаю, как во время потопа, напри-

мер, а весьма регулярно. Возникла необходимость объяснять, почему одним видам пришлось исчезнуть, тогда как другие беспрепятственно переходили в последующие эпохи.

Сейчас ученым редко чинят препятствия, когда они пытаются добраться до истины, разобраться с системой, но тогда это было настоящей проблемой. Боюсь даже представить, сколько археологических и палеонтологических находок было упущено – или могло быть упущено – из-за косности взглядов. Но об этом мы будем с вами разговаривать в январе. Завтра же я вас жду на итоговый зачет; список литературы на каникулы вы получили. Добавлю к этому списку лишь пожелание – найдите новую, дополненную версию книги Билла Брайсона «Краткая история почти всего на свете»: это, практически, учебник по истории становления науки. Автором рассматриваются разные дисциплины – например, химия, геология, палеонтология, генетика, астрономия – и делается исторический срез с семнадцатого века до наших дней. Вам будет понятнее, каким образом наука, в том числе изучаемая нами, стала такой, какая она есть.

Звонок прозвенел вовремя.

Студенты завозились, а я осмотрелась. Группа первокурсников стала меньше. Уехал Никита, прервали обучение несколько девушек «на каблуках». Да и те, что остались, далеко не все продолжали гореть новыми знаниями – до некоторых только сейчас начало доходить, что профессия, которую они выбрали, немного не то, что они себе представляли.

Или что хотели.

Я снова улыбнулась.

Мне в этом смысле повезло больше. Я с детства знала, чем буду заниматься. А то, что к археологии добавилась работа в Комитете...

Что ж, жизнь не без сюрпризов.

У меня эти два дня были рассчитаны точно по минутам, и все прошло как должно.

Последние лекции. Тайные сборы. Два зачета. Вернулась домой и встретила там двойника для выдачи последних инструкций – девушку, очень похожую на меня, у которой с помощью магии довели эту схожесть почти до ста процентов. Именно она будет ходить по улицам, ездить в «родной» город, где у нее «заболела тетья», из-за чего пришлось закончить занятия раньше, праздновать Новый год и все, что придет ей в голову. А спустя два часа с того момента, как я зашла в свою квартиру, из соседнего подъезда вышел невзрачный, худощавый молодой человек со спортивной сумкой для тренировок. Он, надев наушники, прошел в сторону метро и скрылся в недрах подземки, чтобы раствориться там среди таких же молодых людей.

* * *

Рим в декабре стремительно менялся. Если в начале месяца довольно промозглая погода прогоняла туристов прочь,

и оставались лишь самые упертые любители сэкономить на жилье и перелетах, то в двадцатых числах этот город переживал настоящее паломничество. Главное событие, конечно же, Рождество, а начало подготовки к нему всегда совпадало с праздником Непорочного зачатия восьмого декабря. В этот день к статуе Мадонны, находящейся перед дворцом Испании, римские пожарные возлагали цветы, а на площади Навона открывалась главная ярмарка и становилось тесно от торговых рядов с игрушками и сувенирами. Само Рождество отмечали в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое декабря; кульминацией становилась полночная рождественская месса в Соборе Святого Петра в Ватикане.

Потому в аэропорту и метро было не протолкнуться.

– Терпеть не могу все эти толпы. И этот ветер с невнятным дождем, – раздраженно пробормотал Максим, укутывая меня в огромный вязаный шарф сразу, как только мы вышли на нужной станции и направились к гостинице. – Надеюсь, пани Павловски, вы знали что делали, заказывая тур именно на это время.

Я пожала плечами.

Несмотря на переменчивую погоду и не самые приятные обстоятельства, которые вынудили нас оказаться здесь, представляясь «супружеской парой из Польши», я обожала Рим накануне Нового Года. Его и без того невероятная энергетика напитывалась в эти дни таким количеством надежды, веры и любви, что кружилась голова.

Я дважды праздновала Рождество в Риме. Но никогда еще не была здесь в связи с работой. Никогда не приезжала под прикрытием. Не чувствовала при этом совершенно сумасшедшую смесь эмоций – от восторга до страха, до ужаса ожидания чего-то крайне неприятного.

И даже не могла предположить, что буду идти по этим холодным улицам с мужчиной, который был одновременно настолько моим, что я проникла в него каждой клеточкой тела, и настолько чужим, с его шутивно – циничным настроением, что эти самые клеточки просто вопили от голода и непонимания.

Арсенский оставался отстранен и отвратительно вежлив и заботлив.

– Уверена, пан Павловски, вас не оставит равнодушным те мероприятия, что мы запланировали, и вы забудете и о толпах, и о погоде, – возразила я спокойно.

Мужчина хмыкнул.

– Впрочем, – я решила рискнуть, – есть еще один способ, как можно забыть об этих вещах. Он пользуется особенной популярностью среди супружеских пар...

Максим резко затормозил – мы катили по улице свои чемоданчики и ничем не отличались от тех самых толп – обернулся, совершенно дико на меня посмотрел, а потом вдруг дернул за руку и притянул к стене дома, соседнего, кстати, с нашим пунктом назначения, и сам встал так, чтобы загораживать меня от прохожих.

– Испытываешь меня на прочность? – хрипло выдохнул в мои раскрытые губы.

– Просто пытаюсь понять, что с тобой происходит, – я говорила мягко, но сама, против воли, начала заводится. Кровь побежала по венам быстрее, а в голове вдруг сделалось пусто и гулко, – Мы, конечно, не образец отношений, да и про отношения говорить то ли рано, то ли поздно, но... Ты совсем отстранился после случая в музее.

– Случай? Ты называешь то, что мы чуть не умерли, случаем?

– Не умерли же.

– Но могли! – в его шипение прорвалась злость и какое-то отчаяние, – Черт, я не могу не думать постоянно, какому риску ты подвергаешься! Меня бесит, что ты вынуждена так работать, что готова подставиться под пулю, что я могу потерять тебя, в конце концов.

– Потому ты решил, что лучше уж терять того, к кому не успел привязаться окончательно? – пошла я ва-банк.

Максим резко дернулся, как от пощечины, и вдруг уткнулся лбом в мой лоб, закрыв глаза.

– Я ведь не смог даже тебя защитить.

– Просто не твой профиль, – я вздохнула и осторожно прикоснулась к его волосам, – Зато ты оказался отличным нападающим. Из нас получилась слаженная команда.

– Команда?

– Угу. По меньшей мере. Так что не пытайся меня выпих-

нуть из своей головы и жизни, напарник, легче тебе не будет. А то мне тяжело постоянно раздумывать, что я сделала опять не так, что ты вдруг стал держать меня на расстоянии. Договорились?

Молчание в ответ. Я так и чувствовала, как внутри Арсенского мечутся мысли, но не хотела ни подталкивать его, ни принуждать.

– Мне страшно, Влада... – наконец, выдал он из себя и чуть от-странился. – Не за себя. За тебя, за Никиту... И вдруг показалось, что если я не буду пытаться находиться все время с тобой рядом, то это будет хоть сколько нибудь безопасней. Ведь выследили, скорее всего, из-за меня...

– Мне тоже страшно, Макс. За весь этот противоречивый, жестокий, странный, но единственный мир. И именно потому не уходи снова – я должна хоть за что-то держаться.

Мы смотрели друг-другу в глаза, пытаюсь с помощью пристального взгляда проникнуть друг в друга – не в мысли, нет, но пробраться под кожу, поселиться в голове, стать одним целым.

Как будто это уже не было так.

А потом в синих глазах Максима что-то вспыхнуло, он снова подался вперед, впечатываясь в меня бедрами и наклонился к моим губам, чтобы...

– Так вот вы где, мои дорогие! А я вас жду и жду в холле! – проорали по-английски над ухом так, что мы подпрыгнули.

Рядом стоял, улыбаясь во весь рот, Митч.

Я чертыхнулась про себя.

Ну конечно, глава никого не мог прислать другого в качестве провожатого.

– Узнаю мою семью Павловски! – не унимался «туристический гид», а Максим вдруг напрягся. Я покосилась на него, он быстро посмотрел на Митча, на меня, снова на друга и нахмурился.

Неужели почувствовал?

Конечно, это не имело большого значения – я никого не обманывала – но по себе знала, как, порой, неприятны столкновения с бывшими.

– Знакомое лицо, – протянул Арсенский, – кажется я вас видел в одном антикварном магазине.

Дважды черт. Я и забыла про это.

– Я ошиваюсь во всех туристических местах, так что если вы были в Риме и не встретили меня – вы не были в Риме, – расхохотался, причем вполне искренне, Митч, и я его чуть не прибила тут же. Нашел вот ведь забаву. – Ну ладно. Давайте, кидайте скорее чемоданы в номер – мне с огромными сложностями, но удалось достать билеты в Ватикан и если мы не поторопимся, они пропадут, там еще и очередь ого-го.

– В... Ватикан? – Максим выглядел ошеломленным. «Гид» радостно кивнул, схватился за ручку моего чемодана и бодро потопал ко входу, а я подтолкнула Арсенского в спину, улыбаясь про себя.

Удивляться было чему. Тот ведь знал, что по приезду мы

должны были отправиться в центральное отделение, его секретное крыло. Но он не знал до этого – доступ к этой информации был у ограниченного количества магов – где именно находится это место.

Самое крохотное государство в мире приютило Комитет и более того – тайно от большинства людей – помогло получить нам статус отделения ИРД, института религиозных дел, фактически, главного управляющего и финансового органа Святого Престола, владеющего огромным количеством акций, храмов, отелей и территорий по всему земному шару.

Церкви в свое время пришлось нелегко. Когда наш мир стал магическим, множество верующих увидело в этом происки дьявола, многие разуверились вовсе; магов изгоняли из общин – священники мало чем отличались от простых людей, как и церковное руководство. У высшего духовенства заняло годы, чтобы принять хоть какую-то позицию по этому вопросу, но, в итоге, католическая церковь провозгласила, что магия есть божий промысел и благодать, данная людям, чтобы приблизиться хоть немного к сыну божьему и понять Его замысел, а также сделать мир лучше. Магов, которых сперва отлучили, тут же попросили вернуться в лоно церкви, ну а Комитет в конце концов, получил мощного союзника и неплохую финансовую подпитку.

Более того, нынешний Папа тоже был, по слухам, магом. А наши сугубо секретные помещения находились в бездонных катакомбах, «нижнем» Риме, расположенным под неве-

роятно красивыми садами Ватикана.

И сегодня там должны были собраться не только мы с Максимом, куратор, отец, но также и лучшие специалисты, которые были отобраны для самой важной операции за последние годы.

Код один-один. Приоритет – высший.

Кодовое название «Конец света».

Глава 10

Вспышка полыхнула настолько близко от меня, что я невольно от-шатнулась, забыв о защитном стекле.

Что-то среднее между шаровой молнией и огненной струей ударилось в бронированную стену и рассыпалось на множество твердых осколков.

Арсенский восхищенно присвистнул:

– И как он это называет?

Паола, наша провожатая, рассмеялась:

– Не поверите, «файербол». Ну никакой фантазии.

Я улыбнулась. Фантазии у «брата Марио» было хоть отбавляй. И хорошо, что Комитету почти удалось направить эту фантазию в нужное русло.

Рим притягивал к себе не только туристов, но и «макеров», названных так по аналогии с хакерами. Множество естественных источников этого города пусть и находились в частном и государственном ведении, но будто пропитывали сам город своей энергией, благодаря чему маги великолепно чувствовали себя и творили максимально свободно, ну а в гениальных их головах зарождались и воплощались самые гениальные идеи.

Те, кто проходил до конца университетские курсы и комиссии, по большей части, следовали магическим нормам и правилам. Мы знали, что создать из ничего сгусток огня

и швырнуть его в противника невозможно; что исцеление от смертельного заболевания наложением рук недоказуемо; а левитация так и осталась мечтой фантастов. Но, порой такие знания ставили собственные границы и мешали двигаться дальше. И тогда вперед выходили другие маги: дерзкие, готовые попать все законы, создающие свой собственный магический мир, ограниченный только их фантазиями.

Иногда у них получалось. И Комитету оставалось только восхищенно топтаться в сторонке и осторожно отслеживать, чтобы этими фантазиями не пользовались с дурными намерениями. Кого-то при этом удавалось переманить с краткосрочными заданиями, кто-то категорически отказывался проводить исследования для пользы сообщества. Третьи поступали в наше полное распоряжения – ради идеи или в благодарность за помощь, вроде этого толстенького, невзрачного с виду итальянца, который обладал коэффициентом три с половиной. Пусть и без дара, зато у него было желание, способности и достаточное нахальство, чтобы творить волшебство из тех книг, которыми я зачитывалась в детстве.

– Чтобы сделать рывок вперед, мы должны воспользоваться всеми возможностями, интуитивными открытиями, гениальными догадками. Нам нужно семеро, так будет правильно, – я закусила губу и посмотрела на спутников. – Я – жизнь. Марио – сила. Ты – ум, Паола – чувства. Кайла с её способностью видеть будущее – судьба. Митчел – речь.

Осталась смерть? Какой дар и способности могут олице-

творять её?

– Воин, перевертыш, вершитель... Не знаю, не уверена – нам нужен кто-то достаточно сильный и готовый выступить судьей каждый раз, когда наши попытки выстроить схему будут достигать нового уровня. У вас есть кто-то подходящий в центральном отделении?

Девушка вздохнула.

– У нас есть кто-то подходящий на окраине города. Но сможете ли вы его уговорить? Пока что он отказывался от всех предложений.

– Рычаги давления?

– Их нет. Высокий коэффициент, сирота, двадцать лет и все производные юношеского максимализма. Он собирает механизмы на стыке магии и механики, и называет себя «Винчи». Его дар – судья.

– Ого, – я запнулась, – ни разу их не встречала.

– Я даже не слышал, – Максим посмотрел на меня, – Чем характерен этот дар?

– Силой слова. Если он умеет его применять, то его вердикты – хорошо хоть в разумных пределах – становятся отправной точкой для дальнейших действий.

– В смысле, он может убить, произнеся заклинание?

– Ну, не так жестко, но мысль ты понял верно. Паола, он идеально подходит, хотя я могу понять, почему не хочет пользоваться своим даром ради сообщества. Быть судьей – огромная ответственность, и в этом возрасте сложно взять

её на себя добровольно. Я бы попробовала поговорить. Если нет... привлечем кого-то другого.

* * *

– Нет.

Смешливый, вихрастый, заляпанный какой-то краской и мазутом паренек, который так напомнил мне моих студентов, насмешливо глянул из-под бейсболки и уселся возле своего странного механизма с бесконечным числом трубок, нашлепок и заклепок. В романах Жюль Верна так описывались бытовые приборы; но вот что стояло перед нами, я не понимала.

Мы с Максимом переглянулись и снова попробовали объяснить, по-чему нам нужна именно его помощь и насколько важна наша миссия. Даже попробовали завлечь экспериментальными механизмами и принципами работы. «Винчи» лишь пожал плечами:

Это, конечно, все очень интересно и круто, но... Вы ничем не отличаетесь друг от друга – Комитет и ваши враги. То же желание власти и неспособность замечать нужды простых людей. И мне это не нравится. Я найду себе интересное занятие при любом раскладе, потому не вижу смысла вставать на какую-то определенную сторону.

– Тебе все равно, что ты будешь за убийц?

– А ты не убивала? Вот совсем никого? – он с любопыт-

ством посмотрел на меня, и я опустила голову. Крыть тут было нечем. Вздохнула и попыталась подавить раздражение и чувство вины.

– Да, в Комитете не белые пушистые зайчики. Мы делаем все, чтобы сообщество существовало... в целом. Сохранило магию. Определенную независимость от людей. И этих самых людей сохранило тоже, ведь среди них наши друзья, родители, супруги и дети. Да, и мы иногда действуем не самыми честными способами. Но... Мы отличаемся.

– И чем же?

– Те, кто развязал войну... Они идут к цели любым путем. Не оглядываясь на последствия. А мы будем отвечать за каждую ошибку. Может даже ценой жизни.

Парень вздохнул и отвернулся.

А потом вдруг пнул ни в чем не повинный агрегат, встал, обтер испачканные руки о свой строительный комбинезон и кивнул, не глядя на нас.

– Я могу попробовать.

– Спасибо.

– Но если мной будут помыкать – уйду.

– Конечно.

– И вообще мне просто интересно, что вы там собираетесь делать.

– Ага.

– Издеваетесь? – он сурово на меня посмотрел, а я улыбнулась и едва справилась с желанием стянуть с Винчи бейс-

болку и щелкнуть его по носу. Наверное, если бы у меня был мой младший брат, он был бы таким.

Подавила острое чувство тоски и сказала:

– Ничуть. Ведь мы попробуем делать то, что никто никогда не делал в Комитете.

– И что же?

– Стать преступниками.

* * *

Город в канун Рождества лихорадило.

Закрылись музеи и госучреждения, фирмы и кафе, мелкие лавочки и бары. Люди гуляли по улицам, пьяные от вина и ощущения праздника, обменивались звонкими поцелуями и объятиями, рассматривали рождественские презепе – сценки, посвященные рождению Христа в хлеву. Их в обилии выставляли на площадях, в витринах и постаментах; играли на сколоченных сценах, и, пусть сюжет не был нов, публика неизменно смотрела представление от начала до конца. Работали только церкви – ни в один другой день года они не пользовались такой популярностью. Собор Святого Петра, по площади которого проходила незримая граница между двумя государствами – Италией и Ватиканом – , открывался только в половину восьмого вечера, для рождественской мессы.

Здесь было пока довольно тихо.

А вот в бесконечных коридорах, задних постройках и подземных помещениях кипела работа.

Мы, практически, не спали с прошлого вечера, когда вернулись в отделение вместе с Винчи. В самой большой комнате установили огромную площадку, проекторы, компьютеры, несколько диванов – на них все по очереди и дремали – коробки и ящики, полные порой весьма ценных вещей и механизмом, на ценность которых никто не обращал внимания, фотографий и маленьких фигурок, напоминающих всех участников действия. Мы спорили, обсуждали, выдвигали предположения, реконструировали в лицах и куклах множество событий, произошедших за последний год, соединяли несоединимое, ругались, швырялись мелкими предметами, от переизбытка чувств, а потом снова и снова пробовали построить то же самое, что собирались построить наши враги.

Да, не понимая окончательно цели и что мы делаем.

Не зная назначения.

Основываясь на собственных дарах и магической интуиции.

Семеро лучших – точнее, самых подходящих – постоянных и временных члена Комитета, при помощи психологов, создавших и меняющих на ходу психологические портреты тех, за кем мы пока не могли угнаться, мыслили как преступники. Заставляли себя хотеть того же, что и они. Любыми средствами. Некоторые части уже исправно работали; некоторые моменты были нам понятны – вроде использования

амулетов и талисманов семи планет, старинных календарей, механизмов, усиливающих магическую силу. Сейчас шла самая важная работа, и счет был на недели, возможно, на дни; мы приближались к чему-то грандиозному, но были все еще далеко.

Слишком далеко.

И пока просто выполняли приоритетные задачи, хотя огромное пространство напоминало мне не работающий механизм, а захлавленную кладовку, полную суетящихся людей.

Я вдруг почувствовала, что мы не успеваем.

Для паники и неприятного зуда вроде бы не было никаких причин. Комитет, правительство Ватикана и Италии держало, казалось бы, все под контролем. Магические сети, рамки, охрана. Но события все ускорялись и спирали времени, о которых мы так много говорили с Арсенским, будто начинали сжиматься с тем, чтобы перевести нас на другой уровень. Гнетущее ощущение становилось тем сильнее, чем выше был настрой взбудораженного ожидания чуда снаружи. Половина восьмого. Базилику Святого Петра открыли для купивших билеты, а площадь перед ней все больше наполнялась людьми, которые огибали вертеп и рождественскую ель и пристраивались поближе к собору, который никогда не мог вместить всех желающих.

Я краем глаза слежу за происходящим по мониторам, подключенным к камерам на площади. Но и без этого чувствую

людскую массу, бывшую, конечно, не у нас над головой, но в непосредственной близости. Каменные стены и сводчатые потолки Комитета сами по себе накопители энергии – христианские архитекторы знали, что делали – и тем сильнее воспринимается контраст, между той темнотой, которую я чувствую и тем, что происходит снаружи.

Месса начинается точно по расписанию, в девять тридцать вечера. Автор либретто, церемониймейстер Святого Престола монсеньор Гвидо Марини незримо дирижирует всем процессом.

Сотрудники Комитета, кажется, не обращают особого внимания на происходящее. Только Кайла время от времени застывает, смотрит невидящим взглядом в стену, передергивается и возвращается к работе.

В базилике заканчивают вступительные ритуалы. Певчий зачитывает «Календу» на латыни и хор поет: «Господь сказал мне: ты мой Сын, я создал тебя сегодня».

В ушах начинает звенеть.

Я сжимаюсь и Максим с удивлением поворачивается ко мне.

– Что такое?

– Не знаю. В том то и дело, что не знаю. Надеюсь, это просто связано с общим напряжением. Если бы я могла выделить хоть что-то более понятное из собственных эмоций, я бы сделала это, но так... Просто не знаю. Вся полиция города и члены Комитета, созванные со всей Европы, на постах.

Патрулируют улицы и не только улицы, слушают, вынюхивают: малейший всплеск агрессии или магии будет ими замечен. Охрана папы усилена в несколько раз, хоть сомнительно, что кто-то из Святого престола станет мишенью; терактов тоже не будет, это аналитики предсказывают пока точно. Пока ни единого тревожного звонка, кроме как у меня в голове...

Я резко замолкаю и подхожу к застывшей с расширенными глазами Кайле:

– Когда?

– Я не вижу, – с отчаянием шепчет девушка, приходя в себя. – Смерть. Но когда, где... Все это может быть лишь отголосками будущего, а может моими собственными страхами – я ведь тоже человек и эта история на меня влияет... Недоказуемо.

– Недоказуемо.

Слишком мало данных и слишком мало времени. Сколько оппозиция готовила то, что сейчас начинает вырываться наружу? Возможно, долгие годы. Мы же занимаемся этим несколько месяцев и пока имеем лишь разрозненные данные.

Папа Франциск произносит свою первую формулу на латыни, и начинается диалог понтифика с верующими: "In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti – Amen – Pax vobis – Et cum spiritu tuo" – "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа – Аминь – Мир с вами – И с духом твоим».

Он признает, что грешен. Верующие совершают акт покаяния.

Работа под Ватиканом продолжается.

Сотрудники даже смеются, продолжая работать, обмениваются пон-чиками и кофе, а у меня кусок в горло не лезет.

Внутри меня зарождается вибрация. Не та вибрация, что волнами расходится от многотысячной толпы. Совсем другое. Будто кто-то поместил внутри меня маленький прибор, который сейчас начало потряхивать и взвинчивать, и вот он уже передает колебания сосудам, мышцам, связкам, наполняет мои пальцы электрическими разрядами, сердце болью, сжимает мой желудок и отдается стуком в висках.

Максим обеспокоено смотрит на меня. Его эмоции расплескиваются по пространству. Он уже слишком хорошо на меня настроен, и пусть сам не чувствует того, что понимаю я, но он чувствует меня. Растирает мне плечи, приносит одеяло, а потом просто обнимает.

Но это не помогает.

Куратор, что крутится здесь поблизости, обеспокоен не меньше. Он постоянно переговаривается с магическими патрулями – там лучшие из следователей, они почувствуют, если где будет твориться преступление! – но раз за разом слышит в рациях «Чисто». «Чисто». «У нас все в порядке»

– У нас не в порядке! – хочу закричать я, но ничего не говорю. У меня нет ни направления, ни расстояния. Ничего.

Звучит проповедь понтифика. «Рождество – это празд-

ник, который превращает силу страха в силу любви», – подчеркивает глава Католической церкви.

«Просим Тебя, Господи – Господи, выслушай нас».

Наша команда сортирует, спорит, раскладывает, скрепляет отдельные детали механизма.

Я сижу в углу и стараюсь изо всех сил понять, что происходит.

В нос неожиданно врывается запах крови; я ощущаю во рту привкус железа.

Вскидываюсь.

Нет, не здесь. Я не понимаю что и где, но не здесь. Но запах, нарастающая боль хотя бы задают мне направление.

Встаю с места и бегу по слабо освещенным коридорам. За мной, не задавая вопросов, из комнаты выбегают Максим и куратор.

Меня пронзает сильная боль.

Почему я так чувствительная к происходящему? Потому что полностью погрузилась в это дело? Такого не было никогда....

Не время для вопросов.

Мы выскакиваем из неприметного входа с края Ватикана – улицы полны людей, так и не вместившихся на площадь. Пробираемся сквозь них и бежим по более свободным перулкам, огибая жилые дома и музеи.

«Orate, fratres, ut meum ac vestrum sacrificium acceptabile fiat apud Deum Patrem omnipotentem» – *«Молитесь, братья,*

чтоб моя и ваша жертва стала угодной Богу Отцу всемогущему».

«Пусть Господь примет жертву из твоих рук, на честь и славу своего Имени, а также для блага нашего и всей его святой Церкви».

Боль буквально раздирает меня изнутри. Именно боль ведет меня – я бегу туда, где она с каждым метром становится все сильнее, все тягостней.

«Отче наш» – поет хор и диакон объявляет "Передайте друг другу знак мира».

Священнослужители и верующие пожимают друг другу руки со словами «Мир», и легко обнимают друг друга.

Волна всеобщего ликования заглушает на мгновение боль, но та тут же разгорается с новой силой.

Мы пробираемся к реке, стараясь избегать широких улиц, полных гуляющей публики.

Дыхание перехватывает, а в глазах темнеет. Я чувствую, как внутренний огонь распространяется по венам, готовый снести все преграды, разорвать в клочья не только мои мысли и чувства, но и мою кожу. Меня распирает, как воздушный шарик; кажется, если поднести ко мне иголку, я лопну.

Зато я понимаю, что нам нужно – оплот защитников и инквизиции, место, где веками копилась боль и прах, место, которое в то же время дало возможность жить тысячам укрывавшимся за его стенами.

Замок Святого Ангела.

«Господи, я не достоин, чтоб Ты пришел ко мне, но скажи лишь сло-во и исцелится душа моя».

Я слышу короткие приказы в рацию, вижу, как к нам на подмогу устремляются еще маги, продолжаю бежать, теперь уже вдоль стен, прикрывающий от города небольшой парк и сам замок.

Верующие причащаются под аккомпанемент хора, исполняющего псаломы.

«Радуйся, истинное Тело».

Ворота замка уже торопливо открывают.

«Ite, missa est – Deo gratias» – «Идите, жертва совершена – Бла-годарность Богу», – звучит голос Папы.

Мы практически влетаем в зал, и я медленно оседаю, закрывая себе рот руками, когда вижу, что мы нашли.

Внутри меня раздается щелчок и все, что копилось, вырывается наружу, волнами затапливая помещение, отражаясь от стен, вымывая из меня не только ожидание, но и душу, свет, надежду, оставляя лишь бес-конечную боль.

Я оседаю на пол. Но упасть мне не дают. Максим резко дергает меня на себя, прижимает мою голову к своей груди и держит, размазывает меня по себе, передает все тепло, на которое способен.

– Твою ж мать, почему...почему это место не охранялось? – шипит мужчина, и я слышу убитый голос куратора.

– Охранялось. Ими и охранялось...

Я крепче вжимаюсь в Максима и закрываю уши руками.

Только не кричи, Влада.

Только не кричи.

А многотысячная толпа радостно ревет, когда Папа заканчивает мессу и выходит к верующим.

Глава 11

– Зачем? Я не понимаю...

Отец устало потер лицо и снова подошел ко мне, присел рядом, подпирая меня слева.

Справа будто навечно устроился Арсенский, а вокруг – все остальные члены нашей команды, еще какие-то люди, знакомые и не знакомые. Все вполголоса переговаривались, постоянно зачитывая новую и новую информацию.

Отчеты патологоанатомов. Отчеты судмедэкспертов. Отчеты магической полиции. Отчеты патрулей. Ватикана. ОВ-РА – аналога ФБР в Италии. Предположения магов-аналитиков. Следопытов. И много много фотографий и трехмерных голограмм с места преступления.

Все это доходило до меня будто бы сквозь вату. И дело не в почти бессонных двух сутках и совершенно истощенном магическим взрывом организме.

Я механически отвечала на вопросы, бесстрастно описывала все свои ощущения, четко выполняла действия, которые положено было делать – протоколы, встречи, сдача анализов, снятие магического слепок. Меня водили, со мной говорили, заставляли есть и пить, сделали несколько уколов, поглаживали и обнимали – будто я была куклой, а не живым существом – но я почти ничего не чувствовала. Все время я только и видела ту картину, которая предстала передо мной

в замке Святого Ангела.

Говорящую о нашей беспомощности перед лицом много большей силы.

Говорящую о моем бездействии.

Говорящую о том, что Комитет оказался практически бесполезен, когда начало происходить что-то действительно серьезное.

Пятеро мертвых магов. Лучшие из лучших, подготовленные, настороженные и... не заметившие, что к ним подобрался убийца. Они дежурили в Замке и на его периметре, они и стали жертвами ритуала, последствия которого я увидела.

Пятеро обнаженных и обескровленных мужчин, лежащих на роскошном полу библиотеки замка. По одному в каждом углу и один – в центре. Я когда-то была здесь. С шестого и седьмого уровня открывается невероятный вид на Тибр и сам Рим. Вид, которым уже не смогут насладиться мои коллеги.

Их руки и ноги разведены; глаза открыты и смотрели в потолок. На них не было ни малейшего повреждения, кроме тех порезов, что позволили вытечь, фактически, всей крови, которая не разлилась безобразными лужами, а разошлась по заранее обозначенным желобкам, которых там быть не должно.

И помещение, наполненное светом старинных факелов, неизвестно откуда взявшихся тут.

Еще одно «неизвестно»...

В свете этих факелов лица умерших выглядят совершенно умиротворенными. Даже довольными.

Они умерли примерно за полчаса до того времени, что мы нашли их. Именно в тот момент, когда я почувствовала кровь. И полчаса еще лежали в компании своих убийц, которые делали...

Что делали? Не понимал никто. Ни всплесков магии, ни разрушений, ни взрывов. Будто все это было ради создания жуткой картинки. Из любви к искусству. Возникло ощущение, что они сами пришли и легли таким образом. Будто именно так и было нужно.

Почему именно они?

«Не повезло», – сказали аналитики.

– Почему именно там?

Я не заметила, что прошептала этот вопрос вслух.

– Потому что именно там нашелся тайный ход, о котором никто не знал. Его не было в архивах. Его не нашли маги в свое время – мы не искали специально, вы представляете, сколько исторических строений в Риме, возможно ли досконально обследовать все?! Не знаю, воспользовались ли преступники им для того, чтобы проникнуть в здание, или же просто сбежали через него...

– Куда он ведет? – Максим. Во мне не осталось ни капли интереса.

– За пределы крепостной стены.

– Ну откуда кто-то мог знать об этом ходе! – зло топнула ногой Паола, прислушивающаяся к нашему разговору.

– Не понимаю, – отец вздохнул – Может везение. А может... На них работают специалисты по истории и архитектуры лучше, чем на нас.

Я вздрогнула и на секунду почувствовала вспышку злости.

Я понимала, о чем это говорило.

– Нарисовал. Это невероятно! – вдруг довольно громко сказал Винчи. Парень выглядел совсем не так, как в тот момент, что мы привели его. Осунувшийся, серьезный, в чистой футболке и джинсах. Удивительно, что происходящее не отвратило его от желания помочь, наоборот, подстегнуло.

Все вокруг подались вперед.

На вырванном из альбома листе было несколько непонятных кружков, звезд, линий, надписей, которые что-то мне напоминали, но я никак не могла понять что. Мысли воровались с огромным трудом, будто это вовсе не были мысли, а тяжеленные валуны, которые я пыталась перекатить вручную.

Но и остальные пока молчали и переглядывались в недоумении.

– Да вы что? Не узнаете?! – итальянская экспрессивность пробила и сквозь чудаковатость Винчи, – Великий Царь Соломон! Первый в истории планшет!

Недоумение возросло – слово «планшет», «история» и это

мерзостное убийство никак не вязалось друг с другом.

Но я, наконец, поняла, о чем речь. Протянула руку, всмотрелась еще раз и почувствовала, как перехватывает дыхание.

– Арс Алмадель, – прошептала я потрясено, – Ориентированный по сторонам света... Утерянный способ управлять миром...

Мои пальцы прошли по линиям:

– Адонаи, Хеломи, Пайн. Хелион, Хелои, Хели. Йод, Ход, Агла. Тетраграмматон, Шадай, Йах... Как думаешь они... Успели прочитать воззвание? Получить то, что они хотели?

– Они...ох. Похоже, да. – отец стиснул зубы.

– И сработало? – влез Винчи.

– Возможно, – я стиснула голову, которая начала болеть, руками. Это было похоже на отсиженную конечность – у обездвиженной раньше части тела возвращалась чувствительность. И я не была уверена, что меня это радует. – Они сделали... – я попыталась найти аналогию. – Механизм почти закончен.

– Механизм? – сглотнул Митч.

Я согласно мотнула головой и осторожно прислушалась к ощущениям. Не глубоко. Глубоко пока нельзя, и так уже начало внутренне потряхивать.

– Ну да, тот, что мы собираем тоже. И как у любого механизма у него должно быть нечто, запускающее его...

– Стартер? – лицо Максима мрачнело все больше, и он прижимал меня к себе все крепче.

– Да. Он прямо перед нами. Этот ритуал запустил машину.

– Но как же... Разве так можно?! Использование Арс Алмаделя... это же было традиционно призыв ангелов, не черный, светлый ритуал, а они убили. – Винчи начал снова заводиться.

– Не все так просто с твоим царем Соломоном, – к пареньку подошел Марио и положил тому руку на плечо. – А что касается ангелов... Может потому все это произошло именно в этом замке.

– Но ведь его создали там, поскольку тогдашнему Папе привиделся архангел Михаил, который вложил меч в ножны – это означало конец бедствию, конец мировой чуме! А эти пытаются сделать... начало?

– Мировой чумы? Возможно. Как раз в том месте, где был провозглашен конец, это будет энергетически правильно, – отец посмотрел на меня, но я отвела взгляд, успев заметить усталость, страх и беспокойство в его глазах. – Включайте Арс Алмадель в нашу схему, – он кивнул на забитую разными вещами поверхность, – Ищите в Риме... Нет, давайте так, во всей Италии – преступники вряд ли уедут сейчас отсюда – пространства и здания, отвечающие нескольким требованиям – они должны быть ориентированы по сторонам света. Достаточно большие помещения, возможно, там будут залы, алтари. Отслеживайте и анализируйте перемещения всех магов по Европе. Возможно, вы наметите точку сбора несколь-

ких из них, не входящих в нашу группу. Психологам... добавляем в портрет к возможным профессиям историка и архитектора. Как то он же должен был узнать про этот ход... А ты, Влада, – он прищурился, – Идешь сейчас в гостиницу – тебе надо сменить обстановку – и отдыхаешь там до вечера.

– Но...

– Это приказ. Максим?

– Я понял. Пошли, – меня осторожно подняли и повели. Пошла бы я сама? Не знаю. Волнами накатывала то слабость, то дрожь. Признаки крайней степени усталости.

И зарождающейся истерики.

Меня укутали и через несколько коридоров и помещений вывели из боковой двери закрытого музея. На улицах было ветрено и безлюдно; редкие прохожие, вроде нас, уставшие возвращались к себе домой после ночных гуляний.

Двадцать пятого декабря в Риме почти никто не работал – отсиживались дома или посещали церкви.

Я передернулась и всхлипнула.

Максим прижал меня к себе еще сильнее:

– Пройдемся или такси?

– Пройдемся. Здесь не далеко.

И хорошо что в противоположную сторону от замка.

Мы медленно шли по улицам, думая каждый о своем. Холодный воздух выбивал последние слои ваты, которыми было опутано мое сознание. Я со все более возрастающим ужасом осознавала, что произошло и происходит сейчас. Пото-

му резко остановилась:

– Мы должны вернуться!

– Влада...

– Время! Его почти не осталось.

Максим встряхнул меня:

– У нас пока нет новых данных, а со старыми команда справится и без нас. Врачи обеспокоены твоим состоянием, целители тоже. Черт возьми, да я вообще не понимаю, как ты держишься на ногах! Магическое истощение это не шутки, тем более на фоне стресса и физического истощения – обычно в таком состоянии несколько дней проводят в постели, и ты сейчас пойдешь и ляжешь спать. Понятно?

– Спать, пока где-то убивают людей или магов? – прошипела я зло.

– А что, твоя смерть или обмороки как то им помогут? – мужчина был в бешенстве.

Он схватил меня за руку и практически дотащил до нашего отеля, отрывисто что-то бросил портье, обратившемуся к чете Павловски с улыбкой, и заволок в номер.

– Влада, – придержал он меня за плечи, когда я попыталась отстраниться и спрятаться в кресле в углу, – Меня пугает твое состояние. Я много чувствую и понимаю – ты натянута как струна, хоть тебе и кажется противоположное. Сбрось это. Плачь, ори на меня, психуй – только не ломайся. Хоть все здесь разнеси – я уже давно поставил артефакты прикрытие...

Он прижал меня к себе, согревая своим телом, окутывая нежностью, теплом мыслей и чувств. Я осторожно приоткрылась, запойно поглощая его эмоции и почувствовала, что внутренняя дрожь усилилась.

– Я не смогла им помочь... – прокаркала я.

– Не смогла. Никто бы не смог.

– Я должна была! Ведь почувствовала что-то и...

– И будут еще жертвы, Влада.

– Я ни на что не способна... Это как в Паликателе.

– Да, как там.

Дернулась как от пощечины, но Максим не дал отстраниться.

– Так же как там ты не смогла ничего сделать, потому что это ни в человеческих, ни в магических силах! Это. Просто. Невозможно. И не потому что ты что-то сделала не так, что ты недостаточно постаралась!

– Но я должна была...

– Нет! И ты всегда делаешь все от тебя зависящее, рискуешь больше, чем это возможно, но ты не всемогуща! Никто не всемогущ...

Он прижал меня к себе еще крепче и я почувствовала, как слезы заструились по моим щекам. Что он там сказал? Орать и плакать?

Я выла и рыдала. Все больше оседая на пол, втискиваясь Максиму под пальто, лихорадочно вгрызаясь ногтями в свои ладони. Он бормотал что-то утешающее, гладил меня

по голове, снимал шарфы, кофты, укачивая, как маленького ребенка, помогал пережить эту бурю, пришедшую на смену апатии, целовал мокрое лицо и прижимал к себе так, будто не собирался отпускать до конца жизни.

И не возражал, когда я прижалась к его губам своими.

Мы целовались лихорадочно. Страстно. Зло.

Срывали друг с друга остатки одежды и любили друг друга прямо на полу, среди вороха тряпок, быстро и жестко, как животные, которые хотели почувствовать, что они живы.

А потом медленно и нежно, на кровати, шепча какие-то глупости, наслаждаясь даже легчайшими прикосновениями. С каждым движением Максима я чувствовала, как в мое сердце возвращается уверенность и надежда, как мой огонь перестает метаться, словно зверь в клетке, а наполняет меня силой, каждую клеточку моего тела; как моя душа раскрывается навстречу мужчине, а мысли становятся все яснее.

И с последовавшей кульминацией я почувствовала, что снова становлюсь собой.

– А теперь спи, – прошептал довольный мужчина и подмял меня под свой бок.

– Что, задание главы выполнено и лечение прошло успешно? – спросила я сварливо, поерзав и устроившись поудобнее.

– Заткнись, Влада, – голос Арсенского звучал миролюбиво, – Мы сделали то, что давно хотели оба, просто...

– Просто боялись?

– Да.

– А сейчас?

– Сейчас меня страшит больше то, что я не успею сделать всего, что хочу. Потому спи, девочка. Нам предстоит сложная ночь.

И он даже сам не знал, насколько был прав.

Глава 12

– Завтрак в постель!

Улыбающийся Арсенский с удовольствием осмотрел меня – предварительно откинув одеяло, отчего я зашипела и попыталась ударить его ногой – и поставил на тумбочку поднос с какими-то булочками и чашкой кофе.

Я втянула запах и буркнула:

– Завтрак в семь часов вечера?

– Завтрак в семь часов вечера, секс весь день и работа ночью. А я говорил тебе, что я не так прост, как кажется.

Недоуменно подняла брови – его настроение обескураживало.

– Тебе не кажется, что ты подозрительно весел?

– Тебе не кажется, что на это есть причины? Мы живы, здоровы и я, наконец, заполучил в свою кровать нравящуюся мне девушку.

Я даже перестала жевать:

– Нравящуюся?

– Брось, Влада. Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. Я дурею от тебя, но все происходящее... Сильно мешает.

– Не то слово, – я вздохнула и, наконец, улыбнулась. Сон действительно пошел мне на пользу. И не только сон – я чувствовала себя, наконец, полной сил и энергии.

И удивительно спокойной.

Кофе и душ окончательно взбодрили меня, ну а несколько совсем не невинных поцелуев подняли настроение еще больше. Я не знала, сколько это продлится, такие вот наши отношения, в которых смешалась страсть, работа и доверие к друг другу, но собиралась пользоваться всем в полной мере.

Максим прав. У каждого из нас могло совсем не оказаться времени.

Мы уже собирались выходить – звонить куратору не хотелось, я понимала, что нас тут же посвятят во все находки, как только мы там появимся вживую – когда телефон мужчины завибрировал. Он взял его и нахмурился.

– Что-то случилось?

– Да...Нет. Не знаю... Черт, как не вовремя! Нам нужно на «базу», а тут...

– Говори уже.

– Ты же в курсе, что я занимаюсь, в том числе, разработками технико-магических сигнализаций? Так вот, одну из них, экспериментальную, я поставил неподалеку от своей лавки и... Короче, она сработала. Но ведь «экспериментальная» вполне может означать, что «не верная» и...

– В чем её суть?

– Считывает недобрые намерения на подступах.

Я уважительно присвистнула и приняла решение.

– Едем туда.

– Но мы же собирались...

– Я отпишусь. Сначала проверим твой магазинчик. Там, конечно, дежурят агенты – никому не хочется лишиться источника и заработка, но я в свете последних событий не считаю эти дежурства... эффективными.

Я связалась с помощью специального браслета с отцом, пока мы быстрым шагом перемещались к метро – было уже совсем темно, и пусть дома и вновь открывшиеся рестораны приветливо перемигивались огнями, как то мрачно.

И холодно.

Почему-то подумалось, что погода идеальна для преступлений...

Чем ближе мы подъезжали к магазину, тем беспокойней мне становилось. Хоть отец и написал, что патруль, находящийся неподалеку, не заметил ничего подозрительного, а обычная сигнализация молчала.

Максим нервничал – а его интуиции стоило доверять – а у меня начали подрагивать руки. Верный признак того, что скоро может произойти что-то не слишком приятное.

По той улице, что вела к нужному зданию, мы уже почти бежали.

– С виду всё нормально, – прошептала я партнеру, выглядывая из-за угла, но вытащила пистолет, которым меня снабдили после ночных событий. Максим недовольно покосился на него – его недовольство, в большей степени, было вызвано тем, что ему, как гражданскому, такой был не положен, а не с тем, что он беспокоился об обезьяне с гранатой – и ткнул

пальцем вперед.

– Видишь, там у черного входа камера? Она мигает красным и зеленым огоньком. Первый говорит о том, что запись идет – на внутренний компьютер. Второй, что никто не проникал в помещение и...

Красный огонек погас.

Будто выключили.

Мы переглянулись, и быстро переместились в сторону двери. Я передала в браслет-рацию код опасности, пока Максим открывал дверь.

С виду, ничего не было повреждено.

Не включая света – видели мы нормально и так – мы осторожно двинулись к центральному складу, на котором еще оставались кое-какие ценности – самые интересные разработки перенесли пока в Комитет – и находилась дверь к Источнику.

Мы почти подобралась к нужному месту и замерли, и тут я уловила характерный запах.

Бензин?!

Получается, хотели уничтожить помещение и, более того, магический источник? С помощью обычного огня, даже если все стены пропитаны специальным составом, это было вполне возможно. Природа источников не была до конца изучена, но то, что им требовался кислород – потому даже в закрытых помещениях, как у Арсенского, делали специальную подачу воздуха – было однозначно.

Но зачем кому-то это понадобилось сейчас?

Это совсем не вписывалось в схему глобального преступления, которое мы расследовали. Вот никак, пусть все детали еще не соединились в единую картину.

Либо это что-то совсем другое, случайное, либо...

Додумать я не успела.

Кто-то чиркнул зажигалкой.

И я увидела лицо человека, которого до того видела только на фотографиях.

И Максим тоже его узнал и прошепел:

– Вот мы и встретились... Олег.

* * *

Потом я прокручивала тот вечер в голове и думала, могло ли все произойти по другому?

Мне кажется, нет.

Мы, маги, верим в судьбу. Как тут не верить, если среди нас есть даже те, что видят её четко очерченными линиями, вплетенными в общую паутину? Нет, мы не фаталисты и не утверждаем, что все предрешено. И не плывем по течению, напротив, раз за разом пытаемся стать теми пылинками, что берут ответственность за развитие хода событий в нашей Вселенной: есть события предопределенные и те, что можно еще изменить, вырвавшись неимоверным усилием.

Есть то, что мы ошибочно принимаем за судьбу, а по фак-

ту, это все-го лишь следствие образа жизни, привычек или верных и не верных представлений о жизни.

Есть вещи, которые можно поменять – а есть те, что являются итогом многолетних слепых шагов, раз за разом приближающих к определенному финалу.

Мы знаем, что у человека каждый раз есть несколько вариантов, из которых можно выбирать. Вот только этот выбор не всегда заметен – он кажется незначительным или настолько отдаленным по времени, что и вовсе не может ни на что повлиять.

Наверное, свой выбор, приведший его в итоге в Римский магазин с канистрой бензина, Соринский сделал много лет назад, когда сжег, в назидание остальным, человека.

И у меня был выбор – жить или умереть.

Мужчина не ожидал нас здесь увидеть.

Слабый отсвет огня зажигалки отразил его удивленное и какое-то перекошенное лицо и тут же потух.

Правда, потом он чиркнул снова и на этот раз не просто потушил, а кинул зажигалку куда-то в угол.

Там моментально вспыхнуло.

Дальше все происходило очень быстро.

Я выстрелила и промахнулась.

Олег кинулся в сторону выхода – не того, откуда пришли мы, а противоположного, ведущего в лавку.

Огонь, усиленный, похоже, магически, занялся на стенах и охватил стоящие на полу ящики.

Максим, матерясь, схватил ближайший огнетушитель.

Я, спешно вызывая подмогу, побежала за Соринским, пролетела через лавку и выскочила на улицу, успев заметить, как мужчина скрывается за углом.

Времени кого-то ждать не было.

И упустить его я не могла.

Разматывая и сбрасывая на ходу шарф – мешал – я бежала за магом, стараясь не думать, удалось ли Максиму погасить огонь и не успел ли тот навредить ему или окружающим – дома в этом районе стояли впритык друг к другу и не смотря на то, что были каменными, загорались очень быстро.

В отдалении послышался вой сирен – скорее всего, кто-то успел вызвать пожарных.

Я слышала отголоски разговоров в радиии, даже пару вызовов, но отвечать не могла – берегла дыхание и время. Олег был сильным магом, а это означало, что они ничуть не уступал мне в скорости и выносливости.

Редкие прохожие удивленно провожали нас взглядом, кто-то шарахался, успевая заметить пистолет у меня в руках и даже хватались за мобильные телефоны, собираясь позвонить в службу спасения.

Я втянула эмоции.

Паника, злость, разочарование – скорее всего потому, что мы спутали его планы – и решимость. Значит, я была права. Олег не заманивал нас и наше появление было полной неожиданностью. Что он хотел? Испортить Арсенскому биз-

нес и жизнь?

Вполне похоже на него.

Но действовал ли он по указу или же самостоятельно? Я полагала, что он связан с тем таинственным механизмом и кукловодом – пусть сам и не являлся главным злодеем – но смысл было сейчас вот так проявлять себя?

Если только он не действовал под влиянием своей ненависти...

Мы петляли по улицам, переулкам, крохотным площадям с фонтанами и я все никак не могла приблизиться или хотя бы прицелиться – да, черт возьми, если бы у меня получилось выстрелить, я бы это сделала. Когда на чаше весов лежит столько всего, убрать хотя бы один убийственный элемент и ослабить противника бывает важнее, чем пытаться поймать его и долгими и не совсем чистыми методами выведать правду.

Я резко завернула за угол и замерла.

Пусто.

И тупик.

Несколько зданий стоит буквой «П», плотно соединяясь друг с другом.

Ни в одном узком окне не горит свет, фонарей нет тоже. И очень тихо, будто уши в один момент оказались забиты ватой.

Я затаила дыхание и медленно двинулась вперед, всматриваясь в темноту. Кажется, дверь справа чуть качалась – так

могло быть, если кто-то в нее забежал в спешке.

Сердце стучало где-то в горле; но я не чувствовала ни эмоций, ни следов, ни звуков – непонятно почему, будто меня оглушили против моей воли.

И потому не смогла предугадать, когда сзади на меня прыгнули и оглушили по-настоящему.

Дикая боль разлилась по затылку, и я потеряла сознание.

Глава 13

От пощечины голова мотнулась вправо, а из порядком разбитой губы полилась кровь. Я едва сдержалась, чтобы не заскулить.

Накрывала паника, еще больше от того, что воспоминания смешались с настоящим. Тогда, когда я была еще девчонкой, меня точно также привязали к стулу, заломив руки назад. И били.

Сначала только били.

От нахлынувших ощущений затошнило.

Испортила мне все, дрянь.

Соринский снова ударил меня.

В голове зазвенело. Еще несколько таких ударов – и ничто не спасет от сотрясения мозга, даже магия. Впрочем, вполне возможно оно уже у меня есть – может и тошнит от этого? Но долго мучения не продлятся. И это не радовало.

Я хорошо чувствовала Соринского. Эта сволочь хотела меня убить. Неважно, была ли у него причина – пусть даже такая, что я вдруг помешала его планам. Или же его просто распирало от чувства собственной важности и безнаказанности.

Впрочем, при всей неадекватности, он оказался хорошо подготовлен. Не знаю уж, где ждала его машина, но пришла я в себя в багажнике связанной. Потом меня перетаскивали

в укромных местах под мостами в другие машины. Мы снова ехали. Это продолжалось довольно долго, судя по часам на руке у Олега – мои, понятно, остались неизвестно где, как бы не в Риме – мы удалились от вечного города на расстояние часа в три.

И где оказались, я не понимала. Какой-то лес, горы, судя по запаху и пронизывающему ветру, который я успела почувствовать, пока меня чуть ли не волоком тащили в подвал каменных развалин и бросали на пол.

Олег бесился. И был полностью открыт.

Злился, что не удалось все сжечь – да, я была права, это оказалась не одобренная «руководством» акция, скорее, порыв, за который он мог поплатиться.

Я сумела считать это по эмоциям и краткому, подхалимскому разговору. Собеседника на том конце трубки – уверена, там был именно наш главный злодей – совсем не обрадовала ни самостоятельность Олега, ни то, что он притащил меня с собой. Была довольно длинная пауза, как-будто невидимка раздумывал, а потом несколько коротких и жестких приказов.

После этого Олег уничтожил телефон, поднял меня с пола и привязал к стулу.

– Он недоволен... Все из-за тебя. Я должен исправить, – мужчина повернулся спиной, раскрыл несколько стоящих на полу ящиков и принялся в них рыться, выкладывая на стол разные предметы. Мне было не так уж видно, какие имен-

но, но я догадывалась, что среди них найду немало знакомых вещей из списков пропажи. Слова Соринского и его голос отдавали безумием. Впрочем, не удивительно. Каждый день с того момента, когда он позволил своему магическому потоку, огню, что должен был греть его душу, уничтожить первого человека, он шаг за шагом приближался к безумию.

Похоже, что-то время от времени понимал – потому убивал, в дальнейшем, ножом. Но процесс уже было не остановить.

А еще у меня появилось ощущение, что этот процесс форсировали извне. Словами ли, внушением ли – но Олега, похоже, последнее время подталкивали к пропасти.

Он пнул меня и снова занялся какими-то артефактами. Я же, вместо того, чтобы мучаться от боли, сумела сосредоточиться и по-настоящему соприкоснуться с Олегом, как с предметом. Выматывающее действие, которое я редко применяла.

Но здесь не до осторожности.

Жажда власти. Жажда крови. Жажда мести.

Смерть.

И чья-то огромная тень, стоящая у него за спиной.

Кукловод.

С мстью все понятно – он многое сделал для того, чтобы подставить или хоть как то задеть Арсенского. Будто убийства его жены оказалось недостаточно. Смерть – это, скорее всего, относится ко мне.

Думала об этом даже отвлеченно. Я давно уже поняла, что ничем хорошим эта история не окончится.

Но было очень жалко. Себя, родителей.

Максима.

Черт, надо было тогда остановиться. Когда поняла, что слишком сильно чувствую его, слишком хочу урвать хоть небольшой кусочек не предназначенного для меня счастья.

Хотя смогла бы я? И не эти ли кусочки и были тем, ради чего стоило жить?

Кровь... судя по приготовлениям, ритуал. И, похоже, со мной в главной роли. Не обязательно, что это планировалось именно так, но подвернулась я вовремя. Возможно, это даже спасло кому-то жизнь, что было слабым, но утешением.

Но почему я чувствую в Олеге потребность обладать, властвовать над всеми? Конечно, на него это похоже, но сумасшествие сделало его слабым, я не чувствовала в нем той силы, что позволила бы перевернуть мир. А на пустые мечты это было не похоже.

Значит, кукловод.

И пусть это было довольно бесполезно, узнавать теперь все подробности – уверенности в своем спасении у меня не было, скорее, наоборот, я полагала, что все закончится именно здесь – но мне вдруг стало интересно.

Почему я должна умереть?

Что за безумная идея овладела чужими умами, и насколько она осуществима?

И возможно ли, что именно сейчас и воплотится жуткий план, сработает всемогущая «машина», которую так давно собирали неизвестные, и это действительно уничтожит магов или человечество?

Я похолодела.

В этом случае, стоило воспользоваться одним вариантом. Это не остановит, конечно, происходящее – все-таки Соринский был далеко не главным – но хоть немного задержит.

А значит, у Комитета будет шанс на спасение.

Себя или всех – не важно.

Я опустила глаза и подавила злую улыбку. Меня избавили от куртки, передатчика, телефона, но цепочка с красиво выгравированной буквой V была на месте. Владислава. Виктори – победа. И «volucris» – «птица» на латыни. Феникс, который возгорается и сжигает не только себя, но и всех вокруг, готовый позже возродиться.

Может быть.

Когда-нибудь.

Мощнейший артефакт, который не смогли бы отследить даже самые мощные маги, и который передал мне неприметный служака всего сутки назад. В обход Комитета и внимания моего отца и Арсенского.

Ага, теперь мне можно не рассказывать, что Ватикан лишь сотрудничает с магами, но тех в нем нет.

Впрочем, вряд ли я смогу воспользоваться этими новыми интересными сведениями.

– Ты настолько глуп, что смог действовать только по чьей-то указке?

Замер. Медленно повернулся. В глазах – настоящая ненависть.

Но что мне терять? Даже если в Комитете разберутся, как мы выехали из города и смогут восстановить по камерам путь или же определяют каким другим способом, где мы находимся, они не успеют.

– Что ты несешь, тварь? – голос звенит, а руки трясутся. Было бы заманчиво разозлить его настолько, чтобы он направил на меня убийственный поток – организм выставил бы щиты – но рассчитывать на это, не приходилось. Он слишком давно следил за нами, чтобы не знать о случае в музее. – Жаль, что тебя не убили еще в Паликателе.

А вот тут я вздрогнула.

Неужели, настолько давно?

Мысли помчались галопом. Мы уничтожили ту организацию подчистую – ну как, мы, отец и его подчиненные. Он был уверен, что никого из тех врагов не осталось, и я была склонна с ним соглашаться. Значит, это не так? Ну да, точно, куратор же говорил, что обе группировки – и та, что действовала в России, и та, что в Перу, – связаны.

Но мне почему-то представлялось, что в живых остался лишь Олег.

Додумать мысль не дали. Мужчина подошел ко мне и ударил кулаком в живот. Я не сдержала стон. Похоже, ему до-

ставляло удовольствие мои мучения.

– Зато теперь ты должна радоваться, потому что станешь частью чего-то грандиозного.

– Предпочитаю быть чем-то грандиозным, – уверенность и язвительность давались с трудом. На самом деле, я боялась. – А не быть на побегушках, как ты.

Но маг уже успокоился.

– Ты ничего не понимаешь. Как и твой этот Комитет. Вы не видите дальше своего носа – зациклились на каких-то мелких способностях, на помощи людям. Тогда как магия была дана для гораздо больших свершений.

Я скривилась:

– Хотите себе власти и денег?

– О нет. Мы подчиним пространство и время. И раз уж ты оказалась так близка к великим, твоя кровь и магия нам помогут.

Глава 14

Арсенский резко чиркнул зажигалкой и прикурил сигарету.

Плевать, что он в помещении с кучей народа – если не займет чем-то руки, то просто вмажет кому-нибудь.

Несколько комнат было забито людей. Уже знакомые маги; другие члены комитета. Люди с символикой ОБРА. Стражи Ватикана – или как они там себя называют. Толку то от них? С того момента, что Влада исчезла, прошло уже два часа, а они были все так же далеки от понимания, что происходит, как и с утра.

Но разве он мог винить кого-то в произошедшем, кроме себя?

Какого хрена он бросился тушить пожар и упустил, буквально на пару минут, Владу? Да пусть бы там все сгорело, хоть весь квартал, чем она оказалась наедине с большим ублюдком.

История повторялась. Снова. Каждый раз, когда он закрывал глаза, то видел лицо Наташи. Такой, какой запомнил её в последний день.

Он не смог спасти жену.

А теперь уже никак не сможет помочь Владе. Если с ней что-то произойдет...

Мужчина стиснул зубы и заставил себя подавить панику.

Если бы это имело смысл, он бы взял любое оружие и пешком, ползком пошел в ту сторону, где её могли спрятать. Но один он оказался и вовсе бессилён. Потому оставалось торчать здесь, помогать, чем можно и надеяться, что они найдут хоть какую зацепку.

Думай, Максим, думай. Все уже сложено в огромную мозаику – осталось немного и у Комитета будет шанс. Чего добиваются эти сволочи? Зачем им Влада?

Скорее всего, не за чем. Она попала под руку. Олег, похоже, просто решил добить его по ходу движения, но главный спектакль, который собрал уже всех статистов, был задуман режиссером в другом месте.

Если бы он понял, кто этот маньяк... Он бы нашел способ добраться до него и лично вырвал бы тому глотку, голыми руками. Не должен был жить тот, кто убил столько людей, а теперь вот и Влада в опасности...

Его маленькая, хрупкая, такая важная для него девочка.

Какой там старший агент? Его давно уже мысленно корежило уже из-за того пути, что она для себя выбрала, из-за того, чему она себя постоянно подвергала. Ему хотелось утешить её, обмотать мягким одеялом, привязать, но только бы она не строила из себя крутого парня.

Не успел.

Да и дал бы кто ему это сделать? Наверное, даже он себе бы не позволил. Хотя, почему «бы»... Он и не позволил. Слишком ценил её характер, независимость, внутрен-

нюю силу. Такую, какая она есть. И надеялся сейчас, что именно благодаря этой силе у них еще есть шанс спасти её.

Рядом стоял отец девушки. Глава Комитета был почти серый из-за бессонной недели и пропажи дочери, но продолжал отдавать приказы и ценные указания. Сейчас он разговаривал с каким-то человеком в облачении одного из приближенных к Папе – Максим прислушался, надеясь уловить важную информацию.

Вроде нет.

Обсуждают последствия ритуала, в чем бы он ни был.

В ответ на реплику Александра мужчина покачал головой и сказал что-то, из чего Максим разобрал лишь слово «детонатор».

Его насторожило не слово. А реакция отца Влады, который вдруг замер, а потом от него пришла волна такого ужаса, что даже погруженный в свои мысли Максим очнулся.

Он подошел:

– Что случилось?

– Влада...

– Что Влада? – от предчувствия чего-то еще более ужасного его начало потряхивать.

– Если они все-таки воспользуются ею... или она окажется рядом... То взорвет все там.

– Это же... хорошо? – Максим ничего не понимал – Значит у нее есть средство защиты и возможность бегства и...

– Ты не понимаешь. Она взяла детонатор. А бомба – это

её магия.

Арсенский пошатнулся.

В грудь будто залили кипящий металл, настолько её обожгло. Его и раньше просто раздирала на части мысль, что та, которая стала его частью, его жизнью и надеждой – он даже не успел сказать ей об этом! – на самом деле может умереть из-за прихоти Олега. Но теперь оказалось, что эта дурочка решила сыграть в героя.

И умереть в любом случае.

И её к этому подтолкнули. Нет, не Комитет.

Он молча подошел к незнакомцу, схватил того за грудки и швырнул в стену.

А потом попытался дотянуться руками и ногами, не понимая, ни кто он, ни где находится.

Его оттащили. Силком отвели в отдельную комнату. Александр, посеревший еще больше, что-то объяснял, уговаривал, говорил о том, что Влада достаточно разумна, что-бы суметь предотвратить самое страшное, но заткнулся, как только Максим зло выдал, что того, похоже, вовсе не интересует дочь, а только успех операции.

Арсенский понимал, что это просто истерика.

Что на кону стоит гораздо больше, чем просто одна или несколько жизней.

Что если они не подберут ключ к происходящему, то погибнет не только Влада.

Но затопившее его бешенство искало хоть какой-то выход,

хоть кого-то виновного.

И неизвестно, чем бы закончился их разговор с главой, если бы в комнату не заглянул кто-то из агентов:

– Кажется, поняли!

А вот Максим не понимал ни хрена. Язык он знал – думал что знал – но чтобы настолько...

Мелкий итальянец, которого они с Владой нашли в гараже, сыпал какими-то терминами, объясняя те или иные структуры, соединения и понятия, а все вокруг глубокомысленно кивали, будто он раскрывал им тайны Вселенной.

Может и раскрывал, но это имело значение только если могло по-мочь спасти Владу.

Наконец, парнишка замолчал, тяжело дыша, а публика чуть ли не разразилась аплодисментами.

Максима это уже начало напрягать.

Александр повернулся к нему и понял, в каком тот состоянии. И по-тому объяснил энергично жестикулируя, видимо, пытаясь и сам переварить и уложить в голове новые данные:

– Наши маги проанализировали всю ситуацию и заглянули как можно глубже – насколько это вообще возможно. Соринский действует заодно с заговорщиками, и не является главным. Но маг настолько плотно связан с задумкой, что не мог не отвезти Владу на основное место действия. Там, где состоится окончательный запуск механизма. В нем действительно множество знакомых нам частей и артефактов, могущих управлять временем, пространством или предположи-

тельно могущих управлять... И команда определила, наконец, потенциал и цель воздействия этого прибора. Я объясню. Суть технологии мы сами до конца не осознали, а уж чтобы задумать это, нужно быть гением, причем, злым гением. И оккультистом, – глава Комитета говорил несколько сумбурно, но, похоже, к этому уже привыкли. Рядом с ним стояли агенты, ждущие, когда мага озарит и он начнет раздавать указания.

– При чем тут это?

– По большому счету, последователей этого учения можно было бы назвать предшественниками сообщества. Магами без магии. В основе оккультизма лежит мысль, что кроме общепринятых методов познания имеется ещё сверхчувственный, через непосредственное общение с божеством в форме откровения. Но кроме того, и полная уверенность, что нашими судьбами, характером, поведением управляют планеты – рисунки на небе в моменты нашего рождения и каждой секунды жизни. Они недалеко ушли от истины. И разработали немало систем и методов, действующих число семь.

– Уже знакомо.

– Семь видимых планет. Семь элементов человеческой сущности, высший из которых – искра Божества, часть божественного «я», пребывающая в человеке. Сложнейшие по своей многосоставности семь способов оказать планетарное воздействие, с помощью духов.

– Духов?

– Существ, которых вызывает Арс Алмадель. Семь жертв для каждой планеты. И последняя тому, кто сможет поставить точку...

– Кому?

– Сатурну. Отцу-времени.

– При чем здесь Сатурн?

– Завершающая планета, приносящая в любой план порядок и структуру. Проявляющая магию на физическом плане. И, похоже, любимая планета главного заговорщика, во всяком случае, магпсихологи в этом уверены. Сатурн – самая могущественная и самая злая из всех форм существования. Природа его медленна, терпелива, коварна, скрытна. Некоторые утверждают, что добрая половина страданий нашего мира обязана своим происхождением действию этой планеты.

– Александр... Все что вы мне рассказали – бессмысленно. Нагромождение теорий.

– И фактов. Грандиозная задумка! – взгляд мужчины сделался чуть ли не безумным, и он полностью погрузился в свой рассказ, – Похоже, кто-то решил подчинить не просто людей, а саму ткань мироздания. Понимаешь? Они пытаются сделать – или сделали – Бога. Ведь если появится возможность управлять планетами – не в том смысле, что двигать их по небосклону, а в том, что менять направленность их влияния на людей, Землю, окружающее космическое простран-

ство, то появится возможность управлять человечеством в планетарном масштабе...

– Да это просто безумие! Создать Бога? Невозможно. И вы говорите об этом с восхищением... Но черт возьми, какая разница, если это никак не поможет Владе?

– Не поможет... Не поможет... Поможет! Я, кажется понял, куда отправился Олег.

– Вы точно уверены, что он связан с этим... Богом из машины?

– На сто процентов. Его поведение в твоей лавке совсем не вписывается, но в любой истории есть место спонтанности.

– Просто если мы ошибемся...

– Мы не ошибемся. И он отправился в Сатурнию.

– Бальнеологический курорт?

– Не только. Одно из древнейших поселений в Италии.

Согласно легендам, было основано самим богом. Там в округе множество развалин фортификаций и терм древнеримского периода... Чуть больше двух часов от Рима. Ищем в том направлении.

Он мог и не говорить. Работа уже кипела.

Теперь, когда стало понятно направление, стало легче отследить кто выехал в ту сторону или приблизился к городку в примерно нужное время. Их и правда выследили. Максим увидел, что несколько человек – в том числе маги и члены ОБРА – натягивают специальное обмундирование, включая бронежилеты, и молча начал переодеваться сам.

– Максим... – нахмурился глава, но Арсенский только глянул на того, и отец Влады замолчал.

Вертолет вылетел с площадки Ватикана спустя пять минут.

Они не пытались скрываться – к чему? Заговорщики точно знали, что Комитет сделает все, чтобы помешать. А Максим сделает все, чтобы помешать им убить Владу ради благого дела.

Он даже не пытался смотреть на часы.

И так знал, что времени не осталось.

И когда спустя чуть меньше, чем полчаса, они сели на каменистую площадку возле нескольких холмов – сели почти бесшумно, насколько это вообще возможно в такой ситуации – первым выскочил наружу.

Но куда идти дальше – не понимал.

Было темно. Даже небо, будто подчиняясь жанру неведомого кино, было закрыто облаками, так что света звезд и луны едва хватало, чтобы развеять черноту и увидеть непонятные очертания. И это при том, что видели маги гораздо лучше людей.

Арсенский натянул очки ночного видения – и такие входили в их экипировку – и перехватил электрошокер. Пистолет ему не дали, да он и не настаивал – стрелял он последний раз в тире пару лет назад. Досадное упущение, которое он намерен исправить, если все закончится хорошо.

Когда все закончится хорошо.

Он, стараясь не шуметь, побежал вслед за группой таких же мужчин – Александра, конечно, потерял окончательно, но знал, что отец Влады был там.

Мужчина надеялся, что тот знает, что делать. И выбрал правильно направление.

Что их там ждет? Сколько там людей и магов? Они не знали.

Максиму показалось, что они бежали, петляя по дорогам, минут пятнадцать. И у него зрела внутренняя уверенность, что правильно делают. Не ошиблись. Уверенность переросла в стойкое убеждение, будто его интуиция протянула тонкую ниточку, которая становилась все крепче, чем ближе они подходили к нужным развалинам, где прятали Владу.

Он читал, что близнецы могут чувствовать друг друга на расстоянии; некоторые маги, вроде Влады. Даже просто у людей порой срабатывали совершенно звериные инстинкты. И, похоже, именно это и происходило с ним. Ровно до тех пор, пока группа захвата не свернула направо на одной из развилок неосвященных троп. По инерции Арсенский пробежал еще за ними, но тут же почувствовал, что ниточка натянулась.

Он запнулся, остановился, позвал было последнего из бегущих, а потом вовсе замер.

Не придумывает ли он себе? Все-таки Комитет был гораздо опытнее в этом вопросе, среди магов наверняка были следопыты, вроде Влады, да и Александр был так уверен...

Решение следовало принимать быстро. Потому как его собобщники удалились уже весьма существенно.

И...

Пусть бегут.

Направившись в разные стороны, они удвоят свои шансы. А звать и объясняться времени нет.

Арсенский понесся в противоположную сторону, лоя, словно воздух, свои ощущения. Он закрыл глаза, чтобы даже малейшие повороты не мешали его осознанию, и побежал напролом туда, куда вела его, как он надеялся Влада.

Через кусты, какие-то ямы, пару низких заборов, пока не уперся в развалены, наполовину скрытые горой и сухими деревьями.

И тогда ниточка завибрировала так сильно, что, чертыхнувшись, мужчина пробрался через довольно широкие ворота, стукнувшись о колонну, быстро миновал арочные проходы, свернул за угол и почти провалился в дыру, ведущую в какие-то подвальные полуразрушенные помещения.

Он даже не успел осознать, что видит.

Какие-то свечи, полосы огней, мельтешащие тени, нагромождение приборов и линий, заунывные бормотания и ломающая нервы музыка.

Его взгляд сосредоточился на знакомой фигурке, лежащей с закры-тыми глазами очень странно, будто её уронили с высоты и так и оставили. А так же на том, что у фигурки, будто в замедленной съемке, двигалась рука. Тянулась куда

то в район груди, где поблескивал знакомый медальон.

И тогда он закричал, звериным, выворачивающим внутренности криком, в несколько шагов преодолел оставшееся до Влады расстояние и накрыл её тело сверху, как накрывают бойцы гранату. Но не для того, чтобы защитить окружающих от взрыва, а для того, чтобы этот взрыв и эту руку остановить.

Или сдохнуть прямо здесь, на последнее мгновение почувствовав тепло тела той, что стала для него вдруг важнее собственной жизни.

Он еще успел услышать, как рвано вдохнула Влада, а потом вспышка света поглотила все пространство и его сознание померкло.

Глава 15

... – Пап, а что такое магия?

– Это волшебство, которое мы творим своими же руками, чувствами, мыслями.

– А у нее есть цвет или форма?

– Ты сложные вопросы задаешь, малышка. Магия может обрести любой цвет и любую форму, идти вовне и внутрь, разбивать и скреплять все сущее, пахнуть розами и мусорным ведром. Магия очень разная; мы узнали точно только одно, когда она появляется...

– Это я тоже знаю! Однажды на землю упали звездочки и те, кто сумел подобрать их осколки, стали магами.

– Не совсем так, Влада, хотя официальной версии соответствует. Но я считаю, что магия рождается вместе с человеком. Любым.

– Как это любым?

– А вот так. Ведь магия создания жизни – самая сильная во Вселенной. Как и магия любви, которая может из нуля сотворить единицу, из немагического – магическое, а из единицы – целый объем, способный заполнить энергией весь космос.

– Я не понимаю...

– Когда-нибудь, обязательно поймешь. Просто знай, что любое существо на Земле способно любить и отвернуться

от любви, и только от этого будет зависеть, какие круги пойдут от его камня, брошенного в воду. Наш мир, люди, магия состоят из множества частей, которые имеют очень сложное взаимодействие, но если ненависти, страхи, жажда наживы однозначны, то именно любовь несет все сложности отношений и развитие. Все остальное когда-нибудь исчезнет – ложь вскроется, ил-люзия развеется, мир померкнет. Но если хоть где-то сохранится одна магическая искра любви, все может начаться с начала.

– Значит, любой может стать магом?

– В какой-то мере, да.

– И все маги несут любовь?

Нет, дорогая. Некоторые решили, что они справятся и без нее. Но поверь, только с ней можно выстоять перед лицом любых сложностей...

* * *

... – Маленькая дрянь!

Удар пришелся по голове, но я этого не заметила. Я просто не виде-ла и не чувствовала ничего, кроме моих близких, которые умирали на моих глазах.

Ну ничего, раз мы уже потеряли столько времени, прорываясь через твой щит, можем потерять еще часик и наказать тебя так, как ты этого заслуживаешь, магичка. И тогда ты поймешь, что твоя долбанная магия ничего не значит и ни-

чего не может...

* * *

... – Влада, зачем тебе это? Зачем Комитет? Я решился на эту должность, потому что, к сожалению, иначе сообщество не выживет, но я бы никогда не пожелал подобного своему единственному оставшемуся ребенку! Здесь много боли, много страхов, и слишком много опасностей. И не только внешней – опасностей для твоей души, Влада. Для твоего разума и будущего... И черт возьми, пусть я не верю в Ад и Рай, не думаю, что кармический закон существует, но я не уверен, что мне не воздастся за все, что я делаю. Неужели ты настолько хочешь наказать тех, кто отвернулся от любви?

Нет пап. Я хочу защитить тех, у кого все еще есть шанс прийти к ней...

* * *

Я приходила в себя медленно.

Точнее, я даже не уверена, что в себя.

Сначала я видела туман и свет. В голове. В сознании. А если было сознание – значит, я жива? Или же это... все та же Вселенная, но я в ней уже существую по несколько иным правилам?

Это вдруг так меня напугало, что я рванулась куда-то, судорожно хватанула ртом воздух и осознала, наконец, свое тело. Которое было.

Существовало.

Новый судорожный вздох.

Шум в голове.

Живу.

Сердце колотится.

Веки вздрагивают.

Открыть невозможно – настолько они тяжелы. Но это всего лишь значит, что у меня мало сил.

Да?

Шум в голове усилился. Почему? Откуда? Потом появились отдельные звуки. И я постепенно осознала, что это не просто шум. Так гудят приборы. Разговаривают люди. Воеет ветер и хлопают двери.

Звуки нормального, обычного мира. Не черного подвала, где я умерла.

Получается, не умерла?

Вместе с ощущением жизни вернулся страх. Почему не умерла? Не сработал детонатор? И означает ли это, что Олегу и его помощникам удалось выполнить, что они собирались?

Но кто тогда меня спас?

Я ничего не помнила. Точнее, ничего с того момента, когда, на грани потери сознания, тянулась у маленькой букве V у меня на шее. Разве потом не случился взрыв? Во всяком

случае, у меня было ощущение, что меня разорвало на миллион частиц...

Зато я хорошо помнила, что случилось раньше.

Как меня натянули на крюках под каменным потолком, в виде пятиконечной звезды, пока трое мужчин в черных балахонах – понабрались же они где-то этой театральности – расставляли нужные предметы в нарисованной пентаграмме. Сомнительно, что меня надо было для ритуала держать именно в том виде, скорее, это была очередная месть и жажда выдрать из меня страх, боль, ненависть. Не дождалось, обрезали веревки, так что я упала, перевернули на спину и уже потом пустили немного крови.

Как приговаривали какие-то жуткие в своей смертельном совершенстве слова и заклинания на латыни – я хоть немного её и знала, никак не могла разобрать, о чем идет речь – и расставляли свечи, заряжали магией периметр и многочисленные артефакты.

Как я почувствовала давление, идущее снаружи, будто с самого неба, и поняла, что вот, пришло то, что должно было прийти – Сатурну сейчас принесут жертву и задумка все еще неведомого кукловода все-таки исполнится.

Грандиозная, жуткая, призванная устроить Судный день для неугодных существ отдельно и для всех вместе. Невозможная власть, которая даст тому мужчине – а поскольку Соринский называл его «он», я не сомневалась, что это мужчина – возможность уничтожать и миловать. Повернуть небо

вспять. Устроить ядерный взрыв.

Уничтожит, в итоге, его и человечество – я это осознала отчетливо.

Никто не может быть Богом, даже богом из машины. Глупость все, что один единственный, пусть гений, в состоянии осознать триллионы связей, что опутали нашу планету и всех на ней живущих. Но именно гений в состоянии понять, что он делает.

А это означает, что своей почти безумной целью он выбрал небытие...

Или нет?

Что я упускаю?

Я вдруг почувствовала, что кто-то тронул мою руку. Кто-то очень близкий и важный.

Максим?

Снова попыталась открыть глаза и на этот раз у меня получилось. Сначала была лишь пелена, но потом я разглядела мужчину, который сидел рядом со мной в полутемной комнате.

Пищали приборы.

Похоже, больница.

Но как?

Спросить этого я не могла. Даже сфокусировать взгляд было сложно, не то что заговорить.

Но он понял. Устало улыбнулся – судя по щетине, прошло уже много дней с тех пор, как я здесь лежу.

– Я же говорил тебе, что ты без меня не сможешь.

Когда это говорил?! Похоже, он почувствовал мое изумление и улыбнулся уже более открыто и даже несколько коварно:

– Ну хорошо. Собирался тебе сказать. И то, что я без тебя тоже не смогу. И то что ты любишь меня. И то, что я люблю тебя. И да, я знаю, что ты хочешь меня пришибить, но вряд ли сможешь сейчас – у тебя сломана рука, множество ушибов и ты так накачена лекарствами, что вряд ли пошевелишься. И вообще, с Новым годом!

Ох.

Неужели настолько много времени прошло?!

– Первое января, – Арсенский вдруг пересел ко мне на кровать и осторожно погладил по щеке. Кажется, с чувствительностью у меня была не очень. Зато с мозгами все хорошо – и я четко запоминала каждое сказанное им слово.

Вот приду в себя и выскажу все, что думаю о таком самоуправстве! Разве так признаются? Он бы еще сам себе женился и детей сделал...

Надеюсь, хоть в глазах прочитает, какая я грозная. И счастливая.

Потому что жива. И он жив. Да и вообще, этот мир существует. Да, пусть где-то в мироздании мы возрождаемся в виде частиц, когда умираем, но я предпочла бы сначала пожить в этом теле.

С этим человеком.

На этой Земле.

Я снова вопросительно глянула на Максима.

– Ты запустила детонатор, – вздохнул мужчина и в его голосе промелькнула ярость. Но не в эмоциях. Хотя... Хм, странно, а ведь я не чувствовала его эмоций. Следствие взрыва? – И твоя магия действительно взорвалась. И все и всё вокруг сгорело. Но ты... Ты нет.

Почему?!

– Потому что. Эй, не злись, достоверно мы так и не знаем. Но... Ты же помнишь, что у нас одинаковый коэффициент магии? А сама сила противоположна. Минус на плюс, вхождение в резонанс и все такое... В общем, когда я накрыл тебя своим телом, что-то там соединилось или оттолкнулось. Как нужно.

Накрыл своим телом?!

То есть он решил там сдохнуть вместе со мной?! Никто ведь не мог предположить, что это сработает и мы останемся живы.

Кажется, я приду в себя раньше, чем положено.

Чтобы убить его самой!

– А чего ты ожидала, Влада? – голос Арсенского сделался хриплым. – Я должен был там стоять и смотреть, как ты умираешь? Если я решил, что мы вместе, то и без всяких обетов это означает, что мы вместе. И в жизни... и в смерти.

Он решил.

А меня спросил кто-нибудь?!

Хотя я понимала, что спрашивать не о чем. У нас не было шанса с того мгновения, как я посмотрела в его глаза, сидя за стойкой бара.

– Поэтому запомни. Если ты и дальше намерена рисковать, то будешь рисковать только вместе со мной. В команде. Понятно?

Губы чуть дрогнули в улыбке. Конечно, понятно.

И тут же сердце пропустило удар.

Как я могла забыть? Кукловод, машина и...

– В какой-то мере все закончилось, – голос Максима звучал с сомнением, – Нет, мы не нашли того, кто стоял за этим, но ведь все детали машины – почти все – найдены и уничтожены. Её принцип работы Комитет так же понял, признал и засекретил, как понимаешь. Все, кто участвовал в операции, прошли довольно неприятную процедуру прививки неразглашения. Нам также предстоит... Ты просто еще слишком слаба, а я... Да пошли они!

Ого. Кого-то достали. Максим подтвердил мои догадки:

– Лезли все ко мне с замерами, приборами, расспросами... Когда здесь ты!

Я чуть дернула бровями. Похоже, мне вообще не нужно говорить, чтобы он меня понял.

– Ну да, по поводу этого нашего смещения, как они это называют.

Смещения?!

– Влада... Ты только не нервничай...

Так, сейчас я начну нервничать.

– Никто не понимает, как это получилось...

Снова пауза.

Твою ж...

– Но наши магии и дары как бы... Смешались. Неравномерно. И пока довольно странно. Я уже прошел ряд тестов, чтобы понять, что у меня появились какие-то новые способности. Тебе еще предстоит... И, похоже, нам придется заново проходить ускоренный спецкурс на магическом факультете.

Прибейте меня.

Обмен магией?!

Но это же не возможно!

А если возможно... Если возможно передать магию другому ма-гу... Или даже человеку...

Я в полнейшем шоке уставилась на Максима и тот уверенно кивнул:

– Да, девочка моя. Кажется, у человечества есть перспективы.

Часть третья

Глава 1

– Я тебя не отпущу, – жестко проговорил Арсенский и притянул к себе, заставляя вылезти из кресла, в котором так удобно было готовиться к очередной лекции. Я встала и сердито посмотрела на мужчину, но потом рассмеялась. Он действительно выглядел забавным, с надутыми губами, и очень напоминал Никиту.

Тот надувался с поводом и без, особенно когда видел у себя дома. Хотя я бывала там довольно часто в последние полгода, практически, поселилась.

Но слава богу, его влюбленность, вроде бы, проходила. Нет, он еще, сам того не замечая, порой с тоской смотрел на наши с Максимом объятия и язвительно шутил на тему, пора ли ему называть меня «мамочкой», но вполне принял тот факт, что я с его отцом. А когда мы еще и объяснили, после всяческих исследований, что у некоторых людей без магии вполне есть шанс вырастить в себе настоящую искру, и вовсе погрузился в новую сферу, готовый отдать себя на эксперименты полностью.

Такая одержимость результатом пугала бы, если бы не была мне знакома. По собственному поведению и привычкам

Максима.

– Ты никуда не поедешь, – повторил мужчина, и я наклонила голову.

– А то что? Поедешь вместе со мной? Макс, мы уже говорили об этом и неоднократно – полевая практика обязательна для студентов, и я настолько удачно организовала её в этом году, что сама жду не дождусь начала.

– Я не увижу тебя целый месяц!

– Неделю. Ты же сам сказал, что закончишь дела и присоединишься к нам. Поля, вареная картошка, комары – романтика!

– Все эти будут вокруг тебя виться.

– Всем этим не больше восемнадцати.

– Там есть еще и работники.

– Угу, друг Пеня и парочка престарелых архиваторов.

– И вот этот твой друг...

– Именно что друг.

– Влада. Я просто боюсь.

Я обняла его и уткнулась в шею, втягивая ставший родным запах.

– Я знаю. Но Комитет отправляет со мной еще и агента, а я за эти месяцы тоже многому научилась.

И не я одна.

Как только я восстановилась после того взрыва, мы с Максом засели за исследования и учебу в Москве, параллельно продолжая работать каждый на своей должности.

Мы изучали наши возможности, а маги-исследователи изучали нас.

До конца так и не было определено, почему энергия не убила нас, а смешалась. Основная причина, конечно, была в том, что наши «инстинктивные» потоки оказались противоположными, а коэффициент магии одинаковый. Но на этом понимание произошедшего заканчивалось.

Нас измеряли по всем параметрам. От ДНК до объема талии. Заставляли читать порой невероятно глупые заклинания над артефактами – будто заклинаниями в принципе можешь делу. Исследовали мозговые волны в процессе применения дара. Делали тесты и давали задания, над которыми мы то головы ломали, то способности.

И пока пришли к выводу, что случайным образом в ту ночь, под воздействием детонатора, наша энергия на мгновение превратилась в магволну – новое понятие, которого не существовало до того дня в сообществе.

Дело в том, что никто, несмотря на использование самых современных приборов, не смог зафиксировать магическое воздействие как нечто материальное. Было «А» и было «Б» и невидимый путь между ними. То есть был маг, был результат его воздействия на предмет или человека, но никак не сама магия. Даже световые взрывы и прочие свечения, заметные физически, были следствием магии, но не её материальным воплощением.

Но магчастицы, безусловно, искали. Логично предпола-

гая, что в нашем, до сих пор поддающимся физическим законам мире, они должны были существовать.

Просто мы еще не придумали приборы, которые смогли бы их замерить.

Вот и искали частицы, а нашли, похоже, волну. И прыгали до потолка от этого открытия, за право назвать которое – и присвоить звание первооткрывателей – готовы были перессориться Ватикан, Комитет и пара правительств, имевших к этому отношения.

Хотя все работали в полную силу.

Конечно, никакие результаты исследований еще не были обнародованы; напротив, засекречены так, чтобы вовсе никто не мог узнать. Но все понимали, что, возможно, вскоре перед знающими станет дилемма – рассказывать или нет.

Оставить ограниченному числу возможность быть магами – или нет.

К тому же, даже если мы найдем способ передавать магию хотя бы частично, вполне возможно, что только магам. Или же единицам из людей. Что опять же, способно было вызвать расслоение общества.

Но пока до любых утверждения было далеко. И я старалась не слишком вникать развернувшиеся дискуссии – мы с Максимом, пусть и имели к этому теперь отношение, не лезли в политику. Более того, после всех произошедших приключений нас временно оставили в покое, и я теперь даже не выполняла задания в роли агента. И так много времени

занимали новые исследования. Не говоря уж об учебе. Мои эмпатические способности существенно уменьшились, но я все также видела «след», да еще и могла теперь определить, кто и почему мне лжет. Весьма удобное свойство.

А еще я начала слышать музыку.

Музыку времени. Характера. Взглядов на жизнь и намерений. Уж не знаю, как должны были причудливо соединиться магические частицы, чтобы получить такой эффект, но данный дар пока никому не был знаком. Я пробиралась на ощупь в своем владении им, и даже, по совету мамы, начала брать частные уроки сольфеджо и игры на гитаре. Просто чтобы лучше разбираться в композициях и уметь самой, позже, наигрывать и расшифровывать те мелодии, которые я слышала.

Да и на раскопках по вечерам пригодится.

Максим же не только заполучил мои возможности «считывать» вещи, видеть их прошлое – правда, в малом объеме – но и чуть ли не читать мысли людей.

И научился передавать им свои эмоции. Прицельно. И даже наигранные.

Вот и сейчас он послал мне ощутимый всплеск негодования, который я сначала почувствовала на собственной шкуре, а потом еще и распознала в нем визгливые ноты фальшивой флейты.

– Запрещенный прием, дорогой, – я покачала головой, – Не понимаю, почему мы опять подняли этот вопрос? Все уже

давно обсудили. И мне пойдет на пользу свежий воздух.

– Может потому, что у меня предчувствие?

– А оно есть?

– Нет, – нехотя сказал Арсенский. С такими вещами мы не шутили и не лгали. – Просто я собака на сене.

– Большая злая собака, – я почесала его за ухом и взвизгнула, когда он подхватил меня и повалил на диван, и так переживший немало наших разборок. Нет мы не жили вместе – это было бы сложно осуществить вот так, с наскоку, двум взрослым людям, привыкшим к весьма обширному личному пространству и не особо умеющим вести быт совместно – но я регулярно оставалась ночевать у него в квартире или в подмосковном доме.

И с удивлением обнаружила в себе даже некоторые навыки хозяйки.

Во всяком случае, котлетами и блинами я, порой, обоих Арсенских баловала.

Мужчина прижал меня к себе, а потом легкими поцелуями начал покрывать лицо, шею, пробираясь все ниже. Он расстегнул мне рубашку, стянул любимые джинсы и пощекотал языком пупок.

Я всхлипнула, а потом выгнулась от охватившего меня возбуждения.

Удивительно, но магическая энергия, как правило, успокаивавшаяся на месяц-два после ночи любви, в нашем случае, похоже, только росла. Нет, я не была дерганой и меня не

тянуло на сумасшедшие поступки, но мое желание трогать, ласкать, прижиматься и даже владеть Арсенским росло.

Как и его.

Он прикусил тонкую кожу ниже живота и сильным, жестким движением провел ладонями по моим бедрам.

Я застонала и попыталась притянуть его к себе, показывая, насколько хочу его.

Но мужчина не поддался и продолжил дразнить меня, покусывая, поглаживая и соблазняя, окончательно раздевая, пока мы оба не задышали тяжело.

– Скажи мне это...

– Арсенский, ты гад.

– Нет, не это. Скажи мне...

– Я говорю тебе это каждый день.

– Хочу еще... Ну же, Влада!

С хриплым смешком я обхватила руками его бедра, прижалась так, будто рассчитывала раствориться в нем, и выдохнула в полураскрытые губы:

– Люблю тебя.

И на какое-то время мы замолчали.

Глава 2

– Археологи – детективы прошлого. Но мы пытаемся воссоздать не преступление – впрочем, иногда и преступление – а жизнь людей прошлых эпох. И методы используем не менее сложные, чем в ваших любимых детективных сериалах.

Студенты свисали гроздьями с плацкартных полок, я же перехватила микрофон поудобнее. Мы заняли почти весь вагон, потому несколько лекций было решено перенести именно сюда, в поезд Москва – Краснодар. Дальше пересадка и до Керчи, где нас будет ждать автобус.

– Вы уже ознакомились с законодательством Российской Федерации об охране памятников истории и культуры, системой их учета и охраны, теоретическими основами полевой археологии. Усвоили – по меньшей мере об этом говорят ваши оценки-принципы отбора вещественного материала, регистрации, организации труда и быта. Правила техники безопасности мы еще раз обязательно проговорим на месте, ну а пока я хочу вам рассказать немного о том, куда мы направляемся. На прибрежном плато располагается некрополь Кыз-Аула, с огромными каменными склепами, построенными с I века до н.э. по I век н.э. Древнее кладбище ежегодно обваливается в море под воздействием береговой абразии – есть предположения, что само городище, к которому при-надлежал некрополь, уже давно на дне. Поэтому год за

годом туда едут археологические экспедиции, пытаясь найти, раскопать, изучить и систематизировать все, что можно. Южное побережье Керченского полуострова остается малоизученным археологами районом – а ведь именно там находились несколько античных городов и множество поселений. Но в последнее десятилетие интерес к полуострову стал расти...

– Почему? Снова маги?

Я посмотрела на Никиту. Его нахальные синие глаза смеялись. Еще и уселся рядом с Пеньковским и, по-моему, не просто так – чувствую, эти двое еще доведут меня своими приколами, пока Максим не приедет.

– Снова маги, – кивнула, – Возьмем хотя бы гору Опук, что находится на окраине полуострова – место древних магов, уникальных колодцев, наполняющихся до сих пор и античного города Киммерика. Именно там была обнаружена плита с руническими надписями, принадлежащая, предположительно, племени «чародеев», одним из предков германцев – герулам. Их еще называли эрулы, элуры, эрлы. Они также обитали на территории нашего некрополя – появились там во время или после эпохи Великого переселения народов...

– Обитали? Хотите сказать, были похоронены?

– Нет, именно жили. Отличные ведь склепы, чем не особняки? Именно поэтому мы не рассчитываем найти там захоронения, кости и различные предметы античной эпохи – все

давно разграблено. Не всем же повезло как исследователям комплекса Озетт.

– А что это?

– Кто задал вопрос? Тому двойка, – я хмыкнула. Первые курсы вполне могут не знать, так что я пошутила. – В нынешнем штате Вашингтон было древнее поселение американских индейцев, погребенное впоследствии под грязевым оползнем; спустя несколько лет на этом месте было основано новое поселение, также со временем перекрытое оползнем. Такая ситуация повторялась – внимание! – девять раз, что предоставило археологам девять последовательных закрытых комплексов, в которых великолепно сохранились деревянные, кожаные и другие изделия.

– Фу, все на блюдечке, – смешно скривился один из студентов.

– Ага, покрытом километрами грязи. Зато у нас камни отлично сохранились.

– И море!

– Море там действительно шикарное. Сможете говорить потом друзьям, что лето провели на побережье. Так о чем мы... Ах да, от герулов могли остаться следы – будьте внимательны – если это были именно они, конечно, уж слишком далеко от общепризнанных мест обитания. Но не зря ведь Гитлер отправлял туда экспедиции.

– Хотел доказать, что немцы даже в древности крутыми завоевателями? – Пеня подмигнул мне.

– Ага. Но надо сказать, что среди историков единогласия по поводу происхождения герулов нет. Одни считают их скифским племенем, другие – германским. Летописи и различные источники слишком запутанны; тогда ведь было все четко – Римская империя, а остальные – варвары. Потому одно племя с разных концов Европы могло иметь разные названия, а несколько племен – одно.

– Так почему их считали магами?

– Потому что согласно многим источникам именно они консолидировали и распространили по территории нынешней Европы руническую письменность, руны, которые очень долго – да и сейчас – были именно магическим средством. Более того, некоторые исследователи говорят, что и не было такого племени, а герулами называли именно знатоков рун. Так это или нет, мы не узнаем. Объект нашего исследования – сам некрополь, не важно, какого периода использования, античного или более позднего. Тем более, что мы попробуем также продвинуться дальше по побережью, находок предстоит не мало. Кто скажет, что нашли интересного в две тысячи семнадцатом?

– Мраморную плиту с упоминанием переводчика Савромата второго, царя Боспорского государства, которое контролировало Крым в третьем веке нашей эры, – подняла руку симпатичная рыжеволосая девушка.

Я заметила, что Никита закатил глаза. Он не раз называл Светлану «заучкой», но, по-моему, просто хотел «поде-гать

её за косички».

– Именно. Плиту подтверждающую так много выводов по этому некрополю, не так ли. Кто назовет мне, к какой категории археологических памятников относится плита?

– Артефакты! – теперь уже говорили многие.

– А подробнее?

– Это все объекты, созданные или подвергнутые обработке людьми: орудия труда и украшения, такие, как каменные орудия, одежда из тканей, сосуды или даже отходы производства.

– Отлично. Вторая категория – археологические объекты, появившиеся из-за нарушения человеком грунтового слоя. Например яма, выкопанная для хранения продуктов; тлен от столбов, позволяющий проследить очертания деревянной постройки; фундамент. Третья категория – биологические остатки, вроде золы, пищевых отходов. И четвертая – геологические отложения, скопившиеся на площади памятника. Пробы отложений часто позволяют обнаружить мельчайшие биологические остатки и артефакты, которые очень трудно или вообще невозможно выявить в полевых условиях, поэтому их забирают в лаборатории. Собственно, все это мы и будем искать в некрополе....

* * *

– У тебя замечательные студенты.

Я глубоко вдохнула ночной воздух станции и улыбнулась Пеньковскому:

– Мы были такими же.

– Ты может и была... А я пропадаю в кабаках.

– В жизни не поверю! Ты?!

– А что? Отрывался как мог, а потом спьяну тащился на пары. По-моему, я доучился только благодаря природному обаянию.

– Сомневаюсь, что оно могло помочь тебе стать довольно известным археологом.

– Ну не так уж и известным, – Володя пожал плечами, – я и за науку то её не считал, почему пошел туда – даже не знаю. Конкурс был маленький что-ли... А потом на раскопках после пятого курса встретил Катю. И понеслось. Именно она показала мне, насколько это может быть увлекательно. Благодаря ей – и ради неё – я полез в эти «детективы древностей».

– Я помню, вы были повернутыми на раскопках и магии, все время спорили и тащили в дом всякую гадость, – я улыбнулась, а мужчина застыл.

Его лицо вдруг стало беспредельно жестким, а взгляд помертвел.

Черт.

Не надо было напоминать.

– Не хватает её? – я осторожно погладила её плечо.

– Очень. – голос был хриплым, – Столько лет прошло, но

время ни хрена, оказывается, не лечит. Просто вспоминаю реже.

– Прости.

– Ты ни при чем, – он снова расслабился и превратился в большого и уютного Пеню, но мне все еще было не по себе от разительного контраста.

С Катей и Володей мы были соседями в Паликателе.

И она осталась там же, где и мой брат.

Мне казалось, что Пеньковский гораздо лучше меня пережил ту трагедию, во всяком случае именно он меня вытаскивал, когда было совсем плохо – подбадривал, тормозил, увлекал наукой. Но, похоже, его боль еще глубока.

– Я рада, что ты поехал с нами, – снова погладила по плечу.

– Я тоже. Посмотрим, чему ты научилась, – он хмыкнул совсем уже добродушно.

– Может и ты покажешь новые приемы? Где ты побывал в последние годы?

– То тут, то там... – ответил мужчина уклончиво.

– Были интересные открытия? Мы совсем мало связывались с тобой, как я уехала в Россию.

– Ничего сенсационного, если ты это имеешь в виду, – Володя улыбнулся, – так что я рассчитываю на наше лето.

– Обещаю, что что бы ни нашли мои студенты, подсунуть это ночью тебе в палатку.

Мы расхохотались и двинулись к вагону.

Поезд отправлялся дальше.

Глава 3

...Попытки проникновения за защитный периметр воспринимались как визг. Тонкий, но очень громкий, буквально вонзающийся в мозг, словно сверло, спирающий дыхание, которого и так не хватало из-за усилий.

Я понимала, что не справляюсь, и это было страшно.

Мои близкие, прижавшиеся ко мне под защитным колпаком, тоже боялись, но они все еще надеялись.

Что помощь успеет, что кто-то нам поможет.

Но это было не так. И я пока единственная, кто знал.

Все еще тянула магическую силу из брата, но понимала – минута-две и все будет кончено.

А кончилось еще раньше. Какой-то ублюдок, третий по счету, и тоже не-маг принес очередной артефакт, напоминающий булыжник, и ухмы-льнувшись, настроил его на нас.

Защита лопнула, как мыльный пузырь.

Тетя завизжала, мелкий устало всхлипнул, а я бросилась как маленький зверек на ближайшего нападавшего, вгрызаясь ему в выставленную в защите руку.

Но силы были не равны.

Меня отбросили в сторону.

И быстро, как-то буднично, расстреляли мою семью. На моих глазах.

И уже потом повернулись ко мне.

Я в шоке смотрела на дуло пистолета, но тут один из убийц глумли-во прошипел:

– Ты надоела нам своим сопротивлением, магеньш. И заплатишься за это...

* * *

Шумно выдохнув, я резко поднялась и села в своей палатке.

Меня трясло от попеременно прокатывавшихся по всему телу волн холода и жара – как всегда бывает со мной во время кошмаров.

Черт.

Давно это мне не снилось. Мое прошлое.

Одежда промокла от пота, и я надеялась только, что не орала во сне – иначе перебудила бы весь лагерь.

Прислушалась.

Нет, тишина.

Посмотрела время на телефоне и решительно вылезла прочь, на улицу.

Четыре часа утра. И я точно уже не усну, пусть вчера мы и выдохлись, преодолевая последние километры пути и устанавливая лагерь – спальные палатки, полевую кухню, необходимое оборудование.

К раскопкам планировали приступить с утра, а вечером все ломану-лись на пляж – оценить невероятную природу и

теплое море, которое, казалось, смывало усталость и возвращало силы и настроение.

Видимо, не всем.

Меня передернуло. Я снова вернулась в палатку, стянула влажную кофту и надела новую. А потом вылезла, закуривая сигарету. Огонек светился в рассветных сумерках, дым тянулся вверх, где еще были видны звезды, а я думала. Думала о произошедшем несколько лет назад.

Об отвратительных, почти убивших меня пытках.

О смерти любимого брата.

Тогда мир перевернулся для меня. Не с ног на голову – у меня было ощущение, что он просто повернулся ко мне задницей. Я много лет выкарабкивалась из этого ощущение беспомощности и ненависти к такой вот жизни. И выбраться, на самом деле, мне помогла работа в Комитете. Здесь я была нужна. Я помогала. Я реально могла спасти.

Наверное из-за своего прошлого я была готова на многое, чтобы эта ситуация не повторилась. Ни с кем другим. Отдать свою жизнь. Отказаться от любви.

Я знаю, не все меня понимали – даже в Комитете. И иногда было ощущение, что и Максим не понимал. Но я просто не могла по-другому. Я должна была знать, что делаю все, что возможно, лишь бы никто не испытал того, что испытала я. Лишь бы никто не умер снова.

Полгода назад мы не спасли многих. Каждую эту смерть я спрятала в длинный список, который хранился в моем серд-

це. Эти люди – и маги – заслуживали того, чтобы о них помнили. А те, кто стал причиной их смерти, заслуживали наказания.

Подельники неизвестного кукловода погибли, а тот затаился. Комитет продолжал копать, а я... А я, пожалуй, решилась на то, что было под большим запретом.

Путеводные нити.

Ритуал, забирающий силы и годы жизни, но усиливающий интуи-тивные открытия и ведущий по огромному лабиринту запутанных дел.

О нем знали немногие; использовали – еще меньше. Маг, который проводил этот ритуал, должен был делать это один. В темноте и тишине. И всегда оставалась большая вероятность, что он просто не вернется из лабиринта. Кто бы хотел рисковать? Никто.

Мне удалось выбраться однажды.

И я намеревалась сделать это снова.

Вздыхнула, выбросив очередной окурок, прихватила с веревки еще влажное полотенце и отправилась на берег.

Пора настроить себя на новый день.

* * *

– Смотрите! Получилось! – счастливо завопила Маша, тыкая пальцем в компьютер.

Ребятам удалось создать более менее правдоподобную

3D-визуализацию археологического памятника – то, каким он, предположительно был до разрушений – и мы с удовольствием полюбовались открывшейся картиной.

– Я бы добавила предметов обихода, – задумчиво протянула Светлана.

– И трупы. Про трупы не забудь – и побольше, – меланхолично произнес Никита, державшийся поближе к девушке. Та сердито зашипела и смерила парня презрительным взглядом.

Я хмыкнула. Наблюдать за этими двумя последние четыре дня оказалось настоящим удовольствием.

Раскопки всегда были фундаментом археологических исследований, но также весьма частым фоном для развития романтических – и не только – отношений. Сама среда способствовала этому: определенная таинственность, ажиотаж, присущий молодым студентам – им так и казалось, что они откроют Атлантиду – а также природа и свежий воздух, который здесь и вовсе был невероятным. Мы все уже загорели и накупались до одури, каждый день ходили смотреть на закат, а потом долго сидели у костра на берегу.

Я приходила на берег еще и на рассвете.

Посмотрела на ребят – пока эта смена отдыхала, другие трудились под палящим солнцем – и ушла в тень со своими бумагами.

Цель раскопок выглядела всегда обманчиво простой: собрать информацию таким образом, чтобы сохранить и за-

фиксировать все сколько-нибудь существенные данные. К сожалению, цель эта недостижима, поскольку сохранить и зафиксировать все невозможно, тем более, что в вопросе о том, что именно является наиболее существенным, согласия между учеными никогда не бывает.

Я не ждала от этой поездки археологических сенсаций, мне просто хотелось, чтобы мои студенты получили достойную практику и многому научились – в том числе, работать в команде. Но вот что касается меня самой...

Не терпелось пройтись и прочитать следы.

Но я клятвенно заверила Максима, что без него делать этого не буду. Тем более, что в его интересах было также пробовать считать старые камни и прочие объекты – для развития собственного дара.

Потому я сейчас отмечала на сетке те места, которые хотела бы изучить пальцами и магией в первую очередь.

Хорошо хоть, что координатную сетку создали задолго до нашего появления, и она оставалась неизменной. Суть этого инструмента в том, что территорию памятника разбивают на квадраты – причем разбивку следует производить очень тщательно, чтобы её можно было воссоздать даже через что лет. Это обеспечивается привязкой сетки к каким-либо неподвижным ландшафтными объектам – через опорную точку проводят линии, идущие с севера на юг и с востока на запад; местам пересечения этих линий присваивают определенные обозначения. Высоты тоже фиксируются. Таким

образом мы могли определить соотношение в трехмерном пространстве каждой извлеченной находки с любым другим объектом, что позволяло представить, в том числе, куда копать дальше и что можно там обнаружить.

Мои медитации над развернутой картой, куда я перенесла сетку, прервал звонок сотового.

Мне даже не надо было смотреть на экран – магия предчувствия работала и без магии:

– Привет, – я улыбнулась и откинулась на лавке.

– Привет, загорелая девочка. Я ревную.

– К солнцу?

– К тем взглядам, которые останавливаются на твоей коже. Ты скучаешь без меня?

– Очень. Смотрю сейчас, куда мы первым делом отправимся, чтобы посмотреть следы.

– Но только со мной.

– Только с тобой.

– Как Никита?

– Влюблен, как я и предполагала.

Смешок Арсенского я представила воочию.

Скорей бы он приехал.

– У меня новости... – начал мужчина.

– Ты беременный?

– Фу, Влада. Нет. Наконец-то удалось найти хоть какие-то концы в той истории с лунницами. Интересно?

– Еще бы. Меня не оставляло ощущение, что там ко мно-

гому будет ключ.

– Я завтра съезжу поговорю с той женщиной о том, что у нее сохранилось – записи какие-то, проливающие свет на эту историю – и потом к вам.

– Женщиной? – спросила я ревниво.

– Угу. По отзывам моих детективов молодая магичка с прекрасной фигурой и...

– Макс!

– И мне плевать, – он засмеялся, – Люблю тебя.

– И я тебя, – я улыbnулась и положила телефон.

Потом посмотрела на часы и направилась к ребятам, все еще сгрудившимся возле компьютера.

– Третья группа! Пора поработать не только мозгами. Давайте-ка на одном из участков применим метод флотации. Кто расскажет, что это такое?

Несколько возгласов меня удовлетворили.

– Савелий, давай.

– Простейший вид флотации – промывание образца грунта в ем-кости с водой. Соответственно осадок удаляют, затем высушивают и исследуют под слабым микроскопом, сортируя и определяя его состав. В более сложном флотационном приборе сжатый воздух прокачивают через бак с водой, медленно сцеживая верхний слой воды через несколько фильтров; специальным насосом воду возвращают в бак для поддержания постоянного её уровня. Приборы не только ускоряют эту операцию, но и обеспечивают более полное выяв-

ление материала.

– Как определить, хорошо ли работает флотационный прибор?

– В образец грунта примешивают сто современных зернышек мака и отмечают, сколько из них удалось обнаружить.

– Отлично. Пойдемте, научу вас пользоваться прибором. Мы увлеклись исследованиями не на шутку.

Уж очень занимательные штуковины привезли в эту экспедицию – раньше и мечтать о такой оснащённости полевых раскопок не смели, все лучшее доставалось только раскопкам федерального масштаба. Ну а теперь у археологических обществ и институтов было достаточно средств от спонсоров и тех же магов, искавших определенные предметы.

Пару керамических осколков с помощью флотации нам удалось обнаружить.

Пока студенты возбужденно переговаривались, я отвела Машу в сторону.

Весь этот курс я старалась мягко выяснить, что же стало причиной её отказа от использования магии: при её низком коэффициенте никаких неудобств магическая энергия не должна была доставлять – ни выбросов, ни развитых инстинктов. Как оказалось, все было проще. Счастливые родители не скрывали, что она маг, более того, рассказывали об этом всем, как о предмете гордости – вроде как наша Машенька лучше вашего Кирилла и так далее. Что произошло дальше в маленьком городке, где даже не было магической

школы? Правильно. И другие родители и другие дети стали Машу сторониться, а как она выросла – издеваться, заранее презирая её якобы превосходство.

Родители девочки долгие годы ничего не замечали, девочка страдала, а в подростковом возрасте и вовсе замкнулась в себе, прячась от собственной энергии. В шестнадцать, понятно, подписала отказ от использования.

И только переехав в Москву, где быть магом считалось выгодно и почетно, она задумалась, так уж ли была права.

В итоге, в феврале она подошла ко мне и призналась, что сняла печать и пошла на специальные курсы, чтобы научиться управлять тем немногим, что ей дано.

Я же взялась за специализированное обучение.

Выдала несколько рукописных тетрадей по связи дара, археологии и умения считывать предметы – мои собственные записи, но я не стала об этом говорить – и неоднократно рассказывала про своих друзей, которые успешно занимались археологией, имея определенный коэффициент.

А потом и вовсе призналась, что я маг.

На самом деле, скрывать это, несмотря на работу в Комитете, на данный момент не имело уже смысла. Слишком многие узнали – и не только кукловод, но и враги «поменьше» – о некоем агенте, владеющем сильными и необычными дарами. Некоторые были в курсе, что я дочь главы Комитета, кто-то – что археолог. Сложить дважды два не составляло труда. Потому было решено, что я теперь работаю не под прикры-

тием. Я получила официальную должность аналитика в двух структурах – Комитете и Совете Безопасности России, в котором маги хоть и были, но сообществу не подчинялись по долгу службы. В общем-то, кабинетную работу, что неизменно обрадовало Максима.

Но это не значило, что я не буду выходить в поля – и не только ар-хеологические.

– Маш. Я долго думала, чему оптимально тебе будет учиться в связи с выбранной профессией и коэффициентом ноль-три и пришла к выводу, что раз определенного дара у тебя нет, можно будет развить в тебе способности «нюхача», но с уклоном в археологию.

– Нюхача?

– Да. Ты сможешь определять, для чего нужен тот или иной предмет. Не только на основании опыта, знаний и имеющейся классификации, но и на ощупь. Понимаешь, какие перспективы? Если ты будешь проводить исследования и раскопки, или даже работать в музее или над книгами – тебе всегда пригодится.

Глаза девушки восторженно зажглись, когда я протянула ей один из осколков.

– А я точно смогу?

– Энергии хватит, так что не тушуйся – чем больше будет практики, тем большая будет точность. Возьми его в руки. Тебя учили концентрироваться и направлять внутренний поток вовне?

– Да.

– Закрой глаза и направь его на этот осколок. А потом мысленно попробуй восстановить то, чьей частью он является. Возьми его мысленно в руки и приклей к другому осколку – побольше. Не размышляя сильно об итоговой форме. Просто приклеивай один за другим, пока не увидишь некие очертания. Тогда останавливайся.

Девушка кивнула, закрыла глаза и сосредоточенно нахмурилась.

Я видела, как шевелились её губы, вздрагивали ресницы, как время от времени напряженная дрожь проходила по телу и не мешала.

Спустя десять минут она распахнула глаза:

– Круглое! Там получилось что-то круглое! И плоское!

– Догадываешься, что это может быть?

– Блюдо? – спросила она робко.

– Конечно. Теперь понимаешь? Когда ты научишься, тебе не придется склеивать что-то в реальности – ты сразу будешь определять что нашла. А с готовыми предметами сможешь работать, даже если их назначение до того не было известно науке. Только до этого еще предстоит практиковаться много лет.

– Я хочу этого, – сказала она твердо и счастливо на меня посмотрела.

– Значит, будет. Беги к группе.

Я тоже была счастлива.

Пусть магия многим – и много – принесла горе и проблемы, но я всегда воспринимала дар с благодарностью.

Дар небес.

Мне захотелось окунуться и смыть с себя грязь и усталость этого дня. Я посмотрела на студентов – те заканчивали обработку одного из квадратов, а две другие группы готовили ужин и накрывали на стол – и отправилась на берег моря.

Воздух дышал свежестью.

Я отошла чуть в сторону от лагеря, полностью разделась и нырнула в благословенную прохладу и тишину.

Плавать меня научил отец, еще когда мне было лет пять. И плавала я хорошо – далеко и глубоко, тем более что благодаря магическим по-токам могла затаить дыхание надолго.

Я полностью погрузилась в ощущение невесомости, которое мне дарил подводный мир, и то медленнее, то быстрее двинулась вперед.

Мягкую тишину вдруг прорезала тонкая, робкая нота.

Я улыбнулась.

Сама того не планируя, погрузилась в некое подобие транса – а значит окружающий мир, причины и следствия разных поступков, ворвались в мое сознание, как если бы я выискивала след. Присматриваться не хотелось, но сопротивляться я тоже не стала.

В этот раз не было общего ощущения атмосферы свершившихся и грядущих событий, не было запахов, звуков, мягкости или твердости, как я привыкла. Только музыка.

Сначала мягкая и нежная, на грани слышимости, будто кто-то рисовал золотой кисточкой по песку.

Потом музыка стала громче. Быстрее.

Жестче.

И вот – тревожные ноты скрипки. И вдруг барабаны. Они пришли накатом, вместе с шумом волны, когда я, в испуге, вынырнула на по-верхность.

Преследовали меня весь мой путь назад.

Вышвырнули меня на берег и вдруг начали бить деревянными па-лочками, отчего по моему телу разлилась метафорическая боль и душа наполнилась тревогой.

Опасность. Смерть. Перевертыш.

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь.

Сердце билось гулко в ритме барабанов...

И все успокоилось.

Будто и не было. Что это? Следствие прошлых событий? Или намек на грядущее? Почему так быстро прошло? Почему не возвращается, хоть я теперь осознанно и требовательно искала след?

Ответов не было.

Я кое-как оделась и пошла в лагерь, где задумчиво поела, не обращая внимание на веселье моих спутников, и рухнула в своей палатке, проваливаясь в темноту.

И почти ожидаемо, как следствие использования дара, увидела сон. Где были мы с Максом, в крохотном помещении.

И мы тонули.

Глава 4

Как правило, чем ярче были мои сны, тем вероятней отображенное в этом сне должно было произойти.

Или уже произошло.

Дело было даже не в деталях, которые я видела, скорее, в предпосылках и следствиях – такова была природа моих аналитических способностей. Что-то я четко распознавала наяву, вынося вердикт.

Что-то превращалось в кошмары.

Я вышла из палатки и растерла плечи.

Охотились ли на нас с Максом – или мы, как охотники, в итоге попадали в ловушку – ясно было одно. Ни к чему хорошему это не приведет.

Впрочем, когда оно было по-другому?

Я пожалала плечами, прихватила полотенце и отправилась на берег. Было еще темно. Последние дни я совсем не высыпалась, но надеялась, что с приездом Максима это изменится. Любовные отношения с собственной парой были наилучшим вариантом выхода излишков магической энергии.

Я улыбнулась про себя.

Вот уж не думала, что мне повезет встретить того, кто действительно дополнит и наполнит меня настолько мощно. И если в быту и работе мы продолжали притираться друг к другу, то наши магические сущности сливались настолько легко

и настолько просто, взаимно напитывая энергией и успокаивая всплески, что секс был просто фееричный.

И спалось после него очень хорошо.

Сделала комплекс упражнений, немного подышала, восстанавливая равновесие и нырнула в чуть зябкую воду, стараясь получить удовольствия по максимуму. Потому специально не прислушивалась к окружающей среде и гнала прочь возникающие то тут, то там ноты.

Иногда надо отдыхать.

Я полностью отключилась от реальности, уходя в эфемерный мир, давший нам гораздо больше, чем магия – саму жизнь. И потому чуть не вскрикнула, когда вынырнула возле самого берега и увидела сидящего возле моих вещей Володю.

– Фух, напугал, – прозвучало немного нервно. – Почему не купаешься?

– Просто захотелось встретить рассвет.

Кивнула, принимая эту версию, и вылезла на берег.

Меня не смущало, что я была голая – маги во многом по-другому относились к своему телу. Тем более странно было бы смущаться человека, который мыл тебя и менял тебе судно, пока ты была парализована. Я воспринимала его всегда, как второго отца, но почему-то именно сегодня его появление заставило меня нервничать.

Быстро вытерлась, натянула свою одежду, а сама лихорадочно думала.

Если брать вероятностные линии, то Пеня мог...

Я почувствовала к себе отвращение за подобные идеи. А потом, ведомая протокольным требованиям, которые обзывали агентов проверять всех, даже близких, сосредоточилась.

След. Чтение. Эмоции.

Все что я умела.

И тут же вздохнула с облегчением про себя.

Ничего от него не исходило. Точнее, ощущалась только привычная доброжелательность и чуть ироничный оптимизм.

Все тот же Пеньковский.

Я уселась рядом и шутливо подтолкнула его плечом:

– Наверняка ты просто боишься раздеваться, а то студентки мигом проснуться и набегут на твоё роскошное тело.

Мужчина расхохотался:

– А ты не завидуй. Впрочем, тебе не надо – свою армию поклонников ты себе обеспечила. И как Максим отпустил? – в голосе потрескивали смешинки.

– Отправил своего сына вместо соглядатая.

– Который эту армию и возглавил.

Я хмыкнула. А потом спросила:

– А ты не завел серьезных отношений?

– О нет, я как всякий моряк – по девушке в порту.

– Не боишься что они тебя найдут всем скопом и пришлю-
бут?

– М-м, я и пять девушек...

И прозвучало это так, что уже расхохоталась я. А потом мы сидели и смотрели, как встает над морем солнце.

* * *

– Чем большую массу земли надо переместить, тем больший «ин-струмент» требуется археологам. Соответственно для самых деликатных операций необходимы совсем небольшие приборы. Вот так и живем – от бульдозера до медицинской иголки. В нашем распоряжении совки, мастерок каменщика, пешне, кисточки, геологический полоток, ножницы – да все что угодно. Но что является самым главным и обязательно должно быть в наличии?

– Голова? – с сомнением протянул Леша, щупловатый но весьма привлекательный паренек, успевший за эти дни уже загореть, облезть и загореть снова.

– И никогда не сомневайтесь в этом, – я улыбнулась. – Помимо «головы» последнее время в археологии часто используют магию. И не только вместо инструментов – я вам уже говорила, что лет пять маги-археологи пересматривают многие находки и изучают культурные слои, во-первых, с точки зрения предпосылок появления магии. Во-вторых, применяют дар, чтобы узнать точнее, что же именно произошло на том или ином месте и для чего точно предназначались непонятные предметы.

– Да-да, помню, озарения, сродни тому что после приема ЛСД, – усмехнулся Никита, а я лишь покачала головой. Строптивый у меня «сыночек».

– Именно. Понятно, что в каждую экспедицию маг не поедет – их нет так много, кто выбрал эту профессию, но в помощь были созданы некоторые артефакты, которые, конечно, не могут показать вам прошлое или склеить давно исчезнувшее, но определенная польза от них есть. Вот, смотрите. Маг-проектор.

Все уставились на довольно большой шар с кучей проводов и клепок. Исследовательско-технологические лаборатории не всегда успевали облечь свои детища в удобоваримую форму, зато с удовольствием давали проверенным ученым их на испытания.

Его подсоединяют к компьютеру, закладывают туда все данные, которые успели собрать археологи, в том числе 3D-модель зданий и помещений – кстати, пока используют такие проекторы в основном специальные подразделения полиции, на месте преступлений, там тоже требуется реконструкция происшествия – и... вуаля.

Я заранее подготовилась, установив проектор в одном из наиболее сохранившихся склепов с наибольшим количеством находок – и теперь была вознаграждена восторженным воплем тех, кто поместился в помещение.

Мы будто оказались в прошлом.

Проектор давал трехмерное изображение сразу по всем

направлениям, потому появлялось ощущение полного погружения в реальность. Как в моих видениях.

Гладкие стены с надписями, украшениями и табличками. Стоящий в нужном месте алтарь. Несколько кувшинов, осколки которых найдены тут ранее. Посуда и низкий топчан, прикрытый тряпками. Эта «комната» была настоящей, вот только на ощупь – а студенты тут же принялись махать руками, пытаясь «взять» голограммы.

Я взяла не годы создания склепов, когда здесь были именно захоронения, а тот период, когда его использовали, как жилье. Вы сами знаете, что с этого времени сохранилось гораздо больше. Но позже мы с вами попробуем восстановить и более раннюю «картинку».

Ребята продолжали восторженно перешептываться, а ко мне подошел Никита:

– Влада... Александровна, – мы договорились, что в присутствии одноклассников он будет называть меня по имени-отчеству – А это то, что вы сами видите? Когда используете дар? – спросил он почти шепотом.

– Похоже, – я кивнула, – только есть большая разница. Я к тому же могу увидеть то, что еще не нашли – и даже не найдут никогда.

Говорила тихо, не желая посвящать окружающих в свои собственные особенности. Хоть и пришла к выводу, что придется все-таки поставить в известность университетское начальство – и студентов – что я якобы «распечатала» магиче-

скую силу. Иначе на тех же раскопках не оберешься вопросов – а я хотела продолжать свои исследования и погружение в прошлое.

Без маг-проекторов.

И любила это с детства.

До того как мы осели в Паликателе, ведомые желанием жить среди нам подобных, большую часть времени я проводила на раскопках с мамой, или мы все вместе ездили с отцом, который после получения способностей поступил на службу и помогал улаживать конфликты между магами и людьми.

Понятно, что с таким образом жизни в школу я практически не ходила – всему учили родители и другие взрослые, которых вокруг было немало, с детьми – сверстниками почти не играла, ну а любимейшим развлечением у меня было взять какой-нибудь черенок или найденный на раскопках кусочек и погрузиться в собственные видения, в которых вполне возможное прошлое смешивалось у меня с совершенно сказочным детским восприятием.

Мама потом всегда пыталась меня, что же я видела и обязательно фиксировала все, что стоило внимания – но мне было не до работы.

Это был мой, особый мир, который потом и помог мне вернуться снова к жизни.

Никита рядом вздохнул, а я поняла, что задумалась.

– Хотелось бы мне так же, – сказа он чуть капризно.

– Так подключай воображение, – я улыбнулась – Я уже говорила тебе, что ты слишком уж торопишься, да еще иставишь магию во главу угла. Пойми, многие маги даже не в состоянии распознать или развить свою энергию таким образом, чтобы хоть как-то влиять на действительность или собственные ощущения. Зато многие люди становятся великолепными творцами, могут уплывать с помощью подсознания в иные миры – и даже вполне реальное прошлое – осваивают медитации и пользуются своим мозгом далеко не на пять процентов. Все зависит от человека, – я выбралась из склепа, оставив там студентов – дам им еще пять минут – и Никита вышел вместе со мной.

– Но вы ведь не люди...

– Да, даже по физическим параметрам мы отличаемся, но пойми – у нас всего лишь есть дополнительные качества, вот и все. Вот кто-то красивый, кто-то гениально играет на скрипке, а кто-то – маг. И это не делает его лучше или счастливее – все зависит от того, как эти качества будут применены. А ты воспринимаешь магию как возможность решить одним махом все проблемы, ну точно Золушка...

– Что ты имеешь в виду? – надулся Никита.

– То что тебе кажется, что появишься у тебя магия, как тут же все станет хорошо. Как многие девочки ждут принцев и считают, что с их появлением в их жизни все изменится в лучшую сторону, так и ты мечтаешь о сверх-способностях, которые вдруг сделают тебя умнее, успешнее и талантливей.

Так может стоит сосредоточиться на том, чтобы развить эти способности без всякого вмешательства извне? И тогда глядишь и принц... тьфу, магия не будет нужна?

Никита что-то хотел возразить, но вдруг переменялся в лице, а сзади меня раздалось уверенное:

– Это кому принцы не нужны?

Я резко развернулась, взвизгнула и повисла на шее у Макса.

– Откуда ты здесь?! Ты же должен был приехать завтра!

– Улетел на ночном рейсе в Краснодар, а там взял машину. Не мог вытерпеть еще даже пару часов, не то что сутки без тебя.

Он накрыл мои губы жестким поцелуем, несмотря на любопытные взгляды окружающих и бурчание Никиты, который «поверить не мог, что взрослые люди могут так себя вести».

Но мне было плевать на любые взгляды и недовольство.

Я была так счастлива видеть Арсенского, что почти верещала, как дурочка.

Тем более, что взгляды нас преследовали и дальше.

Во-первых, потому, что Максим всегда оказывался в центре внимания благодаря своей харизме и ауре властности, что его окружала.

Во-вторых, сходства с Никитой и их общения не заметил бы только слепой – а это дало определенную пищу для сплетен.

В-третьих, он с ходу объявил, что приехал не просто так, но развивать свои способности, что вызвало определенный восторг, особенно среди женской части группы – магов среди нас, кроме Маши, которая этого стеснялась, якобы не было.

В общем, мне стоило большого труда утащить его после ужина на берег моря, подальше от лагеря и любопытных ушей.

И тут он меня удивил.

Жестом фокусника расстелил плед, достал бутылку вина и пару стеклянных бокалов, а потом еще и небольшую коробочку.

Меня обдало одновременно и жаром, и холодом.

Неужели это то, о чем я думаю? Я совсем не была готова к такому развитию отношений. Конечно, мы любили друг друга, но...

– Ты слишком громко думаешь, Влада, – ничуть не смущаясь, усмехнулся Максим, – открывая давай.

Глава 5

– Арсенский, ты идиот.

– Угу.

– Нет, я тебя точно когда-нибудь прибью.

– Ага.

– Как вообще так можно...

– Тш-ш... – он подмял меня под себя и серьезно посмотрел сверху-вниз, – ты не только много думаешь, но и много говоришь. А ведь единственное, что я должен слышать – это «да, мой господин».

Я закатила глаза, а мужчина снова перекатился на бок, прижал меня теснее и накрыл краем пледа. А потом и вовсе засопел – сказывались бессонные сутки за рулем.

Я же осторожно высвободила цепочку, на которой висела необычная подвеска, и полюбовалась её блеском при свете ночного светила.

Платиновая лунница, усыпанная бриллиантами, была просто невероятна.

Как и кольцо, в виде знака V, которое сверкало теперь на моем безымянном пальце.

Ведь знал же все, гад.

Знал, что я боюсь переходить на новую ступень отношений, но, в то же время, хочу этого. Боюсь, что Максим задаст тот вопрос, на который я не готова была дать ответа.

И знал, что когда он его не задаст, расстроюсь и испытаю острое чувство разочарования. Которое, как мне казалось, я не должна была испытывать и вообще в состоянии успешно скрыть, даже не предполагая, что мне хочется замуж...

Зато Арсенский предполагал. Сначала вручил украшение на шею и, выслушав все положенные ахи и вздохи, объявил редкостной дурочкой, зацеловал чуть надутые губы и вытащил вторую коробочку, в которой лежало кольцо.

И пока я изумленно хлопала глазами и собиралась с мыслями, чтобы возмутиться такими уловками, надел мне его на палец, прошептал, что безумно счастлив, что я сказала «да» – хотя я молчала – а потом и вовсе повалил навзничь, чтобы почти без подготовки, с утробным рыком вонзиться в меня, заявляя свои права и вбиваясь до тех пор, пока я не взмолилась и не простонала все-таки свое согласие.

И уже более медленно и нежно закрепить результат, лаская меня чуткими пальцами и языком, растапливая все мои страхи и сомнения.

Я вздохнула, чувствуя полное умиротворение, и тоже закрыла глаза и расслабилась.

Ничто нам не мешало провести эту ночь под шум при- боя. Ну а завтра будет новый день. И мы займемся, наконец, следами. И попробуем обучить друг-друга тому, что знали и умели раньше – если у Максима с эмпатией было все в порядке, да и погружение в прошлое предметов ему вполне удавалось, как и «обзор» реальности, то мне с вновь приоб-

тенными способностями «чтеца» приходилось возиться. Те считывали настоящую структуру человека или предмета – можно было наловчиться видеть болезни, поломки или же правду или неправду говорил оппонент. И расшифровывали её, как программисты расшифровывают код.

Но мне пока было сложно понять в вихре странных ощущений и знаков, что же именно я вижу.

Но то, что видела что-то – однозначно. Я предполагала, что и музыка неспроста наложилась на мои способности следопыта и чтеца – это также был своеобразный код событий, который я все еще не до конца принимала и осознавала. Но предстоящая многолетняя – скорее всего – работа меня не пугала. Всю жизнь маги изучали свои способности, никогда не зная, что еще может им открыться и какие еще возможности даст то или иное действие. И в этом движении на ощупь у каждого из нас были свои методы.

Максим предпочитал брать наскоком, до одури утомляя себя различными упражнениями и попытками использовать непонятные пока дары.

Мне же было ближе более размеренное движение к цели. Я позволяла внутренней энергии, эмоциям, образам охватывать меня полностью, проникать во все клеточки тела, пронизывать ткань пространства, и через это полноценное осознание на уровне интуиции принимать те или иные решения, закреплять результаты. В этом смысле мне была близка позиция йогов – они никогда не рвали связки, но всегда рато-

вали за постепенную каждодневную практику.

* * *

– Рассказывай.

Мы ленились.

Ушли с Максимом после завтрака на самый дальний участок раскопок и нагло усадились на вековые камни.

По-хорошему, стоило поработать с его даром – или с моим – но я дала себе паузу.

Чуть позже.

– Про что? – он улегся прямо на древнее строение и закинул руки, а я с удовольствием рассматривала перекатывающиеся под тонкой рубашкой мускулы.

– Лунницы же! Не томи.

– Ну конечно... Значит так, та девушка оказалась рыжей и...

– Арсенский! – я стукнула его кулаком.

– ...и совершенно не в моем вкусе. – он хмыкнул, схватил мой кулак, разжал пальцы и поцеловал каждый в отдельности. – Но рассказала мне весьма любопытные вещи. Мои люди вышли на нее далеко не сразу – да и как выйти, если концов не было вообще? Помог, как ни странно, Сергиев – при воспоминании о бывшем партнере мужчина поморщился. – Он так стремится выслужиться перед Комитетом, уж не знаю, почему, что не жалеет времени и денег на

сбор самой разной информации – да и знакомыми обзавелся в разных сферах. Те и поделились информацией, что одна из исследователей славянской культуры, доктор наук и все такое, которая жила в Нижнем Новгороде. Опубликовала недавно небольшую научную работу, посвященную колдовству и лунницам. В общем, мои сотрудники выехали на проверку. Им пришлось немало поработать в архивах, зато выяснили интересные подробности. Помнишь я говорил про «полубезумную» женщину, которая спрятала амулеты в церкви? Так вот, у нее была двоюродная сестра. А матери девочек, соответственно, были родными сестрами. И в свое время, согласно семейным легендам, получили в наследство «ключ и замок, отпирающий небо».

Я ахнула:

– Лунницы и...

– И небольшой свиток, который переписывали неоднократно, последний раз – в начале двадцатого века. Именно в этом свитке содержались сведения о некоем ритуале, способном привести небо в движение, как в твоём видении. Слушай дальше. Те родные сестры по каким-то причинам рассорились и разъехались в разные стороны. И увезли с собой свиток и артефакты. А потом передали их своим дочерям. Что они при этом рассказывали – непонятно. Про судьбу лунниц мы знаем, а вот судьба свитка еще более интересна. Оказалось, что его чтили, как семейную реликвию, и передавали от дочери к дочери с напутствием никогда не зачитывать вслух

и хранить до той поры, пока не придет время Ветра, как завещали предки.

– Какое-какое время?

– Ветра. Я тоже ничего не понял. В общем, так все и происходило до нынешних времен. Ирина, тот самый ученый, говорила, что и заинтересовалась то в свое время культурой славян из-за этой истории, и свиток, хоть ей и попало за это, рассматривала – но так и не смогла понять, о чем там идет речь и так и не смогла найти своих родственников со второй частью наследства – особых возможностей у нее для этого не было.

– И она прям все-все тебе так и рассказала? – спросила я ревниво.

– Ага. Потому что я пообещал дать ей возможность поработать с ними вживую. Но была еще причина...

Он плотоядно улыбнулся и поиграл бровями.

А я застонала.

Ну что за мальчишка!

– Не томи.

– Анастасия Ольшанская.

– Что?! При чем здесь убитая магичка?

– Она приезжала к Ирине. Представлялась коллекционером – удивительно, что под своей фамилией – чуть ли не требовала продать этот свиток. Женщина отказалась. И тогда её обокрали.

– Ого.

– Ага. Причем в полиции никто конечно не захотел рассматривать заявление о пропаже клочка бумажки – ученый же никогда не заявляла о наличии этого свитка, а больше из квартиры ничего не взяли. Ну она тогда решила, что молчать смысла особо нет и написала серию статей, в одной из которых рассказывала про лунницы и свиток, не упоминая семьи.

– Так она читала его?

– В какой-то мере. Там было много выцветших слов и пропешин, но из того, что можно было прочесть, становилось понятно – это был заговор на лунницы. В основном, призыв планетам-богам прийти на Землю. Все весьма иносказательно...

– Хм... И зачем такое Ольшанской?

– Возможно, не ей...

Я потеряла занывшие виски.

– Наш мистер Икс. Кукловод отправил её за свитком. И убили Анастасию, скорее всего, потому, что она знала лично этого мага. Мы не смогли найти концов с её стороны, но теперь...

– Можно попробовать найти концы со стороны этого свитка, – Максим кивнул – Как-то он должен был узнать о его существовании – если лунниц было всегда много, и мои можно повторить, то этот призыв для него, возможно, был важной частью ритуала. Я уже направил всю информацию в Комитет. Надеюсь, они будут действовать быстро.

Я тоже надеялась.

– Помнишь, я говорила тебе, что верю в теорию ключевых предметов? Похоже, наши лунницы такими и стали. Все не то чтобы крутится вокруг них, но они, фактически, фигурируют во всех делах.

– Помнишь, я говорил тебе, что ты тоже являешься точкой притяжения? Лунницы могут быть лишь посредниками или даже частью тебя... – видно было, что Максиму слова давались с трудом.

– У нас снова схема... – я кивнула. – И снова мы что-то упускаем.

– Не все нашли?

– Нет. Не видим, что именно мы уже обнаружили. Черт, надо отвлечься. И сменить тему. Давай поработаем с твоим даром? Нужно будет взять в руку камень и почувствовать...

– Я его и так чувствую задом, – подмигнул Максим.

– Да ну тебя! Бери камень. Вот этот – зря я его чтоли тащила на место?

Максим осторожно взял кусочек одной из стен и сжал в руках.

– Закрой глаза и сосредоточься. Попробуй направить поток на камень, но не так, как обычно ты видишь структуру. Окружи его теплом. Почувствуй маленькой частью чего-то целого, представь, как от него исходит сияние и становится все плотнее. Нам нужны запахи, звуки, объемы...

Я осторожно взяла сжатую руку Максима и тоже закрыла глаза.

А потом осознанно провалилась в темную воронку времен, утягивая за собой и камень, и мужчину.

Быть проводником собственного дара – еще один эксперимент, который мы с ним осваивали после обмена. На другом маге, без дара следопыта, это не сработало бы. Но нам с Арсенским удавалось таким образом время от времени прорабатывать новые навыки.

В ускоренном режиме, как он и любил.

Я полностью погрузилась в свои ощущения, чувствуя, и не чувствуя Максима рядом с собой, и вздрогнула.

Окаатило волной жара. Перед глазами заплясали огненные всполохи и заметались какие-то тени.

Запахло паленой... плотью?

Дым будто ворвался не просто в мою картинку, а мне в голову и наполнил клубами мысли, которые тут же сделались неповоротливыми, и легкие.

Захотелось закашляться.

И тогда я осторожно ослабила поток дара и вынырнула в реальность, глядя на мужчину.

Максим моментально открыл глаза.

– Пожар?

– Ага. Понравилось?

– Не очень.

– Понимаю. Не лучший вариант для тренировок, но... Я ведь специально не смотрела след заранее, но согласно списку и анализатору, он не бывал в огне. Может перепутала что-

то в хранилище. Ну да ладно. Попробуешь снова сам?

Максим с неудовольствием посмотрел на неприятный осколок и кивнул.

А я приготовилась его страховать, все еще пребывая в недоумении.

Глава 6

Влада звонко расхохоталась над какой-то шуткой одного из студентов – их здесь было столько, что имен он запомнить не мог, кроме Никитиной Светы, которая, кстати, весьма робела в его присутствии – и Арсенский невольно залюбовался своей женщиной.

Ладная, гладкая, загорелая, с небрежно заколотыми волосами, просоленными морем. Она одуряюще пахла и одуряюще хохотала, и ему ужасно хотелось утащить её в какую-нибудь нору и оставить в собственном пользовании.

Чтобы был только он.

Но он понимал неуместность ревности и собственнических чувств. Тем более, что она и так практически не отходила от него сутки, забросив все лагерные дела.

Что её не слишком устраивало.

Его очень умная и целеустремленная женщина.

Почти жена.

Вот и приходилось сидеть чуть ли не в нескольких метрах, напротив, борясь со своими желаниями.

Он довольно улыбнулся, глядя, как в свете костра переливается кольцо на безымянном пальце, когда девушка перебирала струны гитары. Его мало кто заметил – но Никита, конечно, не преминул многозначительно закатить глаза. Хотя прекрасно знал о его планах. А вот Владимир цепко про-

шелся по кольцу, потом по Максу, и даже пошутил непри-
нужденно, но он видел – что-то в этой ситуации Пеньковско-
му не понравилось.

Неужели имел все-таки виды на Владу?

Или ему просто вдруг сделался неприятен Максим? Пока
тот играл роль «просто друга», его этот отчаянный оптимист
и балагур окутывал как и всех совершенно неумной энерги-
ей. А стоило Арсенскому стать ближе Владе – очень близко
– как он сразу лишится этих «привилегий».

Мужчина усмехнулся.

Да и не надо. Пеньковский ему тоже не нравился. Его зве-
риная интуиция просто вопила, что тот неоднозначно отно-
сится к Владе. И Максим был вынужден умирять свои эмо-
ции – ведь это лишь ревность, не так ли?

Мягким голосом Влада мурлыкала какую-то песню, а по-
том гитару взял её друг и действительно весело, задорно и
замечательным голосом начал петь походные песни, которые
узнавало даже новое поколение.

Влада искренне веселилась и прижималась время от вре-
мени к руке Володи, а он начал заводиться.

Вот не может она не льнуть так? Или хотя бы с меньшим
восторгом подпевать ему?

Девушка неожиданно повернулась и посмотрела ему пря-
мо в глаза.

А потом мягко улыбнулась и покачала головой.

Фу ты ну ты. Конечно, эмпатия на него у Влады осталась

в полной мере.

Он постарался принять независимый вид и встал, намереваясь покурить в стороне. И скорее почувствовал, чем увидел, что она тоже поднялась одним гибким движением.

– Отелло, – прошептала и прижалась всем своим телом.

– Не в этом дело. Он не так прост как кажется, – пробурчал Максим, – и вот я думаю...

– Тш-ш, – она тоже прикурила сигарету и посмотрела на него чуть прищурившись на мужчину. – Конечно не прост. Балагур и весельчак – это его верхняя уютная шкура. Но... Это не просто человек моего прошлого. Он часть моей семьи. И тебе придется это принять.

– Ты слишком им дорожишь.

– По-другому и не возможно. Он пришел ко мне в палату, когда я лежала с перебитым позвоночником, парализованными ногами, ранами по всему телу... и огромной дырой в душе. И взялся за мной ухаживать. Как сиделка, понимаешь? Я только когда выросла, то осознала, что именно он делал. Не судно таскал, не слезы вытирал, а приходил в палату почти каждый день, снимал эту свою уютную добрую шкуру и укутывал меня в нее. И сквозь нее я почти не чувствовала боли от физиотерапевтических процедур, от болезненных капельниц, от выворачивающих в прямом смысле магических ритуалов. Он не лез ко мне в душу, как психологи, но именно благодаря этой планомерной, не унижающей заботе я в какой-то момент поняла, что дыра немного затянулась. И то-

гда он стал таскать меня на раскопки. Прямо в инвалидном кресле. Усаживал рядом и рассказывал что и как делает – я и раньше это видела, но то была игра, мне интересно было в детстве именно погружение в прошлое. А тогда он начал меня учить. И эти новые знания постепенно вытягивали из болезненных воспоминаний. А попытки ворошить прошлое кисточкой развивали моторику. Ну а отношение ко мне, как к кому-то нормальному...

– Я понял. – Максим вздохнул.

– Понял?

– У меня ведь тоже был такой человек после смерти жены...

– Никита? – догадалась Влада.

– Да. Так что не волнуйся, не буду бить морду твоему

Пеньковскому.

Она серьезно кивнула, а мужчина осторожно привлек к себе и обнял, будто стараясь поделиться силой.

Они не стали возвращаться к костру.

Снова пришли на берег моря – уже с двумя одеялами – и уютно устроились, разглядывая звезды.

А когда он внезапно проснулся посреди ночи, Влады рядом не было.

Глава 7

Черная жижа спесивыми всплесками растекалась по моему телу, лас-кая и душа одновременно.

Пусть я скользнула в нее по своей собственной воле, но тело инстинктивно забарахталось, пытаюсь выбраться, спастись от того, от чего не было спасения.

Лабиринт всего сущего, где ты есть все – а все есть ты – не мог причинить боли или стать причиной смерти. Он уже убил тебя, когда принял в свои объятия.

И теперь мне следовало четко определить для себя, какую плату я хочу за это.

Первый ра столкнувшиеся с ним маги, зачастую, из жадности, требовали слишком многое – и не возвращались никогда. Все глубже погружались в собственную Вселенную, всегда и во всем бывшую отражением истинной. И хватались за суть вещей, уходя за всезнанием за порог.

Для реального мира они переставали существовать. Лишь их оболочка.

Они же погружались в иную реальность и, уверена, были там счастливы. Если вообще могли испытывать какие чувства – за порогами могло вообще существовать лишь состояние ничего.

Жижа залепила мне нос, рот, глаза. Я задержала дыхание, но потом позволила ей полностью наполнить свою суть и по-

плыла в темноте, время от времени отталкиваясь от несуществующих стен.

Кукловод? Прошлое? Будущее? Артефакты? Ритуал?

Тупик.

И за поворотом решение.

Я вынырнула, хватая освободившимся горлом воздух и замерла, втягивая ночные запахи.

Вокруг меня было почти черным-черно. Угадывались лишь общие очертания – холм, на котором я стояла, верхушки деревьев, отблеск воды где-то внизу, босые ноги и кисти рук из под серого балахона.

Была глубокая ночь, но не из тех, что черны, как склеп, навечно погруженный в безмолвие. Ночь была освещена. Луной, отдававшей странным, багровым светом. Яркой, красной точкой, чуть дальше, по небосклону, светился Марс. Звезды чуть померкли перед их величием, но тянулись к моей земле не меньше.

Мои руки были полны земли; под ногтями забились грязь. Я сбросила землю, и протянула ладони вверх.

Зачем?

Так было надо. С лабиринтом не спорят.

А потом нащупала на груди несколько шнурков и амулетов. Луны с выбитыми узорами дарили мне спокойствие и умиротворение.

Но я пришла сюда не за спокойствием.

Набрала полные легкие воздуха и напевно произнесла за-

клинание. А потом еще одно.

Простые слова – но к чему сложности Смотрящей со звезд?

Я почувствовала, как меня наполняет сверхъестественная сила.

Мощь, равной которой не было в моей душе и теле. Никогда.

Энергия, что способна сотворить миры и отвергнуть их, перевернув все с ног на голову.

Магия, что пронзила меня до самых кончиков пальцев и наполнила их свечением, способным ослепить и излечить от обычной для людей слепоты.

Слепцы!

Они слепы и жалки. В отличие от богов, что ведают всеми вещами.

Они слепы в своей алчности, своей косности, своем понимании сущего.

Смотрят и не видят. Насколько они величественней в своем пребывании на земле.

Насколько они счастливей в своих возможностях ощущать этот мир.

Насколько они сильнее в умении изменить это мироздание.

Но они боятся.

Я подняла ладони вверх и звезды закружились в безумной пляске.

Я была всесильна. Я была временем. Я была пространством. Я была вечностью.

Самое упоительное ощущение.

С которым не хотелось расставаться. Никогда.

Грудь, на которой лежали амулеты обожгло. Я с недоумением по-смотрела на них и заметила, что среди лунниц появился еще одна под-веска. Чужая. Чужеродная.

Моя.

Настоящая.

Как любовь того человека, что дал мне её.

Я взяла её в руки. И послушно шагнула назад, во Тьму.

Чтобы с дикой болью, выгнувшей все мое тело, очнуться в реальности...

* * *

Я лежу на холодном камне, но мне не холодно. И даже не больно.

Потому что меня держат руки. Самые надежные руки на свете.

Арсенский?

Конечно он. Схватил меня, когда я вышла из лабиринта и теперь прожигает взглядом. А мог бы – разорвал бы на части за то, что я подвергла себя опасности.

Но не разорвет. И даже не будет ругаться. Я знаю это и он знает – он полюбил не юную и милую учительку. Не ту, кто

будет трепетно жарить котлеты целыми днями и пиццать на ужасах в кино.

И готов принять все риски, которые связаны с нашими отношениями.

Он это понимает. Но не может не злиться.

Мужчина всмотрелся в меня, а потом тяжело вздохнул и прижал к себе.

– Я не могла взять тебя с собой. Любые потоки рядом... – почему-то я испытывала потребность оправдаться.

– Я знаю.

– Как нашел?

– Я настроен на тебя Влада. И найду всегда. – прозвучало угрожающе, но я чувствовала, как он успокаивается. – Ты... делала это уже?

– Да. Однажды. Очень давно.

– И тогда ты...

– Нашла своих убийц.

Он вздрогнул и прижал еще теснее.

– А сейчас? Что ты выбрала сейчас?

Я вздохнула. И рассказала.

О том, что мы ошибались.

И неведомый кукловод тоже ошибся.

Тогда, в Италии, ничего бы не произошло. Ему бы не помог Арс Алмадель, жертвы и прочие многочисленные артефакты, которые он заботливо собирал неизвестное количество лет. Потому как «в руках» человека, пусть даже мага,

даже сильного они были лишь простой машиной с винтиками и гаечками, но без сколько-нибудь должного эффекта. Того, которого он добивался.

Он хотел повелевать миром и всем сущим, что в нем было? Для этого надо было стать богом.

И чтобы запустить эту машину, добиться конечного результата надо было стать богом.

Богами.

Лунницы были не просто проводниками неких сил и энергии – они наделяли человека силами, которых до этого не получали маги. Силами творить что-то совершенно новое. Или уничтожать старое. Уверена, таких артефактов было немало – от психотропных средств, изменяющих мозговые волны, до египетских пирамид.

Дающие возможность стать частью сверхъестественного.

Смотрящая не пользовалась этим в своих целях. Она верила, что служит богам, мирозданию – а по факту, сама становилась этим мирозданием.

И могла бы дать жизнь любой, самой безумной идее.

Но ей это не было нужно.

А вот нашему мистеру Иксу...

– Что же он хочет?

– Не важно. К всеобщему счастью не идут таким путем, значит, его следует остановить, что бы он ни хотел. Я искала не цель в лабиринте, а её реализацию – теперь мы понимаем механизм. И сможем подготовиться.

– Не важно, кто будет проводить ритуал и с помощью чего?

– Да.

– И ты считаешь, у него может получиться?

– А ты считаешь, мы имеем право проверять, получится ли у него?

Максим внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

– Нет. Даже если есть хотя бы крохотный шанс, что он исполнит задуманное, он не должен этим шансом воспользоваться.

* * *

В голове с трудом укладывалось то, что мне открылось.

Я созвонилась с отцом – глава выслушал молча и отрывисто поблагодарил. Я понимала его чувства – с одной стороны, даже для магов происходящее было излишне фантастичным. С другой, столь тщательная подготовка и все то, что мы накопили за последний год говорило о возможности даже самых фантастичных предположений.

Я вернулась на раскопки, вяло раздала задание студентам и сама взяла в руки инструменты.

Монотонный труд всегда помогал мне успокоиться и привести голову в порядок.

Рядом молча встал Максим. Мы не обсуждали с ним про-

исходящее – обоим нужно было время подумать. Но одно его присутствие рядом наполняло меня уверенностью, которую я, по большому счету, не должна была испытывать.

Мои аналитические способности пасовали перед открывающимися шокирующими перспективами.

Но я, стиснув зубы, взялась за работу. Не археологическую – а мысленную. Аккуратно, по полочкам, раскладывая все, что произошло со мной с первого сентября прошлого года.

Раскручивая все ниточки, одну за одной, что спутанным мотком лежали передо мной столь долго.

Убийство Тимура, Олег, ненавидящий Арсенского, и его попытки подставить последнего.

Максим, колдующий над собственными приборами, его римский ма-газинчик и источник.

Анастасия Ольшанская, расплатившаяся за то, что встала на темную сторону и украдшая некую рукопись.

Лунницы, что так вовремя попались нам на глаза – у Вселенной всегда было замысловатое чувство юмора.

Наши отношения с Арсенским и Никита, так явно желающий стать магом – и взрыв, чуть не погубивший нас, но приведший к тому, что у людей, похоже, действительно появился шанс получить магическую энергию не по рождению.

Жуткое ритуальное убийство на Рождество и вмешательство Ватикана.

И человек, который всегда знал гораздо больше, чем мы

все вместе взятые. Который незримо присутствовал в моей жизни последний год, и, похоже, был как-то со мной связан...

Я вздрогнула, когда поняла, какая мысль пришла мне в голову.

Максим всегда говорил, что я могу быть ключевой фигурой – нет, не решаю ничего, и делается это все не ради меня. Просто было что-то в моем прошлом, что стало если не отправной точкой для всей этой истории, но отправной точкой для того, чтобы судьба меня в эту историю вмешала.

Вот только что?

Я ведь даже как-то попробовала воспользоваться своим даром по отношению к самой себе, отправившись в поисках следа – и снова наткнулась на Паликатель в своих воспоминаниях.

Событие, которое на самом деле изменило мою жизнь.

Но разве он имеет отношение к дальнейшему?

Вдохнула и осторожно переместилась по стенке, снова проводя ки-сточкой.

Некрополь Кыз-Аула только разработанной площади имел две тысячи квадратов, потому было легко «уединиться» вдалеке от остальных. Археологи называли его «многоэтажным кладбищем», постоянно наталкиваясь то на массовые погребения, то на нетронутые могилы двухтысячелетней давности, то на «свежие» захоронения двенадцатого века. Не столь уж страшные находки, с учетом прошедших веков, за-

то многое говорившие о тех или иных нравах и верованиях. Как склады-вали руки покойника, клали ли что-то с собой, лежал ли скелет один – или во множестве. Какие предметы окружали покойника. Конечно, многое было разграблена – по отчетам очевидцев уже столетие как здесь промышляли неофициальные археологи, попросту мародеры. Да и племена, пришедшие в первых веках нашей эры далеко не трепетно относились к наследию предыдущих жителей.

Но для нас был ценен каждый найденный предмет и камень.

Наша история, наше прошлое, наша возможность лучше понять себя.

Я раз за разом проводила кисточками разных размеров, чувствуя, как привычное занятие замедляет учащенное дыхание и сердцебиение.

И снова и снова прокручивала в голове все события, представляя их все более ясно.

А иногда позволяла себе прикоснуться к камню, оставляя на нем особый отпечаток дара и на несколько секунд погрузиться в прошлое, также мимолетно, как взмах кисточки.

Хм, снова пожары.

Снова?

Что было с пожарами.

Замерла ненадолго.

Тот кусочек, что я вытащила из собранной уже коллекции, который мы рассматривали вместе с Максимом. Тогда ведь

мы увидели тоже не самые приятные следы – а согласно каталогу, этот камень не подвергался воздействию огня.

Когда его изъяли из очередного склепа?

В первый день раскопок. На память я не жаловалась. Сама же сло-жила в мешок и хотела показать максимуму – столь стройную картинку светлого помещения он мне нарисовал.

Нарисовал.

Но ведь это...

Я замерла – и вместе со мной Арсенский, почувствовав гораздо больше, чем я успела бы сказать.

– Что такое?

– Кто-то стер – или нанес, я пока не понимаю – реальность с найденного камня. Или камней... Черт! Я не совсем понимаю, но получается, что кому-то понадобилось подтереть пространство. Зачем? И это ведь сработало ненадолго.

– Влада... Прямо здесь? На раскопках?!

– Да, – я растерянно смотрела на мужчину. – Но ведь это означает... Твою ж...

– Что? – спросил он охрипшим голосом.

– Паликатель...

– При чем...

– Я думала, что все время вижу его, потому что это самое сильное воспоминание моей жизни! Но это также всегда был след – точка, с которой все началось! Точка, которая связана со мной и с...

– Пеньковским, – побледнел мужчина.

– Это невозможно, – виски сдавила боль, – Он ведь не маг! Он ведь спасал меня! Он хороший!

– Тш-ш, – прошептал Максим и прижал меня к себе. – Мы со всем разберемся, главное не пороть горячку. Может ты ошибаешься, может...

Но уверенности в его словах не было.

Я понимала.

Я все понимала! Но поверить была не готова...

Звонок сотового вывел меня из состояния шока.

– Влада! – куратор был взволнован, – Мы нашли человека, который мог – потенциально – получить информацию о лунницах и свитке и интересовался ими! Черт, Влада, мне тяжело это говорить, но...

– Я знаю, – сказала помертвевшим голосом. – Пеньковский.

– Мы еще расследуем это, но ты должна понять и...

Я не слушала.

Положила трубку.

И быстро вылезла из раскопанной ямы.

А потом побежала в сторону лагеря, где уже собирались на обед.

Там ведь были люди. Мои люди. Мои студенты, мои коллеги. Никита. И среди них прятался тот, кого я считала своим самым лучшим другом...

Я никогда не бежала так быстро.

Я никогда не ненавидела возможность, наконец, понять,

что проис-ходит, так сильно.

Под изумленными взглядами мы с Арсенским забежали под большой навес, служивший нам столовой, а потом быстро и четко осмотрели все палатки и места раскопок, не тратя времени на взволнованные вопросы.

Бесполезно.

Владимир Пеньковский исчез.

Глава 8

– Не лезь на рожон.

– Знаю.

– Не ищи его. Мы отправили лучших специалистов.

– Хорошо.

Голос отца сух, но мне не нужно видеть его, чтобы понять, насколько он взволнован.

Меня же раздирает такая сильная душевная боль, что я только стискиваю зубы, чтобы не застонать. Не выдать миру эту боль. Не запустить через нее целый круговорот отворачивания и заранее проигранной ситуации.

Я делаю все, как полагается. Созваниваюсь еще и с куратором – группа захвата уже выехала из Краснодара.

Объясняюсь со студентами. Те Пеньковского не знали как моего друга, потому просто напуганы. А вот Никита смотрит внимательно – очень внимательно – и немного жалостливо. Но мне не до того. Мы, фактически, вводим комендантский час, ведь дело клонится к вечеру, ставим защитный периметр и обязываем всех ходить по четверо – даже в туалет. Я не чувствую, нужна ли чья-то кровь для ритуалов, но рисковать не намерена.

Мы сворачиваем раскопки вместе с несколькими руководителями соседних групп.

Приходится рассказать еще и про сбежавших из соседней

колонии зеках – одним магом их не удивить, и эта чертова бравада взбешивает меня настолько, что я чуть ли не с кулаками наступаю на коллег.

Выручает Максим. Он долго о чем-то беседует с мужчинами и те со вздохом соглашаются. Загоняем всех в лагерь – с максимально спокойными лицами.

У нас праздник. День основания раскопок. Не говорили – потому что сюрприз.

Повара быстро начинают готовить пироги, а молодежь – капустник. Они заняты, они вместе, и значит шансы на то, что кто-то уйдет в одиночестве смотреть закат и попадетсся – минимальны.

Но их слишком много, чтобы защитить одной магией или приказом – из Комитета, по сути, здесь только я, Максим и еще один агент. И я просто надеюсь, что метод кнута и пряника сработает безотказно. Что студенты достаточно напуганы сбежавшими преступниками и рады возможности легально повеселиться.

Мне же совсем не весело.

Обида на судьбу и ощущение полного краха всего того внутреннего и гармоничного, что я растила в себе много лет, отзывается сильной тошнотой и горьким вкусом на языке.

Глаза регулярно застилают слезы, я подавляю их – и снова берусь за дело.

Защитить всех, кто не имеет отношения к этой истории – и не должен иметь.

Приструнить Никиту, порывающегося нам помогать – назначить его ответственным за безопасность студентов. Он принимает ситуацию настолько близко, насколько это возможно и больше не перечит.

Разработать с агентом план на случай срочной эвакуации – автобусы уже выехали. И будут ночью.

Пробежаться по склепам. Я снова и снова касаюсь стен и камней, переживавших за века многие смерти. И убеждаюсь – фон изменен. Изменен был след – и снова он вернулся в первоначальное состояние.

Как это возможно? Я не понимаю.

Это даже не ластик. Это что-то совершенно иное, чему у меня нет названия. Что-то, с чем Комитет никогда не сталкивался.

Некая способность или артефакт, который не дает даже самому сильному магическому восприятию пойти верной дорогой.

Что он пытался скрыть? И как это сделал?

И если он скрыл некие объекты и воздействия, не мог ли он поступить так с собой?

Скрыть истинные мысли, чувства, эмоции и даже магическую сущность?

Неужели появился новый дар, о котором мы даже не знали? И Пеньковский стал его носителем – злым гением, притворявшимся лучшим другом?

Его добродушие, отношение ко мне, помощь...

Ложь длиною пятнадцать лет.

Меня все-таки выворачивает наизнанку. Болью, прошлым, предательством. Максим придерживает меня за плечи – мы довольно далеко от лагеря, проверяем объект за объектом, надеясь найти хоть какие-то следы, могущие направить нас в нужную сторону.

Он всегда рядом. Всегда со мной.

И хорошо, что я проверила его прежде, чем окончательно полюбила и впустила в свою жизнь.

В отличие...

Я вою. А потом рыдаю, мусоля мужскую футболку.

Мне не надо говорить, объяснять, сдерживать себя. Мне позволяют выплеснуть всю ту черноту, что моментально образовалась на месте разлома.

Выплеснуть и очнуться злой. Ясно мыслящей. И предельно собранной.

Я знаю, что буду страдать и дальше. И привыкать жить с очередной дырой в моей груди.

Но не сейчас. Сейчас для этого не время и не место. Сейчас я просто не замечаю, что истекаю кровью – чуть передала поверх артерии, чтобы не упасть. И довольно.

Арсенский спрашивает почти спокойным голосом. Почти – потому что внутри него клокочет бешенство и жажда убийства. Я их чувствую горячим, остро пахнущим жаром.

Громким металлом, наполненным порванными струнами и разбитой гитарой.

– Как вообще все это стало возможно?

– Решил начать с простых вопросов? – я горько усмехнулась. Но мужчина прав – если мы проговорим сейчас происходящее, это, вполне возможно, даст дополнительную ясность. – Друг главы Комитета, переживший Паликатель и не являющийся магом. Никто не только не присматривался к нему, но он, по определению, не попадал ни под одну проверку. Ни под малейшее подозрение. А ведь если проанализировать – его работа отличное прикрытие. Он имел возможность узнавать про артефакты, магов, ученых разных стран, использовать их, мотаться по миру и даже вывозить что-то... Преступник-археолог... Даже звучит дико. Помнишь, ту ночь в московском музее?

– Да. Хм, а ведь это произошло после нашей «случайной» встречи с Пеньковским.

– Да.

– Влада, я тут подумал... Ведь, по сути, до того вечера никто не делал попыток тебя убить... Чего, как ты думаешь, он добивается?

– Завершения ритуала. Уверена. Из гения – в боги, отличная карьера, – я горько усмехнулась, – Чего он добивается? Я не знаю.

– Но будет так же, как в Риме?

– Не уверена. Там же не получилось.

– Там ему помешали мы.

– Нет! Не в этом дело! Я читала более поздние отчеты экс-

пертов – в том месте, где ты меня нашел, никто и не проводил ритуал.

– Подожди, ведь Олег...

– Лишь думал, что ему доверили столь важное дело. А по сути, это была фальшивка, чтобы их подставить.

– И убить тебя?

– Теперь уже не знаю.

Я закурила. На мое состояние сигаретный дым ложился хуже некуда, но мне хотелось перебить одну горечь другой. Я снова начала рассуждать вслух:

– В Замке Ангела мы были не просто так – он начал процесс. И запустил механизм. Но потом, по каким-то причинам, осознал, что ничего не добьется. А поскольку мы начали охоту после Нового года, затаился...

– Только ли поэтому?

– Что ты имеешь в виду?

Максим прикурил сигарету от моей и глубоко затянулся. Я видела, насколько он зол, чувствовала, как ему хочется просто схватить меня и убраться подальше, но он также как и я понимал – опять на кону не только наша любовь или жизнь. Гораздо, гораздо больше.

– Слишком глупо и рискованно ехать сюда и пытаться что-то здесь повернуть. Или просто ехать сюда – отложив все свои планы по завоеванию мира. Значит, что-то есть в этом месте или времени, что ему потребовалось.

– Не знаю, что в этом месте, – я зло посмотрела на бли-

жайший склеп, будто он был в чем-то виноват. – Я понимаю теперь, что он что-то с ним или в нем делал – но что именно? Слишком много неизвестных.

– А время?

Потерла ноющие виски.

Ох, не понимаю... Что может быть связано с этими днями? Лето, море, жара, июль, знак зодиака Лев... Лев. Ведь в том свитке тоже был упомянут «лев»! Твою ж... Багровая луна...

Я застыла, совершенно потрясенная.

– Влада, – начал подходить ко мне Арсенский, но я выставила вперед ладонь, чтобы он не помешал и быстро заговорила, захлебываясь словами и открывшемся мне пониманием.

– Как я сразу не подумала? Ведь сейчас – именно сейчас – идет коридор затмений! В знаке Льва. Своего рода искажение, перезагрузка энергии главных светил – Солнца и Луны, которые являются носителями света, жизни и нашего пути на Земле. А полное лунное затмение – самое длинное, что можно будет наблюдать в двадцать первом веке – будет проходить при «великом противостоянии» с ретроградным Марсом, то есть эта планета будет находиться очень близко к Земле. В процессе затмения Луна, которая войдет в тень Земли, приобретет багрово-красный оттенок – «кровавый» Помнишь, я тебе описывала сцену, которую видела в лабиринте? Тогда было именно так – близкий Марс, ночь, Луна.

Затмение дает огромные возможности не просто для личностных изменений, но для изменений всеобщих, а Марс еще и создает сильный импульс для выхода блоков и ограничений... – я застонала в отчаянии. – Полное затмение... Сегодня, двадцать седьмого июля... Студенты ведь готовились – ну как я могла забыть?! Пеньковский ушел не потому, что понял, что мы его обнаружили – а потому, что сегодня он планирует завершить начатое.

Арсенский быстро что-то набрал на телефоне и выдал информацию:

– Затмение начнется в половину десятого... через два часа. А через три станет полным...

Мы переглянулись и побежали к палаткам.

Я уж было выдохнула, пересчитав всех своих студентов, но тут ко мне обратился встревоженный седовласый археолог, руководивший волонтерами со всех концов России:

– Влада Александровна...

Я побледнела. Неужели?

– Скольких нет?

– Пятерых.

Рядом выругался Арсенский.

Начал что-то объяснять пожилой мужчина.

Зашумело еще несколько человек.

– Тихо! – рявкнула я так, что замолчали сразу все присутствующие.

Думай, Влада, думай. Эта сволочь решила повторить Арс

Алмадель – и продвинуться дальше. Но он не может это сделать здесь, на раскопках – слишком уж обозримое пространство.

Где?

Где это может происходить?

Я беспомощно обвела взглядом море, берег, и виднеющийся в не-скольких километрах мыс.

Опук.

Легендарная гора, полная гротов и пещер. С уже раскопанным античным городищем Киммерик на северном склоне. Работы там в этом году не велись, а значит...

Я закрыла глаза.

В нос ворвался запах йода и страха. Звуки волн. Удушающее ощущение беспомощности.

Иду дальше, дальше, вдоль зыбких песков, в который превращается казалось бы незыблемый камень.

Прошлое, давящее непосильным грузом.

Свобода птиц.

Угасающее с шипением в воде солнце.

И слепое пятно где-то впереди, за которым ни звука, ни эмоции.

Я открыла глаза и зло усмехнулась. Только вряд ли кто это увидел – я уже ныряла в палатку за оборудованием.

Пеньковский переиграл сам себя. И теперь я точно знаю, как на него выйти.

Рядом молчаливый Арсенский натягивал рюкзак. Вот за

что я полюбила, пожалуй, этого мужчину – он всегда был готов к борьбе. За меня и вместе со мной.

– За старшего, – бросила я третьему агенту. – И свяжись с куратором.

И мы побежали.

Пять километров для магов нашей подготовки, даже по пересеченной местности – ерунда. Не более получаса.

То есть слишком много.

На мыс мы забирались, почти не таясь. А не обнаружив на вершине ничего, кроме давно раскопанного древнего колодца, огляделись.

Ну конечно, веревка.

Я прислушалась к себе – пожалуй, спуститься вниз будет правиль-ным.

Что мы и сделали, предварительно проверив, насколько она прочна.

Небольшая пещера была освещена садящимся солнцем. И пуста.

Но я ведь чувствовала – они где-то здесь! Ниже? На склоне? Среди руин Киммерика? Я со злостью ударила по выступающему камню и он провалился под моей рукой.

Тайный ход? И до сих пор об этом не написали все СМИ? Мы с Максимом переглянулись.

– Эмоции? Мысли?

– Ничего не чувствую.

– Я тоже. И ощущения ловушки нет. Чертов внезапно об-

наруженный дар! Но мы не можем раздумывать.

Я намеревалась первая шагнуть в темноту, но Максим меня отстранил. Осторожно пробрался вперед, включив фонарик, а я шагнула следом.

Вокруг было тесно и темно.

И совсем не видно второго выхода.

Я уж было собиралась повернуть назад, как пол под нами провалился и мы полетели в глубокий колодец.

От удара о землю у меня вышибло дыхание. Рядом выругался Ар-сенский.

– Цела?

– Вроде да. Что думаешь это значит?

Но он мне не ответил.

Ответом послужило журчание.

И каменный мешок, в котором мы оказались, начал наполняться водой.

Глава 9

Паника.

Нас решили похоронить в этом чертовом колодце или это случайность? Старая ловушка – а может, даже не ловушка – оставшаяся от древних?

Думать об этом времени не было.

Не было времени разговаривать или рыдать, если мы хотели выбраться. В секунду я подавила все лишние чувства, отбросила все страхи. Нет уж, пройти такой путь – и сдаться? И похоронить не только себя, но и тех пятерых – а может и гораздо большее количество народа?

Мы быстро начали ощупывать стены, в поисках рычага или хоть чего-то, что могло бы дать нам возможность выбраться.

Но вода прибывала слишком быстро.

Максим рыкнул и приподнял меня:

– Ползи наверх.

Я поняла его задумку. Колодец был глубоким, но довольно узким, и уперевшись руками и ногами можно было раскорячиться на манер морской звезды и урвать еще немного воздуха. А там... Может там дырка, через которую мы вывалились? Или подъемный механизм, открывающий эту дырку?

Я забиралась первая.

Максим – за мной.

А за нами шла вода. Судя по запаху – соленая. Не удивительно – в античные времена умели строить целые анфилады переходов и водопроводов внутри довольно больших объектов.

Неуместные мысли в такой ситуации, но я ничего не могла поделать с этим.

Лучше так, чем верещать в истерике.

Потолок приблизился слишком быстро. Слишком. Всего несколько вздохов – и мы уже теснимся под крохотным пятчком «крыши». Уперевшись ногами изо всех сил ощупываем камень.

Бесполезно.

Ловушка захлопнулась и настолько виртуозно, что не возникло и за-зора.

Пожалуй оставался единственный вариант. Хрен его знает, что даст взрыв в таком крохотном, замкнутом пространстве и не ухудшит ли это и без того патовую ситуацию, но был ли у нас выбор?

Да, мы рисковали потерять все.

Но не рискнув, мы теряли все однозначно.

Я больше почувствовала, чем увидела, что Максим привлекает меня к себе, насколько это было вообще возможно, и нежно прижимается к моим губам, даря свое дыхание.

Жизнь.

В голове промелькнули самые яркие сцены нашего с ним

прошлого – совместного прошлого – и я мысленно поблагодарила богов за то, что оно у нас было.

Самые восхитительные воспоминания.

Вода уже бурлила в районе пояса.

Я зажмурилась и призвала всю свою силу, мощь, все, что смогла собрать в себе – и в нем. И впервые в жизни, пожалуй, почувствовала магию как нечто инородное. Не чужое – свое, но отдельным живительным потоком рассекающим все сущее.

Я почувствовала ее движение, энергию, сладость, почувствовала, как смешиваются наши заряды – а может и нет. И мир взорвался уже знакомой вспышкой света.

Энергия защиты – и энергия нападения.

Мужское и женское.

Минус и плюс.

На мгновение я рассмотрела лицо Максима – самое любимое на свете лицо – а потом потеряла сознание, чувствуя, как меня сминает как жестяную банку под колесами грузовика...

И пришла в себя от укола в шею.

Дернулась. Сколько прошло времени?

Болело все. Такое ощущение, что меня перемолотило в каменных жерновах... Да так и было. Я осознала, наконец, себя в пространстве и в секунду диагностировала собственное состояние.

Ребра были точно сломаны, ныл ушибленный бок, а по виску текло что-то теплое – и точно не вода.

Водой я была пропитана и так.

Но дышала. Уже просто на порядок лучше, чем раньше.

И лежала на чем-то холодном.

Застонала и приподнялась, открывая глаза и пытаюсь сориентироваться. И тут же увидела спокойно глядящего на меня Пеньковского со шприцем в руках.

Я взвизгнула и метнулась назад, группируясь...

Нет. Это мозг дал команду визжать и группироваться. А тело не слушалось. Оно вяло перекаатилось и застыло в странноватой позе.

Пеньковский лишь пожал плечами. Со спокойным лицом. В чистой, городской одежде. И полной уверенностью в себе. В общем, психом здесь выглядела только я. Молчаливым психом.

Потому что я даже не знала, о чем его спросить.

Что он будет делать со мной?

Вряд ли что-то хорошее. Как и с теми пятью, что сидели, привязанные и с кляпами во рту. Им, похоже, парализующей жидкости не досталось. Одни веревки.

Где мы?

Похоже на пещеру. Тайный грот или помещение недалеко от Ким-мерика. Чуть освещена несколькими факелами и на удивление чистая.

Что с Максимом?

Макса я видела краем глаза. Такой же нелепо раскинутый, как я сама. Живой. А я за каждую дополнительную секунду

жизни готова славить мироздание.

Зачем?

А вот это и в самом деле интересно. Мы поняли так много – но все ли? Я попыталась что-то каркнуть – получилось с трудом.

И Владимир заговорил первым:

– Ты хочешь ответов? Всегда была любознательной...

Передернулась.

Вот не надо, а? Не надо показывать, как долго ты меня знал, как долго ты меня пас – и обманывал.

Похоже, все это он прочитал в моем лице. И чуть грустно улыбнулся:

– Я не планировал убивать тебя Влада, – он вздохнул, – до последнего момента не планировал. Но эта история слишком часто нас сталкивала, не находишь? Ты постоянно мешала мне – но ты же и помогала. Своими озарениями, той информацией, которую я волей-неволей от тебя получал. Своей дружеской поддержкой – никто бы и не подумал на меня, не так ли? И, похоже, боги сами меня подталкивают к тому, чтобы я воспользовался тобой и твоей силой. Я знал, что вы пойдете за мной, потому прихватил только пятерых – и поймал вас в давно разведенный капкан. Похоже, то, что стало катализатором, и должно поставить точку.

Информация с трудом доходила в мою явно ушибленную голову.

Давно разведенный?

Только пятерых?

Катализатор?

А вот это я поняла, стоило вспомнить.

Паликатель.

Тот день, в который я выжила – а жена Пеньковского нет.

Я заметила, что Максим попытался сесть. Он был за нашим врагом и мог бы сделать – если бы мог – что-то, но если также опустошен, как и я, и также не может двигаться, вряд ли это нам поможет.

Тем не менее, потянуть время стоило, тем более, что Арсенский двигался очень тихо и вполне умело делал вид, что еще не пришел в себя.

До полного затмения сколько-то минут – а может и час – точно было. А значит всегда оставался шанс придумать выход из ситуации.

– Я вел здесь раскопки пять лет назад, – голос мужчины не был даже самодовольным. Он просто пояснял мне очередной урок, как делал сотни раз раньше. – Обнаружил этот зал – и, понятно, никому о нем не сказал. Рунические надписи. Многое мне рассказавшие о том, как в древний мир призывалась магия – не зря все-таки по некоторым исследованиям считалось, что герулы были первыми магами и посещали этот полуостров. А они не зря здесь селились – магический источник, чувствуешь? Когда я понял свои ошибки в Риме, что именно я сделал не так и не в то время – решил воспользоваться твоим предложением и поехать сюда на раскопки,

тем более, что выбор времени был более чем удачен. Подобный коридор крайне редок.

Меня передернула. Ага, «предложила».

Тварь.

– Зачем тебе все это? – я, наконец, справилась с голосом.

– Уж точно не затем чтобы почувствовать себя богом, – он хохотнул, и я впервые рассмотрела в нем искру безумия. Безумия, присущего гениям и идиотам. Тем, кто ищет рычаг, чтобы изменить само существование – и тем, кому это удается. Хотя, может мне просто захотелось, чтобы он был безумен? Чтобы все, что он творил произошло не вследствие того, что он мерзавец, а потому, что не смог сопротивляться физическим или магическим процессам в мозге? – Судьба создателей Вселенной печальна – они замирают каменными истуканами и могут только влиять на события, но сами никогда частью этих событий не являются. Но чтобы изменить что-то, на самом деле изменить, нужно стать таким богом хотя бы на время.

– И ты нашел способ.

– Нашел. Нашими судьбами, характерами, поведением управляют планеты – древние были не глупцы. Они знали это, да еще и продумали способы влияния. И, подозреваю, даже придумали как стать чем-то большим, чем просто смотрящими – но у них не хватило сил, а может знаний, чтобы использовать этот вариант. Жертвы.

– А может они просто были нормальными? Не убийцами,

как ты?

– Да ладно уж, – Пеньковский поднял ладони вверх. – Тебе ли говорить о таких вещах. Тем более при мне, кто знает, что такое Комитет. И не посматривай так на свои побрякушки – я надежно экранировал здесь все, так что даже если ваши спасители поторопятся, они не найдут вас.

Я стиснула челюсти:

– Этот Комитет, который ты так неожиданно ненавидишь, вытащил тебя из той передраги.

– Но мою жену он не спас! Не смог, не так ли? – чуть визгливая нотка сказала мне о том, что Пеньковский был далеко не таким спокойным, как казалось. Я мельком глянула на Максима – что-то он точно затевает, но что? что пытается вытащить из-за пазухи? – Более того, только из-за долбанного Комитета все и произошло в Паликателе!

– Ты не можешь обвинять магов...

– Тем не менее, обвиняю!

– Неужели ты задумал все это уже тогда?

– О нет. Тогда я лишь вас всех возненавидел. Ведь это именно этот твой Комитет, твои родители, те президенты задумали игрища с магией и прочим человечеством. Чего им было мало? Власти? Сверх-способностей?

– О чем ты?! При чем тут игрища – тогда все выживали как могли, учились владеть тем, что так неожиданно получили и...

– И могли бы просто использовать деактиваторы.

– Их придумали спустя десятилетия – и то, последствия оказались крайне негативные!

– Тебе так об этом и говорили?

Пеньковский смотрел на меня с жалостью.

Черт, что он имеет в виду? Что магов – и магию – можно было бы просто уничтожить? Даже если так, в чем я сомневаюсь, это не было выходом – нашлось бы немало тех, кто не захотел отдавать новые возможности в добровольно-принудительном порядке.

– Это не помогло бы решить все мирным путем, – процедила я.

– Но таких тотальных войн тоже не началось бы, – переубедить мужчину было не возможно.

– Это развитие! – я разозлилась, но голос мой не стал громким или звонким. Все так же глух. Зато я почувствовала, что кровь побежала по венам быстрее. Один небольшой секрет у меня все-таки был. – Человечество сумело развиться благодаря магии и перейти на новую ступень! Мироздание дало нам все возможности.

– Мироздание дало нам возможность исправить содеянное, остаться верными своему пути – пути людей, а не сверхсоздателей. Магия не нужна была этому миру.

– Ты же сам маг!

– Анти-маг, девочка. И даже не сразу узнал об этом. Моя магия в том, что я нивелирую любую магию. Зачищаю любые остатки. А сам никогда не буду обнаружен...

Я похолодела. Это означало, что даже если я сумею кинуть в него какой-либо артефакт, который был спрятан среди одежды, ничего не случится. Они магические. А наброситься на него в таком состоянии я не смогу – просто не успею очистить кровь. У агентов эту функцию организмов сильных магов усиливали в лабораторных условиях – и мы справлялись почти со всеми ядами самостоятельно, а паралич, который также был вызван химическими процессами в крови, проходил в разы быстрее, чем у обычных людей.

Но сейчас я не успевала.

Надо еще тянуть время...

– И что ты собрался делать? Повернуть время вспять? Ты же уни-чтожишь весь мир!

– О нет. Такое было бы не возможно...

Он улыбнулся немного устало. И посмотрел на меня оценивающим взглядом.

А я поняла – не любил. Никогда не любил меня. Воспитывал ради чего-то, экспериментировал, искал, кому отдать свое тепло – пусть оно и было всего лишь внешним, но после смерти жены ему не с кем стало делиться.

Но не любил, как я думала.

А еще я поняла, что возненавидеть его не могу даже сейчас.

– Скажи, если бы тогда... Давно. Если бы тебе предложили решить – давать ли магию этому миру.. Какой бы ты решение приняла? – спросил мужчина.

Я задохнулась.

Он же не...

Черт.

Глаза наполнились слезами. Могла бы я принять такое решение? За весь мир? Знать, что мы сделаем качественный рывок вперед, что это огромное благо для человечества – но также знать, что погибнут миллионы? И среди них могут быть мои близкие?

– Я не знаю...

– Зато знаю я, – заявил Пеньковский жестко.

– Но... Ведь все уже произошло! Магия уже есть! И возврат будет еще более кошмарен!

– Мы сбились с пути. И пора вернуться на верную дорогу. Сектант хренов!

Вбил себе в голову, что магия – это зло, а забрав ее, он сделает мир чище – и ничто его не переубедит.

Вся грусть и боль за произошедшее – и за него в том числе – улетучилась. Да, может быть, если бы кому-то предоставили выбор, он бы выбрал отказ от магии. Но сейчас...

Сейчас это будет означать провал. И много смертей и поломанных жизней.

– Ты не сможешь это сделать... Даже бог, если ты себя им возомнил, не сможет забрать самую суть нынешнего мира!

– Бог не сможет. А вот анти-бог...

Я вскрикнула от удивления и внимательно посмотрела на место, что было предназначено для нашей смерти. Лучи, ру-

ны, артефакты – все не очень понятно, но по периметру было семь кругов.

И пять человек.

Двумя оставшимися были мы с Арсенским.

Семь способов оказать планетарное воздействие требовали семь жертв.

Но большой круг посередине весь испещренный рунами...

Он же не собирается...

Собирается. Лечь туда и замкнуть все на себе.

– Ты же умрешь, – прошептала в ужасе от того, что будет вскоре происходить.

– И оно стоит того, – уверенно кивнул безумец. Внезапно часы на его запястье пропищали. – Пора. Полное затмение совсем скоро. Знаешь какую планету я для тебя подготовил? Ну же давай, догадайся. Жизнь, ум, сила, речь и рост, судьба, чувства, смерть...

Помотала головой, с ужасом глядя на подхватывающего меня на руки Володю.

Сатурн. Начало и конец. Именно на этой планете заканчивается добро – и начинается территория зла. Жизнь и смерть. Как и ты, девочка. Ты ведь должна была умереть еще тогда – но боги приготовили для тебя более интересную историю.

Он аккуратно положил меня на нужное место и двинулся за Максимом, прикидывающимся – я надеялась, что только прикидывающимся, – полумертвым.

Того подхватил не так осторожно, дотащил до его места и просто бросил. А потом занялся многочисленными амулетами, что лежали чуть в стороне.

Арсенский выглядел израненным, нога вывернута под неестественным углом, а лицо бледное.

Я отвела взгляд. Было тошно.

Студенты тоже были в паршивом состоянии. Битые, грязные. Одна в обмороке, еще двое – рыдают и качаются из стороны в сторону. А двое оставшихся в адеквате смотрят с надеждой.

Но что я могла сделать?

Думай, Влада, думай.

Резерв на нуле – такое ощущение, что он предугадал даже это. Артефактами не воспользуешься. Силы возвращаются слишком медленно... Я беспомощно снова посмотрела на Максима.

Тот был сосредоточен. И направлен будто на меня.

Что он хочет мне сказать?

В голове пронесся образ яркого шара.

Это Максим?

Снова образ шара. Между двумя телами.

Блин, да я с таким резервом разве что солнечного зайчика создам! Ослепить его, что ли?

Или... Отвлечь? Но зачем?

Арсенский быстро, пока Володя не смотрел на него, разжал и сжал кулак, отвечая на мои безмолвные вопросы. Я

чуть не задохнулась от волнения – значит он тоже получал те ампулы и смог хоть немного, но избавиться от паралича даже быстрее меня.

Он показал глазами на себя, на меня, и одними губами произнес: «бах».

До меня дошло. Наш минус на плюс научился «встречаться» снаружи тел – не зря ученые Комитета нас «пытали». И соединив крупички магии в воздухе, мы вполне получим небольшой, но «бах». Пеньковского это отвлечет. А дальше?

Глаза Максима умоляли довериться ему.

Я чуть кивнула.

Посмотрела на кукловода, выглядящего до невозможности нормальным в этой адской обстановке.

Он зажег по периметру тяжелые, толстые свечи и принялся обходить всех узников, напевая что-то. А потом начал перебирать амулеты на своей груди – я без удивления узнала лунницы – и раз за разом произносить знакомые слова – что-то схожее было в том свитке, о котором рассказывал Максим.

Мне показалось, или атмосфера в пещере сгустилась? Дышать точно стало тяжелее – или это сломанные ребра?

Нет, не показалось.

Пеньковский все говорил, а из углов к нам начала подбираться Тьма.

Это не было похоже на черный дым, скорее – на провал пространства.

Я запаниковала. А Максим показал мне взглядом на даль-

ний угол – там сидели «Солнце» и «Луна». Что бы он ни собирался сделать, начнет с них – а значит наш отвлекающий или какой еще взрыв будет прямо над ним.

Пеньковский поднял большой блестящий нож и пошел в ту сторону.

Нельзя было этого допустить – как и того, чтобы безумец завершил то, что он хотел.

Я сосредоточилась, собирая все, что могла почувствовать и напра-вила туда же.

Ничего...

С ужасом глянула на Максима – тот закусил губу и покачал головой. Не получалось!

Мы снова попробовали...

И снова не то.

Тьма становилась все гуще, как – будто заглатывая окружающее пространство.

Раздался визг – первые, еще не слишком глубокие порезы другого человека я восприняла как свои. Снова визг и болезненное мычание сквозь кляп.

Ну же, пожалуйста!

Я выворачивалась наизнанку, готовая отдать каждую клеточку – но это не было возможно. Я не могла отдать что-то, чего не имела.

Я смотрела, как краснеют рукава той студентки, что стала первой жертвой. А Пеньковский уже шел ко второй, все еще лежащей в глубоком обмороке.

Всхлипнула.

Неужели все так и закончится? Неужели ни у кого нет шансов – со-всем-совсем нет?

На жизнь, на свет, на магию?

Новый надрез и новая боль. Кровь девушки закапала на пол в ритме ударов моего сердца.

Тук-тук.

Ту-ту-тук.

Тук.

Сердца?

Не похоже.

Это больше похоже на ритм, что отбивает сама Вселенная, гоняя по невидимым венам энергию, которой мне так не хватает.

На музыку, что бешеными и одновременно нежными ритмами про-низывает все мое существо, наполняя каждую клеточку силой...

Силой?!

Я встрепенулась, даже не смея в это поверить. И ошеломленно по-смотрела на Максима.

Но тот ничего не чувствовал. Почему?

Да какая разница!

Не важно, новый это у меня дар или вовсе не дар, но я готова сейчас сделать даже не маленький, а конкретный бум. В Пеньковского «стрелять» было бесполезно – не только потому, что я не боевой маг из фэнтези, но просто потому, что

любую магию он поглотит, скорее всего.

А так...

Я чуть кивнула Максиму, стараясь не обращать внимание на отвратительное зрелище, что разворачивалось прямо передо мной, а потом метнула все, что смогла собрать за эти мгновения, в указанную точку.

Мой мужчина не отстал.

Вспышка света с громким, каким-то ломким звуком озаорила все строение, чуть ли не разметав тьму, а наш кукловод вздрогнул, замер и задрал голову вверх.

А дальше...

Я никогда такого не видела. И, надеюсь, не увижу.

Максим чуть неловко, но довольно точно кинул что-то в эту вспышку. И это что-то вдруг рвануло молнией – даже не молнией, а переливчатой лентой – которая пронзила Пеньковского насквозь.

И стала делать с ним... страшное.

По ушам ударил отвратительный, резонирующий звук, перекрывший и страдающие стоны студентов, и дикий крик Володи. Я только и видела что его раскрытый рот. Я зажимала руками уши, но этот звук, звук скрежета и умерщвления плоти и сущего, проникал в меня не через барабанные перепонки. Он рвал меня изнутри – и если бы я уже не лежала, я бы повалилась на пол.

Звук полной противоположности той музыке жизни, что я училась чувствовать.

Звук, выпивающий эту самую жизнь.

Я смотрела, как выворачивается Пеньковский, пытаюсь вылезти из собственной кожи – лишь бы избавиться от ленты, проникшей в него, казалось бы, со всех сторон. Он худел, уменьшался на глазах, кожа его скукоживалась, а кости ломались, будто его засасывал в себя невидимый пылесос – сначала его энергию, потом жилы, потом саму душу.

Засасывал молча и беспощадно.

Наживую.

Он уже не кричал. Не дышал. Только закатившиеся от адской боли глаза еще выдавали в нем человека.

А потом всего лишь его оболочка упала на камни и меня вырвало.

Максим поднялся, пошатываясь и подошел ко мне, подволакивая ногу.

Утешить? Обнять?

Все не нужно.

Я всхлипнула. И помотала головой. А потом подползла к порезанным студентам. Кое – как намотала тряпки на их раны, предварительно немного затянув края, и вытащила кляпы, пока Максим помогал оставшимся.

Сегодня умерла окончательно часть моей жизни. Заслуженно, правильно, справедливо – но почему же так хреново?!

Болело все. Снаружи и внутри.

Я даже не чувствовала радости или облегчения, что эта

вся история закончилась. Только опустошение. И злость на мироздание, что допускает подобные вещи.

Злость и помогла мне продержаться еще немного, как всегда. Помочь Максиму сделать шину, гаркнуть на студентов, чтобы не ныли, найти выход – не столь уж и замаскированный. И выбраться наружу, под звезды, сияющие тем ярче, чем больше луна погружалась во мрак.

А потом я стекла на сырую землю, слыша далекий стрекот вертолетов.

– Что это было? – спросила опустившегося рядом Максима.

– Резонатор. Портативный. Наша совместная разработка с Комитетом...

– Забирающий магию?

– Да.

– Но ведь...

Я остановилась. Поняла. Это страшная штука вступала в противоречие с магической энергией и разрушала магические структуры – у предметов и у людей, но на Пеньковского, который и сам был, в какой-то мере, резонатором, повлияла иначе.

Она встала с ним на одну волну.

И тогда он поглотил не окружающую магию, а самого себя.

– Проблема была в том, что он активизируется на магию рядом, поэтому мы должны были...

Я вяло махнула рукой.

Все это было не важно.

Уже многое стало не важно.

Я прислонилась к любимому, который осторожно начал гладить мои перепачканные в чем только можно волосы.

– Дерьмовые у тебя получаются каникулы, – вздохнула и посмотрела на исчезнувшую на две трети луну.

– Главное, с тобой, – хмыкнул Арсенский и я, наконец, позволила себе закрыть глаза и провалиться за ту грань сознания.

Эпилог

– Ты уверен?

Максим кивнул.

Я сидела в кресле и внимательно смотрела на Арсенского и на коробку, которую он открыл, чтобы сложить туда украшения.

Расставаться с лунницами было жаль, но я понимала – это правильная мера. Ни в музее, ни в нашем доме им не место. А вот в лабораториях Комитета – самое оно. Напоенные чужой кровью, энергией и всей этой историей, они могли стать грозным оружием – но и дать нам новые магические сведения, делая магию, эту чистой воды божественную субстанцию, еще более близкой и изученной. Как всегда опасность и злонамеренное использование шли в ногу с прогрессом. И пусть в этом случае останется только последнее.

Смотрящая со звезд стала далеко не единственной жертвой этих артефактов – пора закончить цепочку убийств, открытую когда-то неведомым преступником.

Она снилась мне несколько раз. Нет, не разговаривала со мной и не пыталась что-то рассказать – просто будто её частичка, оставшаяся в информационном поле, была благодарна, что нашелся кто-то, кто узнал про неё и вспомнил.

Я всматривалась в эти сны, как всматривалась в следы, пытаясь понять, что же все-таки произошло тогда, почему

её убили и кто стал убийцей. Но вековая пыль и катаклизмы покрыли её историю столь плотным мраком, что разглядеть что-либо не было возможности.

Только предположить.

Что и тогда нашелся человек, который понял, насколько эфемерна грань между божественным озарением и желанием стать богом.

Я чуть поморщилась, как и каждый раз, когда вспоминала о Пеньковском.

Несмотря на все то, что он натворил, несмотря на убитых им людей, я не могла его проклинать или чувствовать отвращение.

Я узнала.

Уколы анти-магии действительно были созданы в кратчайшие сроки. Вот только Володя не учел очень важного момента – лишенные таким способом магии, люди становились инвалидами. Не физическими, нет. Но мало кто оставался после произошедшего в состоянии, приближенном к желанию жить и творить. Они постоянно искали – подсознательно – чего-то, чего лишились, испытывая фантомные боли и погружаясь в пучину депрессии, а то и просто спиваясь. Не все, конечно, но и здесь никто не давал гарантий.

И еще тогда пришли к выводу, что использование подобных вещей сродни убийству.

Как испытания даются тем, кто, как правило, может с ними справиться, так и магия была дана тому, кто не то чтобы

заслуживал её – но мог бы, если захочет, стать много лучше и принести еще больше ярких красок в свою жизнь и в этот мир.

Как бы ни ужасно это звучало, но у Пеньковского были причины поступить так, как он поступил. И его видение мира, чуть не приведшее к ужасающим последствиям, для меня не было однозначно неправильным. Волей-неволей я задумывалась, был хоть малейший шанс в том, что он был прав?

И понимала – есть. Наша жизнь настолько невероятна, а Вселенная настолько многогранна и бесконечна, что шанс здесь есть на практически все, что можно себе вообразить.

Мы же чаще всего не смотрим на полную картину и не можем познать всю сущность глобального замысла.

И это хорошо, это правильно. В этом и есть огромное отличие нас, людей, от исполинов мироздания. Нет, мы не мелкие букашки, мы те, кто руками трогает землю и ловит соленые капли звезд. Кто смотрит с восторгом на небо и улыбается своему ребенку. Кто швыряет в раздражении стопку бумаг и бежит навстречу волнам.

Мы велики в своей повседневности. В своих эмоциях и страхах. В своих мечтах и сомнениях. В своих попытках всегда сделать наилучший выбор.

Володя когда-то принял свое решение.

Ну а я сделала свой выбор.

Причем во всем.

Посмотрела на Максима, все еще укладывающего лунни-

цы в специальные отделения и улыбнулась.

Он тут же вскинул голову.

Мы чувствовали друг друга с каждым днем все лучше.

Я даже шутила, что он теперь не сможет мне изменять – узнаю ведь; а он огрызался, что найдет меня где бы я ни спряталась – хоть в Мариинской впадине, хоть на Эвересте.

Нет, мы не лезли глубоко в душу друг другу или мысли, уважая личное пространство, но были настроены друг на друга, как настроен музыкант на свой лучший инструмент. Только вот музыкантами были по очереди.

– Что? – спросил он, и тоже улыбнулся.

Я покачала головой. А мужчина закрыл коробку, подошел и обнял меня сзади, прислонив мою голову к себе и перебирая волосы:

– Устала?

– Устала.

Неделя выдалась тяжелой. Впрочем, когда это она была легкой? Я не стремилась к легкой жизни, меня радовала возможность проживать каждый день на полную – со всеми горестями и радостями, разочарованиями и победами.

Максим начал разминать мне плечи.

А мне стало как-то тихо и хорошо. Я прикрыла глаза и уже было собралась сообщить ему новость...

Дверь в главную «лабораторию» распахнулась.

– Так и знал, что найду вас здесь, – Никита широко улыбнулся и зашел в комнату, чуть прихрамывая. Два пальца на

правой руке у него было перебинтовано.

Я недоуменно приподняла бровь.

– Эксперимент, – от младшего Арсенского так и перла энергия радости. – Представляете, мне попробовали ввести новую составляющую, и с пальцев начали сыпаться искры, ну от неожиданности понятно, я упал, зацепился ногой за провод и... Вот.

Он гордо продемонстрировал нам перебинтованную лодыжку.

Максим заворчал, а я засмеялась.

Когда Никита сказал, что готов стать подопытным кроликом для испытаний по «переливанию магии», мы и подумать не могли, что он подойдет к этому настолько серьезно. Его не вытащить было из подвалов Комитета. Максим неоднократно пытался немного приструнить сына, но сам же отказался от подобных действий – Никита был бойким и умным парнем, с жадой деятельности и свершений, и не стоило его ограничивать в подобной самостоятельности.

Эксперименты шли с переменным успехом.

Опытным путем удалось все-таки выделить то, что называли «внешне-магическими частицами», и на их основе стали создавать «волшебные таблетки» дающие своим пользователям временное внутреннее могущество. Откат от таких веществ был довольно сильный, как и побочные эффекты. Да и направленность дара при разовых вливаниях было не определить – и уж тем более не развить. Но мы понимали,

что это лишь начало. И совместно с иностранными коллегами бросили все силы и средства на подобные опыты.

И все наши возможности на то, чтобы информация об этом пока никуда не просочилась.

Здесь следовало действовать осторожно.

Нет, маги не были жадными – в целом. Но многие из них зарабатывали и жили именно за счет того, что сильно отличались от других людей. А значит, будут возмущены.

Второе – всех беспокоило, что далеко не всем людям можно было магию «перелить».

Точнее, было не так много людей с предрасположенностью к магии, как это назвали. Да еще и параметры этой предрасположенности понять прямо сейчас мы не могли. Соответственно предполагали панику, домыслы и спекуляцию на этой теме, если она станет доступна общественности раньше, чем Комитет полностью все отработает.

Впрочем, так и так паники и домыслов не избежать. Современные возможности позволят избежать «темных времен», и даже если будут проблемы...

Есть люди, которые эти проблемы решат.

– А к семинару ты подготовился? – со смешком прервала в красках расписываемую историю.

Никита поперхнулся и буркнул:

– Тебе лишь бы подбить птицу на излете.

Я закатила глаза.

А Максим вытащил меня из кресла, повернул к себе и

приобнял, приблизив лицо к моему.

– Ты не прав, -проговорил он сыну, глядя мне в глаза, – не может ставить силки тот, кто учит летать.

Он нежно поцеловал меня и потерся носом о мой нос.

Полный страдания Никитин стон был слышен, кажется, во всем здании. Арсенский сердито посмотрел на дерзкого мальчишку, а я хихикнула.

– Такими темпами вы скоро подарите мне братика или сестричку, – скривился Никита.

Максим, неожиданно, смутился:

– Ну... Об этом рано еще говорить.

А я вздохнула и потупилась. Кажется, это подходящий момент:

– Да нет, не рано... Как бы уже поздно. – и посмотрела на одинаково ошеломленных синеглазых красавчиков, уже предвкушая третью синеглазку рядом. Мои-мои. А я – их. И с учетом того, что я собиралась взять фамилию мужа после свадьбы, которая состоится через две недели в Италии, скоро в этой семье вместо двух Арсенских станет четверо.

Мужчина резко шагнул назад, потом снова вперед, обхватил меня и выдохнул:

– Влада, ты...

– Ага.

– Но как же...

– Знаешь, Макс, вот про «как» я при Никите не собираюсь рассказывать.

– И ты молчала?!

– Заклинание тишины, наверное, сработало, – я уже просто хохотала.

– Какое заклинание тишины?!

– Па-ап, она просто издевается над тобой. И смотри, говорят, беременные становятся совсем несносными... Но ничего, все вместе мы справимся.

Максим зыркнул на сына, сглотнул, кивнул, а потом зарылся лицом в мои волосы.

И мне показалось, или он шмыгнул носом?

Послесловие от автора

Совпадения с реальными людьми случайны, магические способности – авторская фантазия. Но сведения относительно географии, археологии, истории полностью соответствуют академическим статьям. Двадцать пятого декабря две тысячи семнадцатого года Папа Римский действительно читал именно такую проповедь, а в августе две тысячи восемнадцатого, действительно был парад планет и «кровавая» луна.

На археологические раскопки в Крыму в качестве волонтеров мог тогда попасть каждый.